

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт философии и права

На правах рукописи

Зайкова Алина Сергеевна

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ: ФИЗИЧЕСКИЕ,
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

09.00.01 – Онтология и теория познания.

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Сторожук Анна Юрьевна

Новосибирск – 2021

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВНУТРЕННЕМ ВРЕМЕНИ.....	16
§1.1 Выделение внутреннего времени.....	18
§1.2 Внутреннее время как специфическое эпистемическое понятие.....	33
§1.3 Современные дискуссии о восприятии и осознании времени.....	50
ГЛАВА 2. ОСОЗНАВАЕМОЕ НАСТОЯЩЕЕ.....	69
§2.1 Элементарный темпоральный опыт: кажущееся настоящее.....	70
§2.2 Критика концепции кажущегося настоящего и построение модели текущего настоящего.....	85
§2.3 Структура текущего настоящего и его соотношение с кажущимся настоящим.....	105
ГЛАВА 3. ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОПЫТА.....	122
§3.1 Основные темпоральные отношения.....	123
§3.2 Естественно-научные основания аспектов темпорального опыта.....	137
§3.3 Темпоральные отношения внутри темпоральной структуры сознания....	152
Заключение.....	171
Список литературы.....	175

Введение

Актуальность исследования

Время на протяжении всей истории человечества являлось объектом пристального изучения. Это неудивительно: темпоральность как временная сущность явлений присутствует в любой человеческой деятельности, любой науке, любых теоретическом каркасе и эмпирическом исследовании. Как правило, для исследования темпоральности достаточно краткого определения понятия времени, но при этом в каждой отдельной науке такое понятие имеет свои специфические признаки, связанные с предметом исследования и с познавательными особенностями по отношению к этому предмету. Зачастую речь идёт не про само время, а про тот темпоральный опыт, в рамках которого происходит то или иное исследование.

В результате философия и конкретные науки всегда уделяли внимание восприятию времени и его отдельным аспектам. При этом, как правило, научные изыскания были нацелены на решение практических задач и в большей степени лишены общего философского базиса, а философские работы, в свою очередь, были либо чрезмерно конкретны, либо, напротив, затрагивали слишком широкий пласт понятий, касающихся времени, из-за чего представления о сознании времени терялись среди прочих философских проблем. До сих пор конкретно-научные и философские исследования часто говорят на разных языках и используют разные термины, что затрудняет поиск общности идей и их связей с эмпирическими данными.

И всё же развитие физики (появление специальной теории относительности, общей теории относительности и квантовой механики), а также совершенствование методов когнитивных исследований в частности и научного познания в целом обусловили изменение методологических подходов к изучению времени и сознания времени. Изменились и цели такого изучения: потребовались новые онтологические представления, соответствующие возникшим физическим

теориям времени и его структуры; возникла необходимость в создании единой теории темпоральной структуры сознания.

Кроме того, новую волну интереса к восприятию времени вызвало не только развитие физики и когнитивных наук. Стоит отметить, что в 1970-х годах своё развитие получили когнитивные научные установки преимущественно функционалистского толка. Однако большая часть таких установок пренебрегала качественным содержанием сознания, что не могло не вызывать обратной реакции у ряда исследователей, которая, в результате, и привела к постановке «трудной проблемы сознания». Время превратилось из кантовской формы созерцания и непонятного онтологического явления в феномен, который можно и нужно изучать. Уже проведённые эксперименты позволили понять, что существуют некоторые функциональные системы, по крайней мере частично ответственные за то, как мы воспринимаем время. Однако мы далеки от полноценного ответа на вопрос, как же мы воспринимаем и осознаём время. Наиболее ярко загадка восприятия и осознания времени проявляется в так называемом «парадоксе временного осознания», который сводится к следующему вопросу: как можно воспринимать длительность, если реальное настоящее – граница между прошлым и будущим – длительности не имеет?

Итак, то, как сознание воспринимает, осознаёт и представляет время является актуальным вопросом. С одной стороны, время является неотъемлемой частью сознания и познания, поскольку все сознательные процессы происходят во времени, как и все мыслительные акты разворачиваются во времени. С другой – время само является феноменом сознания и объектом рефлексии. Это приводит к особому эпистемологическому статусу времени в нашем сознании, который требует особого подхода и всестороннего изучения. Таким образом, для того, чтобы полноценно изучать время как неизменную часть сознания, необходимо создание базиса, объединяющего различные концепции и теории темпоральной структуры сознания и позволяющего обобщить исследования физических, функциональных и феноменальных аспектов темпоральной структуры сознания.

Степень разработанности проблемы

Первые значимые исследования непосредственного восприятия времени можно обнаружить ещё у философов Древней Греции. Здесь можно отметить труды Парменида, Гераклита, Зенона, Аристотеля, а также Плотина. Тогда же было проведено разделение между бытием-во-времени, т. е. непосредственным проживанием во времени, и сознанием-во-времени, т. е. переживанием событий во времени и временных отношений. Это же разделение в дальнейшем сохранилось, приобретая у разных авторов разные специфические черты. Так, в рамках некоторых теорий, в частности в концепции И. Канта¹ предполагалось, что бытие-во-времени и сознание-во-времени – суть одно и то же. Другие авторы разделяли проживаемое и осознаваемое время, как можно увидеть на примере Августина². Однако до научных достижений Нового времени главными доступными методами исследования восприятия времени были только интроверсия и ретроспекция, а также метод мысленного эксперимента. Научная революция XVIII века и дальнейшее развитие науки, в частности, достижения в области физики, биологии, психологии, а также появление эволюционной теории, развитие эпистемологии и теорий сознания, открыли новые методы, новые возможные теории и целый пласт недоступных ранее данных, которые позволили пролить свет именно на сознание-во-времени и на те темпоральные структуры, которые позволяют сознанию проживать, переживать и испытывать различный темпоральный опыт.

Фактически, в первую очередь проблема восприятия и осознания времени является отчасти психофизической и отчасти эпистемологической проблемой. До сих пор до конца не ясно соотношение физического и ментального в вопросе восприятия и познания времени, а важность времени для познания окружающего мира явно указывает на эпистемический характер этой сферы человеческого опыта. Помимо этого, здесь также присутствует феноменологический акт – непосредственное переживание времени.

В англоязычной философии последних лет можно заметить особый интерес к восприятию и осознанию времени, в том числе вызванный упомянутым

¹ Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.

² Августин Блаженный. Исповедь. СПб: Наука, 2013. 376 с.

«парадоксом временного осознания». С одной стороны, не прекращается дискуссия между сторонниками презентизма (убеждения, что реально лишь настоящее) и сторонниками этернализма (предположения, что все модусы времени одинаково реальны). Эта дискуссия вновь сделала актуальным обсуждение теории Дж. МакТаггарт о двух сериях событий во времени³, где он ставит вопрос о том, реален ли наш временной опыт или же он является просто особенностью нашей психики. Среди исследователей наиболее интересные замечания можно найти у Ш. Пауэра⁴, а также у Б. Брогаард и Д. Гатциа⁵. Другая дискуссия ведётся вокруг связи грамматического времени с реальным или же с воспринимаемым временем. Здесь стоит отметить работы Н. Оаклендера⁶ и Х. Меллора⁷. И, наконец, ещё одна дискуссия касается темпоральной структуры сознания и, в частности, реальности существования «какущегося» настоящего, а также дискретности и непрерывности темпорального опыта и времени вообще. Внутри этой дискуссии были сформулированы три основные темпоральные модели сознания, основанные на понятии какущегося настоящего: кинематографическая модель, которая полагает, что наше восприятие времени состоит из отдельных «кадров», экстенсиональная модель, предполагающая, что кажущееся настоящее во времени соответствует своему содержанию, и ретенциональная модель, согласно которой не имеющее длительности кажущееся настоящее содержит восприятие недавних длительных событий, «удерживая» их в сознании. Среди исследователей этих моделей можно назвать Р. Ле Пойдевина⁸,

³ McTaggart J. M. E. The Unreality of Time // Mind. 1908. № 17. P. 457–474.

⁴ Power Sh. E. Perceiving Multiple Locations in Time: A Phenomenological Defence of Tenseless Theory // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 249–255.

⁵ Brogaard B., Gatzia D. Time and Time Perception // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 257–263.

⁶ Oaklander N. L. A defense of the new tenseless theory of time // The Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 41 (162). P. 26–38.

⁷ Mellor D. H. Real Time. Cambridge & New York: Cambridge UP, 1981. 203 p.

⁸ Le Poidevin R. The Images of Time. An Essay on Temporal Representation. NY: Oxford University Press Inc., 2007. 193 p; Le Poidevin R. The Experience and Perception of Time // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015 [Electronic ressource]. URL: <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/time-experience/>> (date access: 20.11.2019).

Б. Дэйнтона⁹, К. Уилсона¹⁰, а также представителей нейрофеноменологии Ш. Галахера¹¹ и Ф. Варелу¹².

Отдельно стоит упомянуть исследования восприятия времени с точки зрения когнитивной науки. Исследования нейролингвистов, нейропсихологов, нейрофизиологов последних десятилетий обнаружили неизвестные ранее факты, которые касаются возможности восприятия последовательности у негоминидных млекопитающих, развития восприятия одновременности у детей разных возрастов, особенностей восприятия времени при физических и эмоциональных нагрузках. Среди них особенно выделяются такие исследователи, как К. МакДональд¹³, Т. Китамура¹⁴ и Г. Эйченбаум¹⁵, которые проводят исследования о природе темпоральности в мозге, а также Е. Рунау и Э. Пёппель, которые исследуют темпоральность восприятия¹⁶. По психологии восприятия времени наиболее полные исследования можно найти у Х. Шиффмана¹⁷ и К. Хэммонд¹⁸. Среди русскоязычных исследователей можно отметить Д. Г. Элькина¹⁹, исследующего восприятие времени и В. И. Молчанова²⁰, исследующего проблему сознания времени в контексте критического анализа феноменологической философии.

Исследования последних лет, проводимые с объединением методов аналитической философии, нейрофизиологии и феноменологии, привели к развитию знания о темпоральности сознания. Однако большинство

- 9 Dainton B. Stream of Consciousness: Unity and Continuity in Conscious Experience. London: Routledge, 2000. 272 p.
- 10 Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation. University of Oslo, 2008. 59 p.
- 11 Gallagher Sh.. Sync-Ing in the Stream of Experience: Time-Consciousness in Broad, Husserl, and Dainton // Psyche. 2003. № 9 (10) [Electronic resource]. URL: <http://journalpsyche.org/files/0xaabb.pdf> (date access: 13.02.19).
- 12 Varela F. J. The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness // Petitot J., Varela F. J., Pacoud B.& Roy J.-M. (eds.), Naturalizing Phenomenology. Stanford University Press, 1999. P. 266–314.
- 13 MacDonald C.J. et al. Hippocampal “Time Cells” Bridge the Gap in Memory for Discontiguous Events // Neuron. 2011. № 71. P. 737–749.
- 14 Kitamura T. et al. Island Cells Control Temporal Association Memory // Science. 2014. Vol 343 (6173). P. 896–901.
- 15 Eichenbaum, H. Time cells in the hippocampus: a new dimension for mapping memories // Nature reviews. Neuroscience. 2014. Vol. 15(11). P. 732–744.
- 16 Pöppel, E. Time Perception // Handbook of Sensory Physiology. Vol. VIII: Perception. Berlin: Springer-Verlag, 1978. P. 713–729; Ruhnau E., Pöppel E. Adirectional Temporal Zones in Quantum Physics and Brain Physiology // International Journal of Theoretical Physics. 1991. № 30 (8). P. 1083–1090(1091).
- 17 Schiffman H. R. Sensation and Perception. NY.: John Wiley & Sons, 2011. 608 p.
- 18 Хэммонд К. Искажённое время. М.: Livebook, 2013. 368 с.
- 19 Элькин Д. Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. 312 с.
- 20 Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М. Высш. шк., 1998. 144 с.

исследователей останавливаются в рамках существующих дискуссий, не пытаясь представить единую структуру восприятия и осознания времени. Для аргументации своей позиции исследователи часто предпочитают опираться на отрывочные данные. Так, концепция кадрового восприятия опирается на данные, известные о зрительном восприятии, в то время как ретенциональная модель использует данные, касающиеся слухового восприятия, в результате чего упомянутые модели, на наш взгляд, не могут быть использованы в качестве основной темпоральной модели сознания. Исходя из этого, представленное диссертационное исследование направлено на поиски темпоральной модели сознания, которая могла бы стать основой для описания восприятия времени (time perception) и сознания времени (time consciousness), а также на изучение основных особенностей такой модели.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является темпоральная структура сознания как основа для восприятия и сознания времени. Предметом исследования являются физические, феноменальные и функциональные аспекты темпоральной структуры сознания.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования состоит в том, чтобы разработать модель темпоральной структуры сознания, наиболее полно отвечающую современным метанаучным, теоретическим и эмпирическим знаниям как философских, так и конкретно-научных дисциплин.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Показать, что любой темпоральный опыт воспринимается и осознаётся именно в рамках темпоральной структуры сознания.
2. Проанализировать наиболее популярные темпоральные модели сознания и установить обоснованность их критики.
3. Предложить темпоральную модель сознания, наиболее успешно отражающую то, как мы воспринимаем и осознаём время, и в то же время совместимую с наиболее убедительными существующими моделями на уровне восприятия.

4. Выделить основные структурные элементы воспринимаемого и осознаваемого темпорального опыта.

5. Выявить основные темпоральные отношения, т. е. основные отношения элементов темпорального опыта внутри темпоральной структуры сознания.

Методология и методы исследования

Исследование основано на следующих теоретических идеях и концептуальных основаниях:

1. Категория времени рассматривается в первую очередь как теоретико-познавательная категория. При этом проблема восприятия и сознания времени является самостоятельным философским вопросом и не сводится к вопросу о сущности, генезисе или реальности времени вообще.

2. Философия сознания в данной работе выступает как метатеория, в рамках которой объединяются как философские, так и естественно-научные концепции, теории и исследования, посвящённые проблеме сознания, и в первую очередь проблеме сознания времени (*time consciousness*). При этом преимущество отдаётся теориям сознания высшего порядка как основному научно-теоретическому базису.

В качестве методологической основы можно выделить следующие составляющие:

3. Для выявления общих ключевых понятий предметной области используется теоретический и компаративный анализ различных концептуальных каркасов, поскольку теоретическая структура темпоральных сущностей (временных понятий) может существенно различаться в рамках различных концептуальных каркасов (философских концепций, метафизических доктрин, конкретно-научных теорий).

4. Наиболее адекватным подходом для целей нашей работы представляется аналитическая феноменология с учётом концептуального каркаса эволюционной эпистемологии (включая такие классические методы феноменологии, как феноменологическая редукция, феноменологический анализ и феноменологическое описание, а также относительно новые методы аналитической методологии феноменологии, такие как логико-лингвистический анализ). Основной причиной этого является необходимость всестороннего

рассмотрения феномена времени, а также натурализация понятия внутреннего времени с точки зрения конкретного психофизического знания.

5. Для выявления философских представлений (в том числе феноменологических, интроспективных и рефлексивных), лежащих в основе психофизических темпоральных понятий, используются аналитические методы (сравнительный метод, концептуальный анализ, синтез). В свою очередь результаты психофизических исследований используются для конкретизации феноменологических и интроспективных понятий.

Научная новизна

1. На основе историко-философского анализа исследований времени и сознания времени выявлены имплицитно предполагаемые постулаты, лежащие в основе таких исследований. Впервые показано, что основным неявным тезисом для большинства исследований является положение, что восприятие и осознание темпорального опыта зависит от темпоральной структуры сознания и, в первую очередь, определяется именно ей. Также показано, что, поскольку восприятие и осознание времени происходит в настоящем, то именно осознаваемое настоящее, внутри которого мы переживаем, воспринимаем и осознаём любой опыт (включая и воспоминания, и размышления любого рода, и планирование), и является темпоральной основой нашего сознания.

2. На основе концептуального анализа существующих темпоральных моделей сознания и критических замечаний в их адрес показана ограниченность использования понятия «кажущегося настоящего», которое объединяет в себя воспринятый переживаемый опыт, и не подходит в качестве основы темпоральный модели сознания, поскольку не включает в себя значительную часть сознательного опыта. Впервые продемонстрировано, что использование понятия «кажущегося настоящего» допустимо только для описания ментальных состояний низшего порядка, таких как ощущения, при этом показаны преимущества отдельных моделей для описания работы отдельных видов восприятия (визуальное, аудиальное и т.п.) в рамках единого «кажущегося настоящего».

3. Показано, что для описания ментальных состояний высшего порядка подходит понятие «текущего настоящего», предлагаемое Д.И. Дубровским или «настоящее высокоуровневого сознания», предлагаемое Дж. Эдельманом. Предложена темпоральная модель сознания на основе этих понятий, решающая парадокс временного осознания. Показано, что совместное использование «какущегося настоящего» для описания ментальных состояний низшего порядка и «текущего настоящего» для описания ментальных состояний высшего порядка имеет преимущества, в частности, при исследовании предметной и темпоральной непрерывности.

4. Предложено понятие «событие» в качестве обозначения основного фрагмента темпорального опыта. События структурируют ментальный опыт, выделяя значимые элементы вне зависимости от их длительности. Это позволило сделать вывод, что на уровне текущего настоящего присутствует именно событийная, а не темпоральная дискретность.

5. Продемонстрировано, что основными темпоральными отношениями между событиями являются ритм, длительность, одновременность и последовательность. С помощью материалов естественно-научных исследований показано, что эти отношения имеют фундаментальный характер, а их восприятие является специфическим. Выдвинута гипотеза, что в восприятии каждого из указанных темпоральных отношений можно выделить как уровень ощущений, обусловленных специфическими механизмами, так и уровень представлений, на котором различные восприятия темпоральных отношений влияет друг на друга. Впервые показана возможность восприятия некоторых темпоральных отношений на уровне осознания, т. е. на уровне текущего настоящего.

Положения, выносимые на защиту

1. Любое исследование восприятия и осознания времени предполагает существование темпоральной структуры сознания, которая позволяет воспринимать и переживать темпоральный опыт.

2. Среди современных моделей темпоральной структуры сознания ретенциональная модель лучше всего описывает особенности звукового восприятия в настоящем, кинематографическая модель наиболее близка к

зрительному восприятию, а экстенсиональная модель лучше всего работает с преемственностью опыта и непрерывностью сознания. Однако все эти модели используют концепцию «кажущегося настоящего», описывающую восприятие того, что ощущается как «сейчас». Однако, фактически, кажущееся настоящее описывает не темпоральную структуру сознания в целом, а только восприятие времени, следовательно, кажущееся настоящее, как и любые модели, построенные на его основе, не могут в полной мере быть использованы как основа для построения темпоральной модели сознания, — но по-прежнему являются актуальными для объяснения некоторых особенностей восприятия.

3. Темпоральная структура сознания состоит из двух частей. Во-первых, это сам поток любых ощущений, который представлен в виде кажущегося настоящего. Во-вторых, это текущее настоящее, которое включает в феноменальный опыт отдельные сознательные переживания, касающиеся настоящих, прошлых, будущих и даже несуществующих событий. Текущее настоящее обладает предметной дискретностью, но темпоральной непрерывностью, в то время как кажущееся настоящее обладает предметной непрерывностью и темпоральной дискретностью. Эти две части взаимосвязаны, поскольку мы не только структурируем опыт из правдоподобного настоящего, тем самым переводя его в текущее настоящее, но и переживаем в рамках правдоподобного настоящего помимо потока внешних данных как несознательный, так и сознательный, уже структурированный опыт. В совокупности эти две структуры как позволяют выделить отдельные события и предметы из единого потока ощущений, так и порождают ощущение непрерывного потока сознания.

4. Темпоральный опыт внутри текущего настоящего представлен в виде отдельных событий. Каждое событие — это фрагмент опыта, обладающий предметным и смысловым единством и структурно отличимый как от предыдущего и последующего темпорального опыта, так и внутри темпорально неразличимого опыта. Эти события могут включаться в феноменальное содержание текущего настоящего с помощью работы фантазии, памяти, планирования, а также через прямое восприятие. На функциональном уровне в

рамках кажущегося настоящего мы получаем основные данные от органов чувств, которые структурируются нейрональными группами и попадают в текущее настоящее как события, привязанные к плану настоящего времени физической реальности.

5. Основными отношениями внутри темпоральной структуры сознания являются ритм, длительность, одновременность и последовательность. Для восприятия ритма, длительности, одновременности и последовательности существуют преимущественно специфические нейрофизиологические и психологические механизмы, формирующие данное нам восприятие темпорального опыта, включая всевозможные темпоральные иллюзии. На такое формирование оказывают влияние множество факторов: культура, язык, социальное окружение и, конечно же, личный опыт темпоральных переживаний. Тем не менее, сама темпоральная структура сознания остаётся неизменной, хоть и может иметь свои особенности для каждого отдельного сознания.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты работы имеют междисциплинарную значимость в качестве метанаучных оснований исследований восприятия и осознания времени, а также для обоснования отношений между теориями восприятия времени конкретно-научных направлений: биологии, нейрофизиологии, психологии, психолингвистики, психотерапии, исследованиями искусственного интеллекта, социокультурными исследованиями. Результаты исследования также могут быть использованы в качестве логико-методологического основания конкретно-научных исследований в области искусственного интеллекта и психофизиологии. Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования для совершенствования учебных курсов «Философия науки», «Философия времени» и «Философия сознания».

Итоговая концепция будет полезна для оптимизации процессов обучения и деятельности, в которых значимыми являются ощущения ритма, длительности, а также восприятие одновременности или последовательности событий.

Наибольшее значение разработка данной концепции имеет для философии сознания и касается таких проблем, как проблема сознание-тело, проблема единства сознания во времени, проблема логической и вычислительной природы интеллекта. Также понимание того, как человек воспринимает и осознаёт время, позволит пролить свет как на чувственное, так и на рациональное постижение мира, что явно относится к теории познания.

Степень достоверности результатов исследования

Результаты исследования обладают высокой степенью достоверности, поскольку они получены с учётом широкого спектра современных теорий и методов. В частности, работа обладает концептуальной преемственностью по отношению к идеям Э. Гуссерля, Дж. Эдельмана и Д. Дубровского. Итоговая концепция согласована с феноменологической позицией как с ключевым подходом исследования. При этом методы аналитической философии позволили сохранить строгость логических переходов без излишней понятийной редукции. Результаты современных психофизических исследований также подтверждают выносимые на защиту положения, поскольку они использовались не только для выдвижения гипотез, но и для проверки итоговых выводов.

Апробация результатов исследований

Основные научные положения диссертации и основные теоретические результаты, полученные в диссертационном исследовании и вынесенные на защиту нашли отражения в публикациях автора по теме исследования, из которых пять статей опубликованы в ведущих журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Отдельные результаты диссертационного исследования представлены диссидентом очно и заочно на различных региональных, всероссийских и международных конференциях и семинарах в Новосибирске (2014, 2016, 2018, 2019, 2020 гг.), Уфе (2015 г.), Томске (2015, 2016, 2019 гг.), Москве (2017 г.), Вологде (2017 г.).

Структура и объём исследования

Диссертация состоит из введения, трёх глав, каждая из которых включает три параграфа, а также заключения и списка литературы, который включает в себя 133 наименования. Общий объём диссертации – 183 страницы.

ГЛАВА 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВНУТРЕННЕМ ВРЕМЕНИ

Вопрос «Реально ли время?» может на первый взгляд показаться далёким от вопроса о данности времени в опыте и сознании времени. В самом деле, разве имеет значение то, каково время само по себе, если мы изучаем феномен времени в нашем сознании без попыток проникнуть в глубинную структуру и сущность этого феномена?

Однако некоторые исследователи считают иначе. Вопрос о реальности времени ставился философами не раз. Одной из наиболее радикальных является позиция британского идеалиста Дж. Э. МакТаггарта в его работе «Нереальность времени», опубликованной в 1908 году²¹. Несмотря на то, что он пытается определить онтологический статус времени, он начинает своё рассуждение именно с позиции эпистемических или даже психологических представлений. Он пишет: «Я буду говорить о сериях позиций, пробегающих из далекого прошлого через ближайшее прошлое к настоящему, затем от настоящего к ближайшему, а затем далекому будущему, как об А-серии. Серии позиций, которые пробегают от раньше к позже, я буду называть В-сериями»²². Другими словами, он выделяет два класса взглядов на события: с одной стороны, все события мы относим к прошлому, настоящему и будущему – это он называет А-серий²³, с другой стороны, все события мы располагаем внутри В-серии, присваивая им отношения раньше или позже.

МакТагgart утверждает: ошибочно полагать, что различия первого класса более объективны только из-за того, что они являются перманентными. Более того, он убеждён, что время не является реальностью именно потому, что различие прошлого, настоящего и будущего является не менее «существенным для времени», чем различия второго класса²⁴. Указывая на то, что для нас доступно только то время, что составляет обе серии, он обращает внимание на то,

21 МакТагgart Дж. Э. Нереальность времени // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 211–228.

22 Там же. С. 212.

23 «Series» в различных источниках переводится как «последовательность» или как «серия» (событий). В этой работе будет использован перевод «серия».

24 Там же. С. 212.

что мы воспринимаем непосредственно лишь те события, которые являются нам в настоящем времени; прочие же события, прошлые или будущие, мы относим к реальным лишь благодаря памяти или логическим рассуждениям, при этом прошлые события для нас определены как те, что были раньше настоящего, а будущие – те, что будут позже настоящего.

При этом МакТагgart полагает, что наше восприятие непосредственным образом зависит от реальности времени. Он утверждает, что если различие прошлого, настоящего и будущего, т. е. между позициями во времени по А-серии, – иллюзия, то мы способны не воспринимать время, но лишь думать о времени. Попытка применить воспринимаемые А-серию и В-серию к реальному времени встречается с противоречиями, из чего он делает странное заключение: «Мы заключаем, что ни время как целое, ни А- и В-серии не существуют реально»²⁵. В результате его аргументация сводится к следующему: он использует феноменологические особенности нашего восприятия для доказательства онтологической нереальности времени и приходит к тому, что время не существует ни в онтологическом, ни в эпистемологическом смысле, а лишь является ненадёжной иллюзией. В частности, он использует понятие «кажущегося настоящего» в основе своей аргументации, полагая, что те события, которые мы относим к «кажущемуся настоящему», принадлежат модусу настоящего. Однако в ряде научных экспериментов показано, что всё, что мы воспринимаем, находится в прошлом²⁶. Таким образом, его аргументация – в той части, которая базируется на понятии «кажущегося настоящего» – по нашему мнению, оказывается неубедительной.

Тем не менее терминология МакТаггарта об А-серии и В-серии позиций во времени прижилась. Идеи МакТаггарта об иллюзорности времени до сих пор находят своих сторонников. Так, в 1999 году британский физик Дж. Барбур выпустил книгу «Конец времени», в которой он делает похожие выводы²⁷. Барбур отрицает физическое существование любой темпоральности, полагая, что все

25 Там же. С. 227.

26 Libet B., Wright E. W., Feinstein B., Pearl D. K. Subjective referral of the timing for a conscious sensory experience // Brain, 1979. № 102. P. 191–222.

27 Barbour J. The End of Time: The Next Revolution in Physics. Oxford: Oxford University Press, 2001. 384 p.

изменения, движения, само время – лишь иллюзия. Такая позиция кажется нам чрезмерно радикальной. Онтологическая реальность времени, конечно, вызывает множество вопросов и часто ставится под сомнение, но эпистемическая реальность времени – реальность времени как неотъемлемой части познания – отстаивается многими исследователями на протяжении всей истории философии. Можно заметить, что существующая традиция в первую очередь континентальной философии предполагает, что время – это форма предметов и явлений, но какая это форма: объективная, субъективная, форма восприятия или форма пребывания? В этих частностях философы часто расходятся.

Тем не менее, несмотря на упомянутые расхождения, можно отследить повторяющиеся мотивы в том, что касается темпоральной структуры сознания, как в непосредственном переживании, так и в памяти; интенциональности, определяющей направленность сознания и его концентрацию на непосредственном событии, переживании или предмете во времени; некоторого проживаемого «кажущегося настоящего», обеспечивающего вовлечённость в непосредственно происходящее.

Проанализируем подробнее эти мотивы в работах разных философов, отмечая проблемы, возникшие при исследовании восприятия и сознания времени, а также основные методы их решения. Особое внимание мы уделим неявному тезису большинства исследований, который сводится к убеждению, что восприятие и осознание темпорального опыта зависят от темпоральной структуры сознания и в первую очередь определяются именно ей. Таким образом, мы увидим, что, согласно явным и неявным представлениям, сложившимся в философской традиции исследования восприятия и осознания времени, любой темпоральный опыт осознаётся и воспринимается именно в рамках темпоральной структуры сознания.

§1.1 Выделение внутреннего времени

В данном параграфе мы рассмотрим позиции тех философов, которые задали основные тенденции в исследовании времени, а также сформулировали ключевые проблемы. В первую очередь такой проблемой стал вопрос о существовании внутреннего времени: существует ли внутреннее время и отличимо ли оно от времени, присущего физической реальности? Для того чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем работы таких мыслителей, как Аристотель, Августин и И. Кант. Мы увидим, что указанные философы разделяли время человека (его внутреннее время) и время мира (время, присущее физической реальности). Кроме того, они исследовали структуру внутреннего времени души, предполагая, что именно такая структура и позволяет человеку воспринимать и осознавать время.

1.1.1. Аристотель

Аристотель в «Физике» исследует само понятие времени и связь времени с реальностью. Для этого он сравнивает категорию времени и категорию пространства (места), а также изучает связь времени, пространства и пустоты, которые он полагает необходимыми для любого движения: «...движение невозможно без места, пустоты и времени... они общи всему и причастны всякой [вещи]» (*Arist. Phys.* 3.1 200b20)²⁸. Время для него по умолчанию бесконечно. Но бесконечность в понимании Аристотеля также может быть различной: так, бесконечность движения, бесконечность количества и бесконечность времени – это разные бесконечности, которые имеют разные причины: «движение бесконечно, потому что [такова] величина, в отношении которой происходит перемещение, качественное изменение или увеличение, время же [бесконечно] в силу движения» (207b23)²⁹.

Однако природу времени он определяет из его эпистемических свойств: «Что же касается времени и движения, то они бесконечны, так же, как и мышление, причем раз взятое [нами мгновение времени или состояние движения] не остается, [но тут же ускользает]» (208a20)³⁰. В приведённой цитате он

28 Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 103.

29 Там же. С. 121.

30 Там же. С. 122.

сравнивает время и движение с мышлением и отсюда делает вывод о бесконечности движения и, как следствие, бесконечности времени. Причём связь времени и движения упоминается не раз, при этом Аристотель подчёркивает, что любое движение соотносится с любым другим движением в некотором отношении, поскольку любое движение находится во времени, а «всякое время находится в отношении со временем, поскольку обе величины конечны» (216a10)³¹.

Исследование этой связи Аристотель начинает с движения, а к времени он переходит позже. Причина этого, как можно предположить, в том, что время кажется ему намного более загадочным, чем движение: движущийся объект можно увидеть, услышать, почувствовать, в то время как физическая реальность времени кажется ускользающей, или даже мнимой: «Что время или совсем не существует, или едва [существует], будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» (217b32)³². Этот «совсем не существующий» или же «едва существующий» феномен времени и стремится исследовать Аристотель. Загадочным ему представляется и понятие «теперь» – некоторое представление о текущем моменте или же мгновении. Однако Аристотель явно указывает, что, несмотря на эпистемическую реальность «теперь», время из этих «теперь» не слагается. «Теперь» у Аристотеля – это некоторое осознание настоящего, которое разделяет прошлое и будущее, граница, которая не может ни исчезнуть, ни пребывать всегда, поэтому статус «теперь» неясен, и для познания времени использовать его нельзя.

Отчаявшись познать время только через эпистемическое «теперь», Аристотель снова обращается к движению и изменению. И здесь происходит интересный ход: если раньше в своей работе Аристотель указывал, что движение не может быть вне времени, то теперь он указывает на обратную зависимость:

31 Там же. С. 141.

32 Там же. С. 145.

«время не есть движение, но и не существует без движения» (219a1)³³. Аристотель видит причину этого в том, что мы не замечаем времени, если нет никаких движений или изменений. Он приводит в пример спящих людей в Сардинии, которые соединяют «теперь», когда засыпали, и «теперь», когда они пробуждаются: между этими «теперь» пусто, и, значит, времени для спящих людей вовсе не прошло.

По нашему мнению, таким рассуждением Аристотель ясно даёт понять, что рассматривает не онтологическое, а эпистемологическое время – то есть только то время, которое дано нам в ощущениях и представлениях. И именно его он связывает с движением и изменением. При этом это изменение и движение может происходить как вне нашего тела, так и в нашей душе: «мы и время распознаем, когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее, и тогда говорим, что протекло время, когда воспримем чувствами предыдущее и последующее в движении» (219a21)³⁴. И вновь Аристотель возвращается к понятию «теперь»: здесь это моменты, между которыми и фиксируется время. При этом внутри единого «теперь» времени не ощущается, поскольку внутри «теперь» не ощущается движения. Время вслед за движением ощущается лишь тогда, когда есть предыдущее и последующее.

После того, как Аристотель решил, что время существует и что понятно, что оно такое, он переходит к соотношению времени и души: «Достойно рассмотрения также то, каково отношение времени к душе... Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствие души существовать время или нет?» (223a16–23). Он указывает, что если нет считающего (воспринимающего), то и считаемого (т.е. воспринимаемого) тоже нет. Поскольку единственное, что Аристотель признает считающим, является душа, то он приходит к следующему выводу: «без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени; например, если существует без души движение, а с движением связаны "прежде" и "после", они же и есть время, поскольку подлежат счету» (223a25)³⁵.

33 Там же. С. 147.

34 Там же. С. 148.

35 Там же.

Другими словами, Аристотель ставит вопрос не о существовании времени внутреннего, но о существовании времени как физической реальности, где нет души, обращая внимания на то, что время – «считаемое» – не может существовать без того, кто его «считает». Однако Аристотель не полностью в этом уверен, поскольку он полагает, что любое движение, любая последовательность событий и есть время – или его некоторый «субстрат». Движение же в представлении Аристотеля зависит не только от души; по его мнению, существует вечное движение, которое движется первым двигателем: «А первый двигатель движет вечным движением в течение бесконечного времени» (267b25)³⁶. Мы видим подтверждение этой версии в его словах, сказанных чуть раньше: «Если действительно невозможно, чтобы время существовало и мыслилось без "теперь", а "теперь" есть какая-то середина, включающая в себя одновременно и начало и конец – начало будущего и конец прошедшего, то необходимо, чтобы время существовало всегда» (251b19)³⁷.

Таким образом, в реальности времени Аристотель не сомневается, но эта реальность у него тесно связана с душой. Тем не менее, внутреннее время души отдельно от внешнего времени, частично воспринимаемого душою, у него тоже присутствует, но намного большее внимание он уделяет ему в работах «О душе», «О чувственном восприятии» и «О памяти».

Так, в работе «О душе» он пишет, что мыслям об иных временах неизменно сопутствует время: «При мысли о чем-то прошлом или будущем мыслится и присоединяется также время» (*De an.* 430b1)³⁸. Здесь Аристотель, судя по всему, рассматривает мыслимое время, которое явно отличается от времени внешнего мира по отношению к мыслящему субъекту. Более того, время у Аристотеля не только мыслится, но и чувствуется. Так, когда он говорит о случаях противостояния разума и желания, он утверждает, что это невозможно без чувства времени: «ведь ум велит воздерживаться ввиду будущего, желания же побуждают к осуществлению тотчас же, ибо удовольствие, получаемое сразу же, кажется и безусловным удовольствием, и безусловным благом оттого, что не принимают во

36 Там же. С. 262.

37 Там же. С. 223.

38 Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Трактат «О душе». М.: «Мысль», 1976. С. 436.

внимание будущее» (433b7)³⁹. Другими словами, чувство времени и следующее из него осознание будущего необходимо для того, чтобы иметь возможность разумно принимать решения.

Получается, что Аристотель указывает на время чувственное и время мыслимое, при этом разделяя их и утверждая различия в их применении. В дальнейшем он чуть подробнее пишет о времени чувственном в работе «О чувственном восприятии»: «воспринимающая часть есть нечто единое... необходимо, чтобы у души было какое-то единое время, в которое она все воспринимает» (*De sens.* 449a5)⁴⁰. Речь идёт про поток ощущений, который неизменно сопровождается воспринимаемым временем – временем, внутри которого душа воспринимает и в которое она воспринимает. В свою очередь, то, что происходит с уже воспринятым временем, Аристотель подробно разбирает в работе «О памяти»: «Как только претерпевание состоялось в неделимый завершенный промежуток времени, оно в тот же момент уже есть, и то же можно сказать и о знании, если позволено называть обладание или претерпевание знанием (впрочем, никто не мешает привходящим образом припомнить нечто из того, что мы знаем). А вот о припомнании в собственном смысле можно говорить лишь по истечении времени, ибо припоминают теперь то, что увидели или пережили прежде, а не то припоминают, что стали переживать только в настоящий момент» (*De tem.* 451B25)⁴¹.

В этом фрагменте мы видим, что неделимое претерпевание есть в самом настоящем – возможно, тут уместно говорить о том, что Аристотель здесь имеет в виду целостное восприятие настоящего и недавнего прошлого, то самое «кажущееся настоящее», которое будет рассмотрено во второй главе диссертации, – в то время как припоминание прошлого относится уже к осознанному воспоминанию прошлого, здесь можно чётко увидеть разграничение между восприятием событий во времени и сознанием событий во времени как ретроспективному сознательному акту, хотя, безусловно, эта ретроспектива как

39 Там же. С. 443.

40 Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. С. 135.

41 Там же. С. 145.

воспоминание тоже принадлежит настоящему, что также будет рассмотрено во второй главе.

Подводя итог нашему рассмотрению концепции времени в работах Аристотеля, отметим следующие важные моменты: внутреннее время сознания у Аристотеля имеет собственную структуру, тесно связанную с сознанием души, памятью и чувственным восприятием, однако, по нашему мнению, именно эта структура для него является тем, что измеряет онтологическое время – время мира внешнего по отношению к душе.

Далее мы перейдём к концепции времени у Августина и рассмотрим, что есть время в его понимании, а также то, как, по его мнению, мы воспринимаем и измеряем время.

1.1.2. Августин

Августин подробно исследует вопрос времени в «Исповеди» (397–398 г.), которая поражает глубиной и проработанностью суждений. В своей попытке охватить время сознанием он выделяет два времени: время протяжённости человеческой души и время изменяющегося мира. При этом он утверждает и реальность мира вне времени, где пребывает Бог: «Раньше всякого времени есть Ты – вечный Создатель всех времен, что раньше Тебя не было ни времени, ни созданий, если даже есть и надвременные» (*Conf. XXX.40*)⁴². Как видно из приведённой цитаты, время, согласно Августину, не является обязательным условием мира. Тем не менее Августин полагает его обязательным условием любых действий, любых изменений: «Сказать о ком-нибудь: "он никогда не делал" – значит сказать: "он не делал во времени". Пусть они увидят, что не может быть времени, если нет сотворенного; и пусть прекратят пустословие» (*XXX.40*)⁴³.

В этом отрывке Августин говорит о связи времени и сотворённого, времени и сотворяющего. Создатель, в его представлении, существовал до времени. Это может показаться логической ошибкой, поскольку чуть ранее он говорит, что нельзя говорить про расположение во времени, если времени не было. Но ошибки

42 Августин Блаженный. Исповедь. СПб: Наука, 2013. С. 194.

43 Там же.

здесь нет: Августин, утверждая, что до Создателя не было времени, говорит не про темпоральную зависимость, а про причинную. Создатель создал время, и поэтому он стоит и над ним, и до него, и будет стоять после него, подобно тому, как рисунок не может быть раньше художника: художник всегда будет до рисунка, и после рисунка, и над рисунком. Время для Создателя всё равно что рисунок для художника – лишь одно из творений, в которое он и поместил созданный им мир.

Однако несмотря на такой онтологический характер времени по отношению к временным созданиям, Августин тут же переключается на эпистемическую сторону временной реальности. Он говорит, что Бог создал время, но тут же спрашивает: а что есть время? И отвечает Августин на этот вопрос не со стороны мира, как ранее, а со стороны души, созданной Богом внутри времени и подвластной времени: «Время есть не что иное, как растяжение, но чего? не знаю; может быть, самой души» (XXVI.33)⁴⁴.

В этом фрагменте Августин использует физическую аналогию, обращая внимание на то, что эластичные предметы обладают известным свойством: в состоянии покоя при прочих равных условиях они обладают одними характеристиками, но приложении внешних сил или изменении условий (температуры, влажности и др.) их размеры могут значительно отличаться от привычных. Время, столь знакомое нам, обладает подобным свойством. Но, судя по всему, Августин считает время не самостоятельным объектом, подлежащим растяжению, но самим свойством эластичности, спрашивая, что именно подлежит растяжению. Августин считает, что растягивается сама душа, которую, как мы знаем, он считал онтологическим объектом, поскольку она создана Богом. Не следует ли из этого, что Августин придерживается атрибутивной концепции времени (т.е. концепции, где время рассматривается как атрибут некоторой субстанции) в том смысле, что он считает время одним из неизменных атрибутов самой души? Судя по отрывку, который приведён выше, такое мнение о позиции Августина является небезосновательным, потому что он неразрывно связывает время с душой как её неотъемлемое свойство.

Тем не менее, другой отрывок указывает, что, по мнению Августина, время – свойство не столько души, сколько самой реальности: «материя, созданная "во-первых" и названная небом и землей, потому что небо и земля из нее созданы, создана "во-первых" не по времени, потому что время появляется, когда всё уже облечено в форму, а материя эта была бесформенной, и видишь ее уже во времени и вместе с ним» (XXIX.40)⁴⁵. Таким образом, согласно Августину, сначала была Вечность, только потом – «материя», так как именно «вечность Творца» позволяет создавать что-то (в данном случае материю) из ничего, затем материя облекается в форму и, наконец, только потом появляется «время», которое по своей сути является объективным.

Из вышесказанного можно заключить, что у Августина присутствуют две концепции времени: объективное время, которое создаёт Бог как форму любых изменений, и перцептивное время – растяжение души, которое и доступно только этой самой душе. Однако эти два времени служат разным целям: время объективное становится объектом познания у Августина только в своей связи с божественным, а перцептивное, или даже феноменологическое, время является объяснением исключительно феномена осознания времени. Его теория о времени как растяжении души не нуждается в построении реального времени. При этом сама душа, согласно Августину, пытается познать и феноменологическое, и объективное время двумя разными видами сознания: первое сознание – преходящее, суетное, мечущееся в потоке никогда не останавливающегося времени, другое – вечное, неподвижное, не знающее ни прошлого, ни будущего. Первое дано людям, второе – почти недоступно: «Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно» (XI.13)⁴⁶.

Здесь Августин явно противопоставляет «вечное» как то, что стремится познать человек и «суетное» как то, что дано ему в потоке времени. Однако именно это суетное и является тем, что помогает человеку познавать время. При этом ключ к познанию времени Августин видит в текущем потоке ощущений,

45 Там же. С. 216.

46 Там же. С. 181.

которое, пропуская через себя настоящее, уходит в прошлое: «если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?» (XIV.17)⁴⁷.

Этот отрывок демонстрирует, что Августин основным определяющим свойством времени полагает его текучесть, а настоящее существует лишь потому, что оно исчезает и уходит в прошлое. Как же возможно измерение времени, если оно «стремится исчезнуть»? Августин полагает, что именно сознание, а точнее душа, является мерой времени – но не посредством внешних изменений, а посредством впечатлений от происходящего: «В тебе, душа моя, измеряю я время... Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило» (XXVII.32)⁴⁸. Августин убежден в том, что мы измеряем время с помощью впечатлений, остающихся в душе. Он допускает, что возражения возможны, но они являются следствием «сумятицы», множества тех впечатлений, которые и остаются в душе. По его мнению, настоящее, уходя в прошлое, оставляет те самые впечатления, которые, будучи измеримы, и составляют наше представление о длительности того или иного события.

Продолжая рассуждения о настоящем, Августин приходит к идеи о существовании момента, на который и направлен акт внимания и который невозможно разделить на части или остановить. Этот акт внимания заключает в себе настоящий проживаемый момент, снимок реальности, но не более. Однако то, что момент не имеет длительности, Августин выводит не из собственного опыта, но, напротив, из рассуждений о сущности настоящего: он полагает, что долгим можно называть только то, что сведено до настоящего некоторым пределом. Сначала он уменьшает настоящее до одного дня, потом – до часа, который также слагается из уже прошедших и ещё не наступивших частиц времени, и лишь один

47 Там же. С. 183.

48 Там же. С. 192.

момент во времени и может называться настоящим: «Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается» (XV.20)⁴⁹.

В этой цитате Августин вновь обращается к настоящему – к тому самому настоящему, что существует лишь потому, что «стремится исчезнуть». Он обнаруживает здесь ещё одно важное свойство настоящего: его темпоральную неделимость. Эти два свойства делают «настоящее» Августина весьма похожим на «теперь» Аристотеля. У обоих мыслителей это настоящее является некоторым разделом, границей между прошлым и будущим, и полностью лишено длительности, будучи неделимо и нерасчленимо.

Подведём итоги нашего исследования позиции Августина. Августин убеждён, что время является неотъемлемой частью всех явлений, однако измерением времени видит сознание, полагая, что «душа» измеряет время с помощью своих впечатлений, оставленных ушедшим настоящим. При этом он явно показывает, что настоящее лишено длительности и существует постольку, поскольку должно исчезнуть; оно в его представлении не может быть разделено ни на какие части.

Здесь можно ещё раз заметить, как близки позиции Аристотеля и Августина. Они оба рассматривают онтологическое, или физическое, время и вместе с тем указывают на внутреннее время души – некоторую эпистемическую реальность, доступную субъектам познания, через которую субъекты познания познают онтологическое время, время реальности и всего мира. Аристотель и Августин описывают схожую структуру внутреннего времени души: в представлении обоих авторов внутреннее время состоит, во-первых, из некоторого «теперь», или же «настоящего» и из потока ощущений, который доступен субъекту познания внутри этого «теперь». Наконец, и Аристотель, и Августин обращаются к тому потоку сознания, внутри которого находятся память, воображение и измерение уже прошедшего времени.

Следующий автор, позицию которого мы рассмотрим, – это Иммануил Кант, поскольку он не только подробно исследовал время и его соотношение с нашим сознанием, но и произвёл своего рода революцию в отношении исследования времени, полагая его не просто некоторым свойством явлений, но формой внутреннего созерцания и чувствования. Попробуем проследить, как именно он пришёл к этому выводу, а также какова структура этой формы чувствования.

1.1.3. Иммануил Кант

В своей работе «Критика чистого разума» (1781) И. Кант, с одной стороны, продолжает традиции Аристотеля и Августина, сомневаясь в реальности времени вне сознания, а с другой стороны, радикально разрешает эти сомнения, предлагая свою концепцию, в которой на первое место ставится не онтологическое время, время мира, внутри которого существуют весь временной мир и все временные сознания, а субъект познания. Кант критически развивает размышления Аристотеля и Августина и относительно темпорально-познавательных способностей души, полагая, что это некоторая форма внутреннего чувствования, единственная, при которой возможно наглядное представление души и её внутреннего состояния: «Именно все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется в отношениях времени. Вне себя мы не можем представить времени, точно так же как пространство нельзя представить находящимся внутри нас»⁵⁰. Другими словами, Кант утверждает невозможность любых определений, лишённых темпоральной составляющей, противопоставляя временную и пространственную форму.

Стоит отметить, что речь здесь идёт не про представление пространства внутри нашего сознания как мыслительный акт, а про некую именно пространственную форму чувствования или созерцания, которая упорядочивала бы внутренние состояния некоторым пространственным образом. Тем не менее, фраза «вне себя мы не можем представить времени», тем более на контрасте с утверждением о невозможности внутреннего восприятия пространства, звучит, на наш взгляд, не очень убедительно. Является ли это утверждение частью

50 Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 77.

представления о том, что восприятие любого явления во времени проходит опосредованно, через наше сознание? Возможно, это просто указание на разницу в представлениях времени и пространства? Или это утверждение указывает, что созерцание времени основано на внутреннем самосознании, в то время как созерцание пространства всё же основано на внешних перцепциях?

Кажется наиболее вероятным, что именно последний вариант ближе к мнению Канта, и в доказательство такого мнения можно привести следующую цитату: «Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех наглядных представлений. Из явлений вообще мы не можем удалить время, тогда как явления могут быть удалены из времени. Следовательно, время дано *a priori*. Только в нем возможна вся действительность явлений»⁵¹. В этой цитате Кант подчеркивает, что время лежит в основе всех представлений и дано нам *a priori*, что подтверждает нашу гипотезу.

Кант утверждает, что «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства»⁵², тем самым придавая понятию времени эпистемический характер. Сравнивая время с пространством, он обращает внимание на их сходство в том, что они оба являются формами созерцания, но указывает и на их различия: если пространство – форма внешнего созерцания, то время – форма внутреннего созерцания. Таким образом, вслед за эпистемическим характером времени эпистемический характер придаётся и всем явлениям, поскольку без времени не будет и явлений: «Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще»⁵³. Время – необходимое условие и нашей души, нашего познания, и необходимое, хоть и косвенное, условие всех внешних явлений, дающее им возможность быть познанными. Этот двоякий статус времени указывает на то, что время, подобно платоновскому пониманию Блага, для познания является фундаментальным. Если мы признаём реальность явлений и возможность познания явлений, то мы не можем и отрицать реальность времени – пусть и исключительно для человеческого разума – как априорное формальное условие.

51 Там же. С. 84.

52 Там же. С. 86.

53 Там же. С. 86–87.

При этом Кант отрицает, что время носит исключительно субъективный характер. Хотя существует мнение, что в представлении времени у Канта слишком много психологизма, но это, на наш взгляд, не так: кантовское время не психологично, но эпистемично: «Если мы скажем, что все вещи как явления (предметы чувственного наглядного представления) находятся во времени, то это основоположение обладает объективной истинностью и априорной всеобщностью»⁵⁴, и это показывает, что временные характеристики вещей объективны, но объективны именно как явления, как предметы представления, чувствования или созерцания.

От такого эпистемического представления Канту нужно сделать лишь шаг, чтобы перейти к феноменологическому характеру времени и, в частности, к потоку сознания: «Именно потому, что это внутреннее наглядное представление не имеет никакого внешнего образа, мы стараемся устранить этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразие составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и умозаключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени, за исключением лишь того, что части линии существуют все вместе, тогда как части времени существуют друг после друга»⁵⁵. Эта цитата демонстрирует, что у Канта внутреннее созерцание является неотъемлемым свойством потока сознания, который с помощью аналогий и некоторых усилий превращается в отрефлексированный поток сознания, выражаящийся во внутреннем абстрактном пространственном представлении времени и событий на ней.

Однако время у Канта не ограничивается ролью исключительно фундаментальной основы познания. В разделе «Трансцендентальная аналитика» Кант указывает на то, что время не только является формой для нашего чувственного созерцания, но оно необходимо для связи чувств и рассудка. И здесь создание связи с рассудком происходит посредством направленного внимания: «Всякий акт внимания может дать нам пример этого [того обстоятельства, что мы

54 Там же. С. 87.

55 Там же. С. 86.

сами воздействуем на внутреннее чувство – прим. диссертанта]. В этом акте рассудок сообразно мыслимой им связи всегда определяет внутреннее чувство к такому внутреннему наглядному представлению, которое соответствует многообразию в синтезе рассудка»⁵⁶. Здесь мы видим, что Кант говорит про акт внимания, который помогает нам сознавать себя и свои временные представления не как то, что существует само по себе, а как явление.

При этом далее он указывает, что акт внимания может быть направлен и на процесс, как в случае с замерзанием воды акт схватывания касается двух последовательных состояний: жидкого и твёрдого. Акт схватывания вместе с актом чистой апперцепции представляют нам события во времени; Кант отличает их от эмпирической апперцепции, которая дана нам при непосредственном восприятии предмета в пространстве и времени. Для того чтобы продемонстрировать это отличие, он продолжает свою аналогию с замерзанием воды. Он пишет: «я аппрегендирую два состояния (жидкости и твердости) как стоящие друг к другу в отношении времени»⁵⁷. Однако для того, чтобы эти два состояния находились в известном отношении последовательности во времени, необходимо синтетическое единство многообразия, которое, согласно Канту, является априорным условием любого многообразия, которое, применяемое к чувственности во времени, является причиной представлений о любых временных отношений происходящего.

Таким образом, Кант выделяет несколько слоёв времени: время как сама форма чувствования, далее – время явлений, являющее нам в эмпирической апперцепции как себя, так и всего внешнего мира; затем время как связующее между эмпирической апперцепцией и рассудком; время как часть, схватываемая рассудком как абстрактное понятие. Всё это нераздельно и необходимо соединено в понятии времени друг с другом и с субъектом познания.

Подводя итог нашему рассмотрению представлений Канта, мы можем сделать вывод, что Кант в первую очередь рассматривал время как форму чувствования, созерцания, мышления. Именно темпоральная структура души,

56 Там же. С. 164.

57 Там же. С. 212.

согласно Канту, позволяет нам воспринимать все явления. С одной стороны, это можно рассматривать как развитие идей Аристотеля и Августина в том, что касается внутреннего времени. С другой стороны, Кант отказывается рассматривать иное время, время мира без человека, что явно отличает его и от Аристотеля, и от Августина.

В этом параграфе мы рассмотрели концепции Аристотеля, Августина и Канта как тех философов, которые задали главенствующие направления в исследованиях времени: во-первых, это внутреннее время, и, во-вторых, это время мира. Именно приведенные выше исследования способствовали разделению представлений о времени на онтологические или даже метафизические – время как неизменная часть реальности, и на феноменологические или эпистемические – время как неотъемлемая часть нашего познания. Некоторые относят к основоположникам идеи такого разделения и Г.Ф.В. Гегеля⁵⁸, но при более подробном исследовании оказывается, что его исследования Гегеля посвящены в основном историческому времени⁵⁹.

Конечно, как показано, в частности, в работе К. Уилсона⁶⁰, онтологические и феноменологические представления до сих пор влияют друг на друга⁶¹. Тем не менее, это разделение является необходимым не только для достижения цели диссертационного исследования, то есть построения модели темпоральной структуры сознания, которое невозможно без выделения имманентного времени, но и для других исследований времени и сознания времени.

§1.2 Внутреннее время как специфическое эпистемическое понятие

После работ Канта вопрос о том, как устроено внутреннее время, какова его роль для познания и сознания, стал отдельным вопросом, отличным от вопроса о

⁵⁸ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 328.

⁵⁹ В частности, такое мнение достаточно хорошо аргументировано в статье Спектора Д. М.: Спектор Д. М. Время и трансцендентальный субъект. Кант и Гегель // Философская мысль. 2017. № 10. С. 18–33.

⁶⁰ Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation. University of Oslo, 2008. 59 р.

⁶¹ Так, Уилсон демонстрирует, что модель перекрытия – модель, согласно которой существует несколько перекрывающихся кажущихся настоящих, проходящих параллельно объективному времени, – достаточно совместима с этернализмом, согласно которому прошлое, будущее и настоящее равно реально существуют, но создают трудности для презентизма, который подразумевает существование только настоящего. См. Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation // University of Oslo, 2008. P. 30.

том, что есть время вообще. Развитие науки только усилило это разделение. С одной стороны, биологи, в частности К.Э. фон Бэр, В.И. Вернадский и другие, продемонстрировали, что можно говорить о биологическом времени человека как об отдельной категории времени⁶²; к биологическому времени можно было отнести различные биологические циклы, особенности временного восприятия отдельных событий, биологические темпоральные примитивы и некоторые другие физиологические особенности. Развитие дарвиновской теории эволюции также позволяло взглянуть на особенности восприятия времени как на эволюционное преимущество человека.

С другой стороны, изменилось представление о физическом времени. Раньше научные концепции времени сводились к тому, что время является некоторой постоянной характеристикой физической реальности, оно объективно, гомогенно, наглядно и равномерно. Вот как, например, это описывал И. Ньютон в «Началах» (1686): «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц год»⁶³. Здесь Ньютон подчёркивает, что абсолютное время является простым и легко измеримым, в отличие от относительного времени, которое обманчиво из-за изменчивости чувств и несовершенности измерений. Но XIX век обнаружил иные подходы к физическому пониманию времени, на что повлияло развитие термодинамики, механики Э. Маха и, в дальнейшем, квантовой механики, а также специальной и общей теорий относительности (мы рассмотрим это подробнее в п. 3.2.1). Время физической реальности потеряло свою абсолютность и однородность, более того, учёные зачастую определяют время в зависимости от исследуемого предмета. Абсолютное время как таковое исчезло, осталось лишь время относительное.

62 Вернадский В. И. Памяти академика К. Э. фон Бэра // Труды Комиссии по истории знаний АН СССР. 1927. С. 9.

63 Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. С. 30.

На этом фоне неудивительно, что вопрос о внутреннем времени оказался столь популярным и привлек к себе внимание как с психологической и естественно-научной, так и с феноменологической сторон. Действительно, если рассматривать внутреннее время как особенность человеческого сознания, его именно так и надо исследовать; если же изучать внутреннее время как форму явлений или даже духа, то необходим феноменологический подход. Это во многом определило подход к исследованию внутреннего времени в конце XIX и первой половине XX века. Далее мы рассмотрим Уильяма Джеймса, основателя психологического подхода к восприятию времени, и Анри Бергсона, основателя интуиционистского подхода к постижению времени, а также русскую философию как направление, которое наиболее точно описывало отдельные временные характеристики, такие как «бренность» и «текучесть». Мы завершим этот параграф рассмотрением феноменологических исследований, которые впервые поставили вопрос об отличии внутреннего, имманентного времени от субъективного.

1.2.1. Уильям Джеймс

Уильям Джеймс является приверженцем и в какой-то мере даже основателем естественно-научного и психологического подходов к восприятию времени. Он изучает внутреннее время сознания в его данности нам через ощущения и понятия, а также то, как оно способствует появлению ощущений и понятий.

Джеймс разделяет перцепт как ощущение и концепт как понятие. Он считает, что ощущения представляли собой неотъемлемые особенности различных биологических видов задолго до появления сознания, ещё у наших «четвероногих предков», и были самодостаточными. Мышление же, по мнению Джеймса, стало добавочной функцией. Поток ощущений (поток восприятия) есть и у животных, различие лишь в реакции: физические реакции, память или рефлексия. Джеймс отмечает разницу между перцептами и концептами и в отношении непрерывности: «Существенная разница между перцептами и концептами состоит в том, что перцепты непрерывны, а концепты прерывны»⁶⁴.

64 Джеймс У. Введение в философию / Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С. 34.

Другими словами, перцепты непрерывны как часть потока ощущений, создание концепта – тоже («формирование концепта как акта мышления есть часть общего потока ощущений»⁶⁵), но сами концепты дискретны, поскольку каждый концепт имеет своё собственное значение, свой смысл, и недостаточное осмысление употребляемых понятий указывает лишь на то, что концепт сформирован несовершенно.

Поток чувственных переживаний, в свою очередь, ничего не означает, но он содержит в себе множество аспектов, которые могут быть выделены сознанием в дальнейшем: «В поток сознания входят все возможные чувственные данные, из которых каждое занимает значительную или незначительную часть общего поля сознания»⁶⁶. Надо отметить, что для Джеймса поток сознания и поток ощущений часто употребляются как синонимичные в значении «перцепт» (точнее, поток перцептов), и представляют собой «непосредственный поток жизни сознания», в отличие от концепта, для которого он полагает синонимами «мысль», «идею» и «интеллектуальную деятельность». При этом Джеймс отмечает, что перцепты имеют дело с данным нам настоящим, то есть тем, что дано нам «здесь» и «сейчас», а концепты, в свою очередь, затрагивают и прошлое, и будущее.

Джеймс видит отличие своих воззрений от взглядов Канта в том, что Кант изначально полагает поток ощущений, изначально чувственный поток «многообразным», из которого «трансцендентальное Я» посредством апперцепции создаёт нечто единое, и рассудок с помощью категорий синтезирует единство чувственных данных, в то время как Джеймс уверен, что чувственный поток – это нечто единое, «многообразное единство», из которого с помощью внимания мы выкраиваем некоторые концепты. На наш взгляд, это различие является несколько преувеличеным. И Кант, и Джеймс говорят о потоке ощущений, и они же говорят про опосредованные концептуальные знания. Но если Кант отделяет «трансцендентальное Я» от того, что познается, то Джеймс их соединяет для того, чтобы включить понятие субъекта и в концепты, и в перцепты,

65 Там же. С. 35.

66 Там же.

поскольку ему важно противопоставление не мира и человека, а перцептов и концептов.

Итак, нам следует отметить следующие моменты в представлениях Джеймса. Во-первых, он рассматривает уже не просто время, но исключительно внутреннее время, а также то, как оно соотносится с нашим сознанием. Его разделение на перцепты и концепты оказалось недооцененным в области исследования восприятия и осознания времени, в том числе, возможно, из-за его концепции «кажущегося настоящего», причину существования которого он видел в перцептивных механизмах. Обе его идеи будут рассмотрены подробнее во второй главе.

В следующем разделе мы рассмотрим ещё одного оригинального автора, чьё влияние на философию времени и философию сознания времени отмечали многие философы – французского философа Анри Бергсона.

1.2.2. Анри Бергсон

Анри Бергсон оправданно считается автором одной из самых оригинальных интерпретаций времени. Причина этой оригинальности заключается в самой философии Бергсона: мир для него разделен на две части – жизнь и материю, чьё столкновение и конфликт создают всю вселенную. Он различает математическое время и время, воспринимаемое живым организмом, и спорит с предложенной Ньютоном концепцией физического времени, упомянутой в начале параграфа. Если Ньюトン полагал, что математическое время – это и есть «время вообще», и субъективное, изменчивое время – следствие несовершенства человеческих измерений и восприятий, то Бергсон утверждал, что именно субъективное, изменчивое время, внутреннее время живого организма и есть настоящее время, а математическое время – лишь иллюзия, форма для расчётов, мёртвая, статичная псевдореальность. Существует мнение, что именно под влиянием философии и физики Ньютона время стало восприниматься как нечто гомогенное и однородное; на самом же деле время, которое воспринимают и переживают живые организмы,

является изменчивым, как утверждал Бергсон⁶⁷. Это переживание времени Бергсон назвал «durée» – длительностью. По его мнению, длительность обладала особым, живым единством: «Конечно, непрерывность элементов, продолжающихся одни в других, причастна единству так же как и множественности, но это подвижное, изменчивое, окрашенное, живое единство совсем не похоже на единство абстрактное, неподвижное и пустое, которое дается в понятии чистого единства»⁶⁸. Другими словами, живое единство длительности он противопоставлял пустому и неподвижному единству математического времени, и именно длительность как концепция и лежала в основе основных взглядов Бергсона.

Особенная оригинальность позиции Бергсона заключается в постановке вопроса, можно ли использовать воспринимаемое время для понимания «времени вообще». Бергсон утверждал: чтобы узнать, имеем ли мы дело в конкретном случае с реальным временем или его фикцией, нужно поставить вопрос, может ли такое время быть воспринято. Он противопоставляет интеллект как создатель мёртвого, физического времени и интуицию, основную форму самопознания жизни, дающую нам живое, настоящее время⁶⁹.

Впрочем, нельзя сказать, что живое время у Бергсона не является объективным. В «Творческой эволюции» Бергсон приписывает Вселенной свойства «воспринимающего субъекта» и жизни одновременно, утверждая, что «Вселенная длится», а сама длительность не является ничем иным, кроме как субстанцией всех вещей. Такое его представление в очередной раз указывает на уже означенную проблему разграничения воспринимаемого времени, основы нашего созерцания, и онтологического времени, т. е. времени вообще, основы существования всех явлений.

Бергсон полагает, что если мы не можем воспринять «время вообще», то есть, корректно сформулировать на концептуальном уровне философскую

⁶⁷ В качестве одного из сторонников такой позиции можно отметить Ю. Новикова: Новиков Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона // Метафизика. 2013. № 5 (7). С. 22.

⁶⁸ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 745.

⁶⁹ Ю. Новиков довольно точно описывает разницу в отношении времен у Бергсона следующим образом: «Физическое время представляет собой результат разлагающей деятельности интеллекта, в то время как живое время познаётся посредством интуиции – самодостаточной формой познания жизнью самой себя». Новиков Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона // Метафизика. 2013. № 5 (7). С. 25.

категорию времени как предельно общее понятие или осознать его через опыт, значит, его не существует. При этом пониманию «времени вообще» способствует именно физическое осмысление времени, предложенное его современником А. Эйнштейном, то есть численное измерение времени, воспринимающееся человеком опосредованно, через показания часов, а не субъективное время, воспринимаемое каждым живым организмом в каждый момент времени по-своему.

Согласно Бергсону, для каждого субъекта есть своё «переживаемое время», и, говорить про главенствующую роль какого-либо из «переживаемых времен» можно только при условии особого единого воспринимающего субъекта, к примеру, Вселенной, или же допуская множественность измерений переживаемого времени. «Когда мы определяем время как однородную среду, в которой развертываются состояния сознаний, мы его тогда себе представляем как нечто, целиком сразу данное, т.е. изымаем его из длительности»⁷⁰, – пишет Бергсон. Он полагает, что в данном случае мы бессознательно находимся в заложниках у пространственных представлений. На самом деле временные и пространственные представления, по его мнению, имеют важное отличие: пространственные представления зафиксированы очертаниями предметов и промежутками между предметами, в то время как состояния сознания проникают друг в друга. Это вынуждает его поставить вопрос: «Уместно поэтому спросить себя, не представляет ли собою время, понятое как однородная среда, ублюдочного понятия, порождаемого вследствие введения понятия пространства в область чистого сознания?»⁷¹. Тем самым Бергсон отрицает реальность времени как однородной среды, полагая это иллюзией, хоть и довольно убедительной.

Здесь мы видим аргумент, направленный против физических представлений о пространстве-времени как о четырёхмерном континууме. Бергсон убеждён, что представления об однородности времени – заблуждение, вызванное интерполяцией пространственных представлений в область сознания времени, в то время как реально время представляет собой нанизанные друг на друга

70 Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 749.

71 Там же.

состояния сознания. Оставляя в стороне вопрос о том, является ли время, представленное как однородная среда, лишь ошибочным понятием, укажем на недостаток аргумента Бергсона. Утверждая, что состояния сознания могут быть последовательными и при этом проникать друг в друга, он пытается сделать то, что сам яро осуждает: отнимает у состояний сознания время как индивидуальную особенность, поскольку полагает, что само выделение некоторых состояний является искусственным и надуманным. В итоге то самое переживаемое время, в котором, по его же утверждению, разворачивается любое явление и любое состояние сознания, становится лишь фикцией.

Однако, опустив этот спорный момент, можно заключить, что в остальном концепция Бергсона отличается ясностью и стройностью. Так, он довольно наглядно объяснил различие между потоком сознания и протяжением. Поток сознания в его трактовке сконструирован следующим образом: он не является хаотическим изменением, а целостность сознания однозначно концентрируется динамическим видением, идеей о том, что каждое состояние сознания человека выражает всю личность. Бергсон также предлагает своё разрешение проблемы единства сознания во времени⁷² через длительность следующим образом: он указывает на то, что в сознании присутствует и «множественность последовательных состояний сознания», и единство, которое их всех соединяет. Длительность, в свою очередь, определяется им как «синтез этого единства и этой множественности». Это и заставляет его прийти к убеждению относительно единственности длительности: «Есть и должна быть только единая длительность, – та, в которой обычно оперирует наше сознание»⁷³. Другими словами, Бергсон уверен в том, что длительность нашего сознания – это единственно реальная длительность в отличие от длительности процессов и явлений вне нашего сознания. Эта длительность и есть то настоящее, то время, которое нам явлено: «Время – это непрерывный прогресс прошлого, пожирающего будущее и

⁷² Проблему единства сознания во времени можно сформулировать следующим образом: почему наше сознание во времени едино? Что связывает отдельные состояния сознания между собой? Бергсон пишет об этом так: «Я признаю, что я меняюсь, но мне кажется, что при переходе от одного состояния к другому остается некоторый осадок». См. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 15.

⁷³ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 1203.

растущего по мере движения вперед»⁷⁴. Таким образом, Бергсон противопоставляет длительность безвременному моменту, границе между прошлым и будущим. Однако он не отрицает, что отдельные моменты и отдельные акты познаются нами, и утверждает, что познаются они именно с помощью длительности.

Бергсон убежден, что мы вычленяем такие моменты некоторым неделимым актом внимания, направленным вовне, в настоящее, или же в прошлое, в поток памяти, в отрефлексированный поток сознания. Он описывает это так: «Неделимость акта, посредством которого мы постигаем каждую из этих единиц, тогда принимает образ математической точки, которую пустой промежуток пространства отделяет от последующей точки»⁷⁵. Другими словами, сознательный акт он предлагает считать неделимым, но отдельные события в прошлом или в будущем, согласно Бергсону, могут воплощаться в сознательном акте как лишённые длительности моменты, аналогичные математической точке – но это только в том случае, если длительность присуща временному промежутку до этой точки.

Подводя итоги, можно сказать, что достижения Бергсона в представлении времени как длительности несомненны. Однако что есть эта длительность? Как мы писали выше, длительность Бергсона неразрывно связана с сознанием, более того, именно этой длительностью наше сознание и оперирует, и внутри этой длительности мы и размещаем все события: в прошлом, в настоящем, в будущем. Фактически, эта длительность у Бергсона имеет структурное, основополагающее значение для сознания и выполняет роль темпоральной структуры сознания, без которой не может быть ни сознания, ни познания.

Идеи Бергсона нашли свое продолжение в работах русских философов, как приверженцев религиозной философии, так и сторонников естественно-научного подхода. В первую очередь это касается представления о роли длительности и о текучести или даже бренности всего во времени. Рассмотрим эти идеи подробнее.

74 Там же. С. 18.

75 Там же. С. 736.

1.2.3. Русская философия

Русская философия оказалась одной из наиболее чутких к интуитивизму Бергсона. Среди представителей русской философии, которые во многом следовали за Бергсоном в попытке понять и познать время, можно выделить С. А. Алексеева (Аскольдова) и П. А. Флоренского как наиболее крупных и оригинальных мыслителей, посвятивших вопросам восприятия и сознания времени значительную часть своих исследований, а также В. И. Вернадского, позиция которого, несмотря на иной подход, перекликается с воззрениями Аскольдова и Флоренского. В первую очередь это идея о бренности времени, а также вопрос о структуре восприятия и осознания времени.

Аскольдов в работах «Время и его религиозный смысл» (1913) и «Время и его преодоление» (1922) задаётся вопросом религиозного смысла времени и зависимости человека от времени. Не оставляет без внимания он и вопрос феноменологического опыта времени. Он спрашивает, чем же является настоящее время, и сравнивает темпоральное «теперь» с точкой пространства, приходя к выводу, что настоящее имеет эпистемический статус, необходимый для познания чего-либо во времени. Так, например, Аскольдов пишет, что «настоящее как мгновение есть гносеологическая фикция»⁷⁶, поскольку «мгновение... есть не что иное, как геометрическая точка»⁷⁷. Также он продолжает линию Аристотеля и Августина о разграничении онтологического и психологического времени, однако у него есть важное дополнение к подобной позиции, а именно то, что психологическое время, несмотря на его относительность, имеет объективное содержание, которое заключается в первую очередь в структуре временного восприятия. Вот что он пишет: «Оно заключается, во-первых, в том, что всякое время для всех и всегда слагается из трех времен, и, во-вторых, в том, что настоящее в своем центральном, срединном пункте для всех же совпадает, т.е. есть некоторое общее "теперь" или "сейчас", однозначность которого в некоторых пределах пространства может быть объективно установлена, а для всего мира с достаточным основанием мыслима и представляема»⁷⁸. Мы видим, что он ведёт

⁷⁶ Аскольдов С. А. Время и его религиозный смысл // Вопросы философии и психологии. М., 1913. Кн. 117 (II). С. 148–149.

⁷⁷ Там же. С. 149.

⁷⁸ Аскольдов С.А. Время и его преодоление // Мысль, 1922. № 3. С. 80–97. С. 82.

речь о некой структуре, которая обеспечивает возможность для восприятия всех временных модусов, отдавая предпочтение восприятию модусу настоящего.

Таким образом, по мнению Аскольдова, несмотря на индивидуальность темпорального опыта, ошибочно было бы предполагать, что подобный опыт является исключительно субъективным, лишённым общих черт. Связь психологического и онтологического «теперь» действительно выглядит если не необходимой, то, безусловно, имеющей большое значение. Именно указание на этот факт, а также то, что он показал существование некоторой общей структуры, которая позволяет нам воспринимать, и составляет, на наш взгляд, основной вклад Аскольдова в осмысление восприятия времени.

Схожие представления можно обнаружить и в концепции, которую предлагает Павел Флоренский. Однако есть и значительные различия.

Так, несмотря на то что Флоренский во многом следует за Бергсоном, вслед за Кантом он утверждает, что время – форма, но не форма созерцания, а форма существования. Он пишет: «Все – текуче. Время есть форма существования всего, что ни есть, и сказать: "существует" – значит сказать: "во времени", ибо время есть форма текучести явлений. "Все течет и движется, и ничто не пребывает; πάντα ῥεῖ καὶ κινεῖται, καὶ οὐδὲν μένει", – жаловался уже Гераклит. Все ускользает из сознания, протекает сквозь сознание, – забывается. Время – χρόνος производит явления, но, как и его мифологический образ, как Кронос, оно пожирает своих детей»⁷⁹.

Как мы видим из этой цитаты, у Флоренского время также неразрывно связано с явлением: время и создаёт явления, и уничтожает их. В этом смысле его позиция не отличается принципиально от позиции Канта, утверждающего, что все явления находятся во времени. Но далее Флоренский переходит к значению времени и временности для души, сознания, жизни и даже самой реальности, обращаясь к философии Бергсона и, вместе с тем, развивая его идеи значения времени для души, но противопоставляя времени вечную истину.

Несмотря на то, что философия Бергсона построена на текучести сознания, жизни и самой реальности, и эта текучесть, как и реальность времени, является

79 Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 18.

для Бергсона несомненной, в ней, по мнению Флоренского, упускается незабвенностъ истины, как видно из следующей цитаты: «Истина, в понимании эллина, есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, – нечто превозмогающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое. Истина есть вечная память какого-то Сознания; истина есть ценность, достойная вечного памятования и способная к нему»⁸⁰. Таким образом, Флоренский признаёт временность и текучесть жизни – но утверждает, что всё же есть нечто статичное и постоянное, подобно Бытию у Parmenida или идеям у Платона.

Это постоянное он называет истиной, которая есть память некоего высшего Сознания, под которым он имеет в виду самого Бога. Истина для него «превозмогает» время, возможно, даже находится вне времени, подобно вневременному миру Августина. Однако, несмотря на то что эта истина представляет собой, по мнению Флоренского, память некоего вечного Сознания, к памяти сознания истина тоже может относиться. Упомянутой памяти сознания, представленной внутри потока сознания, он противопоставляет осознание текущего момента: если память «хочет остановить движение», то сознание ищет некоторый «покоящийся поток, пребывающее течение, неподвижный вихрь бытия»⁸¹. Флоренский указывает, что рассудок сам стремится к памяти, тем самым пытаясь выйти за свои собственные рамки, чтобы приблизиться к истине: «Если понятие памяти, по существу своему, выходит за границы рассудка, то Память в высшей мере своей, – Истина, – тем более выше рассудка»⁸².

Здесь мы видим интересный взгляд на соотношение рассудка и сущего. С одной стороны, рассудок, согласно Флоренскому, стремится помнить, постигнуть всё доступное незабвенное сущее, с другой – остановить поток событий, чтобы иметь возможность это сущее схватить. Он видит в этом самопротиворечие рассудка, но именно это само самопротиворечие, стремление к постижению времени и к его разрушению, по мнению Флоренского, открывает естественное стремление к постижению Бога.

80 Там же.

81 Там же. С. 19.

82 Там же.

Подведём итоги рассмотрению работ Флоренского. Итак, во-первых, он поднимает вопрос текучести и бренности времени и всех временных явлений, однако он же и ограничивает эту текучесть, утверждая существование некоей вечной истины. Во-вторых, он пытается описать некоторую структуру восприятия времени, основанную на взаимодействии рассудка и памяти, опираясь на то, как дано время для нашего сознания.

В философии Флоренского и Аскольдова можно заметить несколько общих моментов: так, они оба делают акцент на текучести времени и на временности жизни, и в первую очередь изучают время так, как оно дано для нашего сознания, и оба опираются на воззрения Бергсона в своих рассуждениях.

Вернадский также изучает временность и текучесть как жизни, так и физической реальности, и тоже обращается ко времени у Бергсона, однако он это делает по другим причинам: вследствие своих естественно-научных взглядов он применяет концепцию бренности также и к естественным явлениям: «Время Бергсона есть время реальное, проявляющееся и создающееся в процессе творческой эволюции жизни... Время идет в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление – созидание – творческого мирового процесса»⁸³. Здесь мы видим не только аргументацию в пользу Бергсона, но и ответ популярным в его время сомнениям о возможности «обратного» направления времени. Его мнение однозначно: время – условие не только существования сознания, но и всего мира.

При этом Вернадский описывает «жизненный порыв» в философии Бергсона как «биогеохимическую энергию живого вещества». Однако он видит реальное время доступным не только сознанию субъекта, но биологической жизни в целом. Смена поколений развёртывает время, которое наблюдается во всём, и даже в атомах. Вернадский, исходя из известной в то время недолговечности четырнадцати химических элементов, делает вывод о бренности атомов в целом, и, соответственно, приходит к утверждению о бренности всего сущего: «Мысль о закономерной бренности атомов может быть выражена и другим образом, более

⁸³ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 332.

удобным для философского мышления, более общим: время есть одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание»⁸⁴. Вернадский замечал бренность всего сущего во всём, и это отразилось на множестве его работ, посвященных не только биологии и химии, но и, в частности, геохронологии⁸⁵.

На основе огромного количества своих и современных ему исследований Вернадский делает вывод, что время, доступное сознанию, чётко определено биологической структурой организма, поколения, вида, и, наконец, всего космоса. Это было одним из первых подобных заявлений, которое, без сомнения, повлияло на последующих философов, изучающих проблему сознания времени, особенно с естественно-научной точки зрения. Развитие этой мысли привело к основополагающему положению эволюционной эпистемологии, согласно которому наше восприятие, осознание и понимание времени – это результат долгого эволюционного процесса.

На этом мы закончим рассмотрение трудов русских философов, так или иначе посвящённых проблемам сознания времени. Следующим направлением, которое мы бы хотели рассмотреть, поскольку именно оно во многом определило то, как сейчас говорят о восприятии и осознании времени, является феноменология. Именно в феноменологии встал вопрос о внутреннем сознании времени, лишённом каких-либо эмпирических и теоретических предпосылок, и именно в рамках феноменологии и были предложены основные модели сознания времени, или, говоря иначе, модели темпоральной структуры сознания.

1.2.4. Имманентное время Э. Гуссерля

До феноменологии принято было разделять время на субъективное – эпистемическое или психологическое – и на объективное, онтологическое время, или же время физического мира. Феноменология не рассматривает ни первую группу представлений, ни вторую. Она исследует имманентное время как таковое.

84 Там же. С. 229.

85 Так отмечал, в частности, Г. П. Аксёнов: «Вернадский проявил поразительную интуицию в новых методах изотропной геохронологии». См. Аксёнов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространства. Историко-научное исследование. М.: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2006. С. 257.

Такой поворот к имманентному времени совершил немецкий философ Эдмунд Гуссерль. Гуссерль исследует феноменологическое, имманентное время, то есть то время, которое дано нам в нашем сознании как явление и которое для нас является неизменным спутником всех явлений, даже необходимым условием существования явлений. Он обращает внимание на то, что онтологический статус времени не имеет никакого значения для исследования сознания времени, и, хоть и признает, что существуют смежные задачи, не менее интересные, но указывает, что они не являются предметом исследования феноменологии: «Мы намереваемся провести феноменологический анализ сознания времени. Это предполагает, как и при любом таком анализе, полное исключение каких бы то ни было допущений, установлений и убеждений относительно объективного времени (всех трансцендирующих предположений о существующем)»⁸⁶. Гуссерль также признаёт, что изучение взаимосвязи объективного времени с субъективным временем может быть интересно, но не ставит перед собой такой цели, поскольку утверждает, что это не является задачей феноменологии.

Вместо этого Гуссерль обращается непосредственно к данным сознания. Согласно его позиции, сознание времени начинается с любых ощущений, с переживания любых событий: «Когда мы нечто видим, слышим или вообще воспринимаем, то происходит это всегда так, что воспринимаемое остается для нас некоторый период времени настоящим, хотя и не без модификаций»⁸⁷. Другими словами, позиция Гуссерля состоит в том, что именно внутри настоящего мы и размещаем воспринимаемое, а переживание этого воспринимаемого и создаёт ощущение настоящего.

Однако восприятие времени у Гуссерля больше, чем просто набор временных ощущений, привязанных к восприятию явлений: для него это основа субъективного и имманентного. Он пишет: «Это сознание [субъективное сознание времени, понятое как оттенение «временных ощущений» – прим. диссертанта], как это ни парадоксально звучит, представляет собой всеохватывающую форму точечного сознания, т. е. форму переживаний, сосуществующих в некоторой

⁸⁶ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. С. 6.

⁸⁷ Там же. С. 13.

объективной точке времени. Это составляет, таким образом, содержание Я как психического единства, как реально в себе замкнутого, темпорально развертывающегося единства всех "переживаний" [этого] Я»⁸⁸.

Здесь Гуссерль описывает «Я» как некоторое точечное сознание, то есть он предполагает, что внутри некоторой точки содержится «Я» как некоторое психическое единство. При этом ощущение «Я», согласно Гуссерлю, основывается на первичных ощущениях: «Первичное ощущение или группа первичных ощущений, где стало осознанным имманентное Теперь..., постоянно превращается в модусы Прежде-сознания, в котором имманентный объект осознается как прошедший, и "сразу" вместе с этим появляется все новое и новое первичное ощущение, устанавливается новое Теперь, и при этом осознается постоянно новый тон-Теперь, образ-Теперь и т. д.»⁸⁹ Таким образом, «Теперь» Гуссерля – то самое осознаваемое настоящее, которое вмещает в себя и первичное ощущение для происходящего, и прошлые ощущения, уже осознаваемые как прошедшие, тем самым превращаемые в ретенцию.

Согласно Гуссерлю, абсолютный поток сознания конституирует слой имманентных содержаний, которые, в свою очередь, могут длиться, иметь своё время, и представляют собой меняющиеся или неизменные единства. Гуссерль прямо указывает на то, что мы обладаем не только сознанием времени внутри осознанного имманентного Теперь, но сознание времени продолжается внутри ретенции – первичной памяти: «Когда истек временной объект, когда актуальная длительность уже миновала, то при этом ни в коем случае не исчезает сознание уже теперь прошедшего объекта, хотя оно уже более не функционирует как воспринимающее, или, лучше сказать, импрессиональное сознание»⁹⁰. Таким образом, именно ретенции и составляют, по мнению Гуссерля, большую, или, по крайней мере, значимую темпоральной структур сознания. Он сравнивает ретенцию с хвостом кометы, полагая, что подобно тому, как хвост кометы следует за самой кометой, ретенция следует за восприятием.

88 Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3. Логические исследования. Т. II. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 313.

89 Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. С. 82.

90 Там же. С. 33.

По Гуссерлю, и восприятие, и первичная память составляют нечто цельное внутри потока сознания. Он подчёркивает, что вторичная память, или, как можно её назвать, воспоминание, имеет принципиально иной механизм сознания времени и временности. Когда мы обращаемся к вторичной памяти, происходит некоторая репродукция – вторичное воспроизведение, схватываемое как последовательность точек или временных объектов в обратном взгляде созерцания. И внутри впечатления, и внутри репродукции находится непрерывный временной континуум, в рамках которого мы и сознаём темпоральные объекты. Он пишет: «То, что мы называем первичным сознанием, импрессией или же восприятием, есть акт, который содержит в себе непрерывность градаций. Каждое конкретное восприятие предполагает некоторый целостный континуум таких градаций»⁹¹. Это означает, что для того, чтобы различать фантазии, воспоминания разной давности, восприятия, существуют различные градации, которые все, согласно Гуссерлю, оказываются в единой точке – имманентном Теперь.

Подведём итог нашему рассмотрению учения Гуссерля. Во-первых, он чётко указывает на важность сознания времени: для него темпоральные структуры сознания обеспечивают не только возможность ощущать, но и являются основой целности личности. Во-вторых, он очень подробно исследует сам процесс восприятия, разделяя его на само восприятие и на ретенцию. Далее, он описывает репродукцию внутри отрефлексированного потока сознания, её содержание и перетекание восприятия в репродукцию, а также работу с отрефлексированным потоком сознания. Он изучает различные модусы сознания времени: длительность, непрерывность, последовательность и другие, а также механизм работы направленного внимания – актов интенциональности.

Фактически Гуссерль предложил одну из наиболее популярных ретенциональных моделей темпоральной структуры сознания. Идеи Гуссерля были частично развиты его последователями М. Хайдеггером и М. Мерло-Понти. В этой работе мы не будем уделять им много внимания; скажем только, что Хайдеггер переместил акцент со времени как формы мышления и познания на

время как смысл человеческого существования⁹², в то время как Мерло-Понти в первую очередь сконцентрирован на объективном времени, источник которого он видит во временном переходе от будущего к прошлому, то есть в настоящем⁹³, однако оба тем самым отходят от заветов Гуссерля о принципе эпохэ, то есть идеи о беспредпосыльном исследовании имманентного времени.

Сравним результаты нашего исследования, приведённые в первом и втором параграфах. Если в первом параграфе мы изучали вопрос, как сформировалось представление о внутреннем времени, то в этом параграфе мы рассматривали представления об имманентном времени, живом времени и субъективном времени. Несмотря на то, что эти понятия имеют разные значения, все они относятся ко времени внутреннему, т. е. ко времени нашего сознания, что и позволило в XX веке поставить вопрос о темпоральной структуре нашего сознания, о том, как время воспринимается и сознаётся, и о том, какие темпоральные структурные особенности нашего сознания позволяют нам структурировать собственный темпоральный опыт. Феноменология Гуссерля, интуитивизм Бергсона и русских религиозных философов, наконец, психологизм Джеймса и биологические воззрения Вернадского, – вот тот богатый материал, с которым философы подошли к современным дискуссиям, посвященным как природе времени, так и темпоральной структуре сознания.

§1.3 Современные дискуссии о восприятии и осознании времени

Итак, мы очертили то понятийное и исследовательское поле, где и были поставлены проблемы восприятия и осознания времени, которые сейчас широко обсуждаются в современной философии. Кратко обозначим эти проблемы. Первая из них – это уже упомянутый «парадокс временного осознания», который заключается в противоречии между ощущением длительности в нашем опыте и отсутствием длительности того мига, который разделяет прошлое и будущее и зовётся «настоящее». Следующая проблема – это проблема выбора между А-

92 Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.

93 Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: Ювента, Наука. С. 531.

теорией и В-теорией времени, которые, соответственно, отстаивают первичность уже упомянутых в начале главы А-серий или В-серий событий во времени. Кроме того, актуальным вопросом является и связь онтологического и имманентного времени: если мы являемся приверженцами убеждения, что наше временное восприятие в какой-то степени отражает онтологическую реальность, то выбор темпоральной модели сознания ограничивает нас в выборе темпоральной модели реальности, и, наоборот, убеждение, что нашей реальности присущи или не присущи некоторые временные особенности, не соответствующие нашему опыту, вынуждает нас искать объяснение таким противоречиям. Наконец открытым вопросом является и поиск тех категорий, которые определяют временные отношения между темпоральными объектами, а также между сознанием и темпоральными объектами.

В этом параграфе мы познакомимся с этими дискуссиями более подробно, поскольку именно в их контексте и будет проводиться наше дальнейшее исследование.

1.3.1. Берtrand Рассел

Для начала обратимся к работе Б. Рассела «Об опыте времени». Особенно интересна данная статья тем, что это первое исследование, где были предложены и сформулированы наиболее важные, на взгляд Рассела, темпоральные отношения, а также было представлено описание наиболее общих черт темпоральной структуры сознания.

Рассел в своей работе выделяет две группы временных отношений: во-первых, это отношения между объектом и субъектом – ощущение и память, и, во-вторых, это отношения между объектами – одновременность и длительность. Он указывает на то, что время, которое мы переживаем, – некоторая форма созерцания, дающая нам представление о времени в терминах прошлое–настоящее–будущее: «В мире, в котором не было бы опыта, не было бы ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, но могли бы быть "ранее" и "позннее"»⁹⁴.

Здесь явно видна отсылка к теории МакТаггарта о двух сериях событий во времени: «прошлое», «настоящее» и «будущее» у МакТаггарта принадлежат к концепции А-серии, в то время как «ранее» и «позднее» соответствуют В-серии времени. Рассел чётко формулирует, что прошлое, будущее и настоящее, зависящие от опыта, принадлежат ментальному времени, а «раньше и позже» – физическому: «Назовем ментальным временем время, происходящее из отношений субъекта и объекта, а физическим временем время, происходящее из отношений объекта и объекта»⁹⁵.

Далее Рассел вводит «единый совокупный опыт», который включает в себя все элементы опыта, воспринимаемые вместе, и «видимое настоящее» единого совокупного опыта, которое захватывает интервал времени, внутри которого объект доступен органам чувств. Эти определения весьма интересны с той точки зрения, что они описывают временные отношения применительно к переживаемым событиям, а субъект здесь играет второстепенную роль: «видимое настоящее» принадлежит не субъекту, а опыту. Субъект только воспринимает его посредством органов чувств⁹⁶.

Только после этого Рассел переходит к тому настоящему, которое воспринимается непосредственно субъектом: для этого он определяет то, что есть «сейчас» через одновременность с тем, что даётся с помощью чувств; тогда настоящее время будет представлено как некоторая часть видимого настоящего для «сейчас». При этом отдельно он оговаривает возможность и относительного, и абсолютного времени: в первом случае настоящее совпадает с некоторой частью видимого настоящего, а во втором – это время, занимаемое видимым настоящим.

Память Рассел также пытается определить исходя из принципов соотношения между субъектом и объектом: по его мнению, это «двуличенное отношение между субъектом и объектом, включающее в себя знакомство, а также обуславливающее знание того, что объект в прошлом»⁹⁷. Другими словами, субъект должен, во-первых, знать, что этот объект в прошлом, и при этом быть с ним знакомым, тогда и только тогда любое отношение между субъектом и

95 Там же. С. 35.

96 Там же. С. 32.

97 Там же. С. 35.

объектом можно назвать памятью. Это определение выглядит логичным, но целесообразно указать на редукцию, к которой оно приводит, и которая нам кажется чрезмерной, потому что память включает намного больше. Так, в памяти представлены и отношения между различными объектами в памяти (и не только в памяти), и то, насколько этот объект доступен субъекту (как быстро и легко можно вспомнить объект и при каких условиях), и то, какие чувства воспоминание о нём вызывает. Рассел утверждает: то, что некое событие уже в прошлом, мы знаем аналитически, для чего просто необходима концепция «прошлого». В качестве неё он предлагает определение «более раннее, чем совокупность настоящего»⁹⁸, хотя сам же видит некоторое противоречие в этом: для того, чтобы определить что-то как прошлое, вовсе не надо обозревать всю совокупность настоящего; вместо этого он указывает на возможность определения прошлого через некоторые объекты прошлого.

Рассел подобно Гуссерлю выделяет несколько видов прошлого: ощущаемое прошлое – прошлое внутри непосредственного восприятия; осознаваемое прошлое – прошлое внутри кажущегося настоящего (аналог ретенций Гуссерля); и, наконец, более отдалённое прошлое – то, о котором у нас есть некоторое знание, но производное и сложное. Говорит Рассел и о будущем, но в его представлении оно дескриптивно и является не более чем логическим выводом из настоящего и известной нам последовательности времён как «то, что следует за настоящим»⁹⁹.

Рассел небезосновательно утверждает, что посредством таких определений и некоторых выводов из них можно построить физические временные ряды. В свою очередь, ментальное время для него не представляет сложности: то, что припоминается, – прошлое, которое «является более ранним, чем настоящее»¹⁰⁰, в восприятии изменений в первую очередь ощущается настоящее, благодаря чему и ранние, и поздние ощущения от изменения воспринимаются вместе; но при этом принадлежность к общему настоящему не транзитивна, поскольку настоящее – не мгновенно (в смысле единомоментно).

98 Там же. С. 36.

99 Там же. С. 39.

100 Там же. С. 36.

Несмотря на изящность полученной структуры, выводам Рассела присуща чрезмерная, на наш взгляд, степень редукционизма. Выше мы уже показывали, что, в частности, его определение памяти является весьма узким, аналогично верно и для некоторых других его суждений. Так, он полагает, что последовательность объектов в сознании и последовательность объектов в физическом времени – одно и то же, что уже было опровергнуто исследованиями, результаты которых мы приведём в третьей главе.

Вместе с тем стоит отметить, что он постарался максимально чётко зафиксировать понятия и определить темпоральные соотношения, при этом сохранив и подчеркнув наиболее общие черты темпоральной структуры сознания. Это, без сомнения, является важным результатом для дальнейших исследований сознания времени, включая текущую работу. Более подробно некоторые аспекты теории Рассела будут рассмотрены в первом параграфе третьей главы для того, чтобы выделить основные темпоральные отношения внутри темпоральной структуры сознания.

Далее мы перейдём к Джеральду Уитроу, британскому исследователю, который представил одно из наиболее интересных объединений как философских концепций, так и данных естественных наук.

1.3.2. Джеральд Уитроу и эволюционная эпистемология

Джеральд Уитроу – автор книги «Естественная философия времени» (1960), в которой он с разных сторон описывает как проблему времени, так и проблему сознания времени. Он рассматривает индивидуальное время отдельно от универсального, математического, релятивистского и даже космического времени, что позволяет ему сосредоточиться на вопросах, связанных с философией сознания и теорией познания.

Уитроу противопоставляет априорному времени Канта эволюционирующее понятие времени, предложенное М. Гюйо в его работе «Происхождение идеи времени»¹⁰¹. Судя по всему, Уитроу близка идея развития понятия времени,

101 Гюйо М. Происхождение идеи времени. Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями. М.: Книга по Требованию, 2011. 385 с.

основанная на понятии пространства, многочисленных ощущений и чувство цели¹⁰². Он предполагает, что развитие и памяти, и мысли связано с развитием речи и переходом от эвокативности к дескриптивности, то есть от обсуждения того, что нужно сделать, к обсуждению того, что уже произошло.

Конечно, не вызывает никаких сомнений тот факт, что развитие самой идеи времени, как и любых идей в принципе, тесно связано с развитием языка. Намного более неочевидным, но вместе с тем оригинальным и справедливым нам кажется замечание Уитроу о том, что идея времени неразрывно связана в первую очередь с ритмом, проявление которого во внешней среде вынуждает нервную систему искать способы находиться в ожидании и реагировать нужным образом в нужный момент на повторяющиеся стимулы¹⁰³.

Рассматривает Уитроу и биологические, и физиологические основы нашего осознания времени. Он считает, что на психологическое время влияет множество факторов, начиная от интеллектуальных установок и полноты жизни, а заканчивая индивидуальным временем каждой клетки, ритмичностью нервной системы и прочих органов, и, наконец, электрическими импульсами головного мозга. Однако наше осознание времени, по мнению Уитроу, основывается прежде всего на личном опыте. При этом одним из влияющих на него факторов, который мы не связываем с абстрактным понятием времени является наше внимание и его направленность: «Наше сознательное знание времени зависит от того факта, что наш ум действует при помощи последовательных актов внимания; в частности, на него влияет характер (*tempo*) нашего внимания. Этот характер зависит как от содержания внимания, так и от нашего собственного физического и психического состояния»¹⁰⁴. Другими словами, именно с помощью внимания мы и формируем в итоге представление о времени.

Уитроу также рассматривает вопрос о психическом настоящем (используя его как синоним для «кажущегося настоящего»), заключая, что оно несколько сложнее, чем было принято ранее считать, и что самой природе настоящего характерна неопределенность. Ещё большее внимание Уитроу уделяет тому, как

102 Уитроу Дж. Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 73

103 Там же.

104 Там же. С. 96.

работает наша память во времени: он рассматривает работы Бергсона и Фрейда, которые считают, что, вспоминая, мы используем восприятие настоящего, вызывая образ из прошлого. В частности, Бергсон полагал, что все наши состояния хранятся в памяти последовательно, но Уитроу справедливо отмечает неполноценность этой теории, потому что она, например, никак не объясняет припоминание дат.

Уитроу не проводит различия между переживанием времени, осознанием времени и оценкой времени. От восприятия длительности идей и ощущения длительности между идеями у Локка он переходит к оценке времени так, будто речь идёт об одном и том же. Однако это не так: ощущение длительности и оценка временного интервала так же далеки друг от друга, как зрительные ощущения длины какого-то предмета от оценки этой же длины: мы можем оценивать длину, не видя её, и видеть её, не оценивая. Точно также нельзя говорить о сознании времени и чувстве времени как об одном и том же: если второе относится только к непосредственным ощущениям, то первое может включать в себя идею как самого времени, так и временных аспектов, а также идею временности мира и самого себя.

В целом, работа Уитроу является ярким примером попытки объединения как философских концепций, так и естественно-научных экспериментов. Во многом она положила начало взглядам эволюционной эпистемологии на время и на то, как оно отражено в нашем сознании.

В рамках эволюционной эпистемологии следует выделить работу К. Хахльвега и К. Хукера «Проблемы эволюционной эпистемологии». Рассматривая развитие знания и врождённые категориальные выводы, они приходят к следующему мнению: «Используя кантовскую терминологию, мы можем сказать, что пространство и время – формы интуиции и категории *a priori* для индивида, но *a posteriori* для вида»¹⁰⁵. Другими словами, восприятие времени было выработано долгой эволюцией человеческого вида, хотя, если рассматривать отдельного человека, возможность восприятия времени дана ему ещё до самого опыта.

¹⁰⁵ Hahlweg K., Hooker C.A. Historical and Theoretical Context // Issues in Evolutionary Epistemology. Ed. By K. Hahlweg, C.A. Hooker. State Univ. of N.Y. Press, 1989. P. 23–44. Сокращенный перевод А.А. Печенкина // Современная философия науки. М.: Наука, 1994. С. 107.

При этом Хахлевг и Хукер видят в биоэпистемологии не столько дисциплину, описывающую биологические корни нашего знания и возможностей нашего познания, сколько инструмент критики: «Не доверяйте вашим перцептуальным и концептуальным структурам, коль скоро вы оставили спокойную почву повседневного опыта. Критикуйте даже наиболее фундаментальные предпосылки, такие, как суждения о причинности, пространственно-временных структурах, индукции»¹⁰⁶. Таким образом, они утверждают, что антропоцентрические¹⁰⁷ предпосылки не помогают, но мешают, и главной функцией биоэпистемологии называют их преодоление.

В целом, развитие эволюционной эпистемологии повлияло на суждения и представления о времени как объекте и средстве познания. В частности, стало популярным убеждение, что в темпоральном мире человека находится множество времён – параллельных или пересекающихся, и что существует некоторая структура темпоральных уровней мира. Среди авторов, которые отстаивают такие убеждения, можно отметить Е. Н. Князеву¹⁰⁸, М. А. Солоненко¹⁰⁹ и других.

Подведём итоги разделу. Совмещение эпистемологических исследований и естественно-научных теорий привело к развитию нового направления – эволюционной эпистемологии, где сформулирован вывод о том, что развитию темпоральной структуры сознания человека, в рамках которой мы воспринимаем и сознаем время, способствовал долгий эволюционный процесс, однако для любого человека она дана априори – до любого опыта. Это не могло не повлиять на современные теории сознания. Попробуем проследить, как рассматривается темпоральность и темпоральные структуры в современной философии сознания.

¹⁰⁶ Там же. С. 108.

¹⁰⁷ Здесь под антропоцентризмом понимается научно-философская познавательная установка, в которой утверждается наличие человеческого измерения в любом знании о бытии, природе, обществе и в самом познании. Определение по: Н. М. Смирнова. Антропоцентризм // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7223> (дата обращения 13.02.2021).

¹⁰⁸ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: УРСС, 2007. 272 с.; Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Многоуровневое темпоральное строение реальности // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 81–96.

¹⁰⁹ Солоненко М. А. Проблема восприятия времени: эволюционно-эпистемологический анализ: дисс. ... канд. философских наук. М., 2013. С. 125.

1.3.3. Темпоральность в современных теориях сознания

В этом разделе мы рассмотрим то, какие представления о темпоральности наблюдаются в современных теориях сознания. Прежде всего отметим, что не во всех теориях сознания придаётся большое значение темпоральности. Так, Д. Чалмерс относит отдельные ощущения, связанные с восприятием времени и длительности к квалиям, однако он ограничивается только упоминанием. Ещё можно обнаружить у него предпосылки к представлениям о темпоральности при исследовании вопроса памяти, где он проводит различие между тем, что на самом деле является памятью, а что – лишь некоторым убеждением о прошлом. Но и здесь он ограничивается тем, что указывает на каузальную связь «с соответствующим изначальным психологическим состоянием»¹¹⁰, не рассматривая темпоральную структуру вовсе.

Совершенно другой подход наблюдается у Д. Деннета в его теории множественных набросков (multiple drafts model of consciousness). Начнём с того, что он отталкивается от позиции, которая рассматривает наблюдателя как точку, движущуюся через пространство-время¹¹¹. Помимо этого, Деннет анализирует эксперименты, которые исследуют работу сознания на временных интервалах в тысячных долях секунды. К примеру, он поднимает вопрос «горизонта одновременности», озвученный Э. Пёппелем: свет распространяется быстрее, чем звук, но обрабатывается в мозгу дольше¹¹². Пёппель говорит, что данные, полученные с десяти метров, приходят к «наблюдателю» одновременно, а финишную черту нашего восприятия определяет внешним поведением. Деннет с ним не согласен: он полагает, что восприятие света и звука происходит между тем моментом, когда чувственные данные достигают наших органов чувств, и тем, когда нам удаётся сообщить миру, что мы их восприняли (допустим, нажав на кнопку).

Деннет полагает, что если бы мы точно знали, когда происходит «финишная черта восприятия», то мы бы знали, где происходит сознательный опыт, и

¹¹⁰ Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 256.

¹¹¹ “For most practical purposes, we can consider the point of view of a particular conscious subject to be just that: a point moving through space-time”. Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. P. 101–102.

¹¹² См. Pöppel E. Mindworks: Time and Conscious Experience. NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1988. 211 p.

наоборот. Но мы не знаем, и особенно это чётко видно, когда мы пытаемся определить одновременность или последовательность событий на очень коротких интервалах времени (менее минуты). Централизованная доступность Пёппеля есть не что иное, как миф о Картезианском театре, неоправданная попытка упрощения, и поэтому от такого понятия следует отказаться. Может, спрашивает Деннет, следует простой геометрической интерполяцией между входом (получением чувственных данных) и выходом (внешней реакцией) найти точку повтора, которая бы была бы границей, разделяющей то, что было до опыта, и то, что после? Но он сам же отвечает, что это так не работает: «Мы должны перестать думать, что мозг имеет единственную функциональную вершину или центральную точку. Это не безобидное упрощение; это плохая привычка»¹¹³. Другими словами, Деннет отвергает идею точки в пространстве-времени, которая бы являлась некоторым «концентратом», наивысшей точкой сознания.

Однако, согласно Деннету, несмотря на то что даже «когда» – временная точка, в которой находится наблюдатель – не может быть точно определена, мозг должен уметь представлять временные процессы в мире и делать это эффективно. Допустим, для мозга намного важнее не то, когда события были обработаны, а то, когда они свершились на самом деле: в качестве иллюстрации Деннет приводит сообщение о морском сражении и сообщение о перемирии. Неважно, когда сообщения поступили командующему; важно, что было раньше – перемирие или сражение, потому что именно исходя из этой информации командующий должен принять решение о дальнейших действиях. Мозгу нужны темпорально упорядоченные восприятия и, конечно, их рациональная обработка.

Наконец касается Деннет и проблемы темпоральной непрерывности нашего сознания. Он убежден, что дискретность является одной из самых поразительных особенностей нашего сознания – особенно удивительной из-за ощущения непрерывности сознания¹¹⁴. Проблема дискретности и непрерывности будет

¹¹³ “We must stop thinking of the brain as if it had such a single functional summit or central point. This is not an innocuous shortcut; it's a bad habit”. Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. P. 111.

¹¹⁴ “One of the most striking features of consciousness is its discontinuity – as revealed in the blind spot, and the saccadic gaps, to take the simplest examples. The discontinuity of consciousness is striking because of the apparent continuity of consciousness”. Ibid. P. 356.

рассмотрена подробнее во второй главе, где нами будут разобраны приводимые Деннетом аргументы, а пока обратим внимание на ещё одну неожиданную и очень оригинальную философскую проблему, озвученную Деннетом, связанную именно с психологическим аспектом времени: темпоральный шовинизм.

Суть проблемы сводится к тому, что мы пренебрегаем идеей сознания у тех объектов, скорость которых отлична от нас. При этом на примере растений, которые даже для теоретиков с богатой фантазией лишены психики, он описывает, что действия растений могут быть смоделированы с помощью теории игр, то есть рассмотрены как агенты действия. Деннет пишет: «Контуры эволюционных изменений проступают настолько медленно, что они невидимы при нашем стандартном темпе восприятия информации, и поэтому очень легко пренебречь их интенциональной интерпретацией или отвергнуть ее как простую фантазию или метафору. Это пристрастное отношение к нормальной для нас скорости можно назвать шовинизмом шкалы времени»¹¹⁵. Действительно, такое пристрастие кажется очевидным, но при этом подобное убеждение выглядит надуманным.

Деннет приводит в пример инопланетян: если бы они думали в тысячу раз быстрее нас, то они вряд ли бы поверили в нашу разумность. Является ли это просто темпоральным шовинизмом? Или же существует какая-либо минимальная скорость, необходимая для психики? Деннет полагает, что минимальная скорость действительно нужна, но не какая-то абсолютная минимальная скорость, а минимальная относительная скорость: психические процессы должны быть достаточно быстрыми, чтобы отвечать и быть адекватными изменениям в окружающей среде.

Подведем итог рассмотрению позиции Деннета. Основная заслуга Деннета не столько в его теории множественных набросков, но в его вопросах, которые он задаёт. Помимо этого, он не только утверждает существование некоторой темпоральной структуры сознания, но и утверждает её преимущественность для человеческого вида.

Ещё одной интересной и конкурентоспособной теорией сознания, которая включает в себя исследование о темпоральности, хоть и краткое, является

115 Ibid. P. 66.

информационная концепция Д. И. Дубровского. Описывая сознание через субъективную реальность, Дубровский полагает, что основное воплощение субъективной реальности находится внутри «текущего настоящего», которое является некоторой моделью не только самого настоящего, но и предстоящего¹¹⁶. Это сразу выгодно отличает его от тех философов, которые пытаются концентрироваться на кажущемся настоящем, поскольку кажущееся настоящее в первую очередь затрагивает прошлое, а кажется нам настоящим лишь из-за особенностей работы нервной системы. Здесь стоит обратиться к теории сознания Дж. Эдельмана, который различал настоящее низкоуровневого сознания, являющееся просто «пучком восприятия», и настоящего высокоуровневого сознания, которое как раз не только вмещает в себя доступные концепты, но и позволяет проектировать дальнейшую деятельность¹¹⁷. Интересно, что сам Дубровский видит близость своей концепции «текущего настоящего» к «помнимому настоящему» Эдельмана¹¹⁸, воплощающему «кажущееся настоящее», впрочем, этот вопрос действительно не является простым. Мы рассмотрим более подробно концепты кажущегося настоящего и текущего настоящего во второй главе.

Подведём итоги разделу. Мы показали, что ряд теорий сознания неразрывно связан с представлениями о темпоральной структуре сознания, как это наблюдается, в частности, в модели множественных набросков Деннета или в концепции текущего настоящего Дубровского. Также мы увидели, что в обоих рассматриваемых работах предполагается, что эта темпоральная структура основывается в первую очередь на представлении о настоящем, поскольку именно внутри настоящего и происходит основная работа сознания.

Здесь уместно снова вспомнить теорию МакТаггартта, согласно которой наше восприятие соответствует А-серии, которая упорядочивает события предикатами прошлого, настоящего и будущего. Обратимся к работам философов, которые рассматривают восприятие и сознание времени в рамках терминологии

¹¹⁶ Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.

¹¹⁷ Эдельман Дж. Сознание: помните настоящее // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 419–438.

¹¹⁸ Дубровский Д. И. Нейрофилософия и проблема сознания // Философские науки. 2015. № 11. С. 9–22.

МакТаггарта и посмотрим, действительно ли наше восприятие соответствует одной из серий, предложенных МакТаггартом.

1.3.4. Соответствие имманентного времени и онтологического времени

Мы продолжаем рассматривать основные современные дискуссии, касающиеся восприятия времени и сознания времени, а также их связь с представлениями о темпоральной структуре сознания. Последним направлением современных дискуссий, которое мы рассмотрим, является спор о зависимости имманентного и онтологического времён, и, соответственно теорий об имманентном времени и теорий об онтологическом времени.

Так, значимой частью этой дискуссии является обсуждение различия и особенности А-серии и В-серии времени, описанные МакТаггартом – как в онтологическом, так и в психологическом ключе. Как правило, большинство работ носит критический характер. К примеру, Б. Брогард и Д. Гатциа в работе «Time and Time Perception» решительно отвергают тезисы МакТаггарта. Они считают, что даже если мы на фундаментальном уровне реальности и не нуждаемся в свойствах А-теории времени, утверждающей первичность А-серии событий (а именно приписывания любым событиям модуса прошлого, настоящего или будущего), это не означает, что наш опыт относительно представления А-теории (переживание прошлого, настоящего, будущего) иллюзорен и что эти представления – нереальны¹¹⁹.

Ш. Пауэр спорит с утверждением МакТаггарта, что мы воспринимаем события во времени в рамках А-серии. Используя визуальную феноменологию, он приводит примеры, когда нашему опыту больше соответствует В-теория, утверждающая первичность В-серии событий, в частности, в тех случаях, когда одновременно воспринимаются события, произошедшие в разное время, такие,

119 "...if there is no need for A-theoretical properties at the fundamental level of reality, since the standard theory to time is not committed to any such properties, it does not follow that our experiences of A-theoretical properties are illusory and that A-theoretical properties are not real". Brogaard B., Gatzia D. Time and Time Perception // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 257–263.

как быстрое круговое вращение веревки, когда она, по ощущению наблюдателя, находится в разных местах одновременно¹²⁰.

Интересна позиция Стивена Хокинга. В своей книге «Краткая история времени» он пишет, что для законов науки, как правило, нет различий между направлениями во времени. И всё же Хокинг выделяет три стрелы времени, которые позволяют отличить прошлое и будущее: термодинамическая стрела, психологическая стрела и космологическая стрела. Термодинамическая стрела определяет направления времени, в котором возрастает беспорядок. Психологическая стрела соответствует направлению, при котором мы помним прошлое. И, наконец, космологической стрелой Хокинг называет направление времени, в котором Вселенная расширяется. Согласно Хокингу, эти три стрелы должны быть направлены одинаково¹²¹.

Таким образом, Хокинг демонстрирует чрезмерную категоричность позиции МакТагgartа: по мнению Хокинга, А-теория и В-теория в некотором приближении совпадают для наблюдателя.

Но наиболее подробно вопрос, как А-теория и В-теория соответствует нашему сознанию времени, изучает Робин ле Пойдевин в книге «The images of time». Он рассматривает различные способы репрезентации времени, полагая, что время – нераздельная часть восприятия, воспоминания, веры, эмоций и даже искусства, но считая, что до сих пор остаётся загадкой эпистемическая и семантическая связь отдельных репрезентаций сознательного опыта как между собой, так и со временем. Ле Пойдевин ставит перед собой две цели: рассмотреть различные теории представления в том, как они соответствуют нашим представлениям времени и его аспектам, и попытаться проникнуть в саму природу времени, наблюдая за его отражением в сознании. Однако он сам признаёт, что вторая цель, судя по всему, вряд ли достижима: «Репрезентация редко, если вообще когда-либо, прозрачна: нельзя просто изучить природу мира на

120 Power Sh. E. Perceiving Multiple Locations in Time: A Phenomenological Defense of Tenseless Theory // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 249–255.

121 Хокинг С. Краткая история времени: от большого взрыва до черных дыр. СПб.: Амфора, 2001. 268 с.

основе особенностей репрезентации. А если нет, то каким образом изучение репрезентации может рассказать нам о структуре реальности?»¹²².

При этом Ле Пойдевин видит ответы на множество вопросов, связанных с постижением репрезентации времени, именно в причинных теориях познания, поскольку базовые формы ментальных представлений – восприятие, память и убеждения – являются причинными процессами. Он указывает на кажимость неэгоцентричных временных представлений: вне зависимости от темпоральных отношений субъекта и явления похоже, что существуют некоторые объективные различия между прошлым, настоящим и будущим. Это приводит его к рассмотрению А-теории и В-теории времени, которые порождают две разные модели эпизодической памяти: в одной память помогает отслеживать происходящие изменения, в другой – удержать в уме ряд некоторых постоянных состояний; то, что мы склоняемся к А-теории, он считает ошибочным аргументом от опыта: трудно отрицать то, что мы переживаем, к примеру, реальное течение времени.

Помимо этого, он указывает на различие объективного настоящего и субъективного, переживаемого. Объективное настоящее – лишь некоторая граница между прошлым и будущим, математически ничто, в то время как субъективное настоящее распространяется на некоторый промежуток времени. Ле Пойдевин обращается к представлению Джеймса о кажущемся настоящем, но отвергает его из-за того, что оно не соответствует идеи последовательности. Он ссылается на Ш. Келли, которому идея кажущегося настоящего кажется смутной¹²³. Взамен этого Ле Пойдевин предлагает вообще отказаться от онтологического значения идеи настоящего: «"Настоящее" больше не обозначает онтологически привилегированный, хотя и лишенный длительности момент, отделяющий прошлое от будущего. Теперь это не что иное, как контекстно-зависимый термин

¹²² “Representation is rarely, if ever, transparent: one cannot simply read off the nature of the world from the intrinsic features of the representation. And if not, how is it possible for a study of representation to tell us about the structure of reality?” Le Poidevin R. The Images of Time. An Essay on Temporal Representation. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P. 5.

¹²³ Kelly S. D. The Puzzle of Temporal Experience // Brook A., Akins K. (eds.) Cognition and the Brain: The Philosophy and Neuroscience Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–26.

или понятие, определяющее, в какое время находится временное местоположение высказывания или мысли, в которой оно происходит»¹²⁴.

Итак, мы показали, что представление о том, что нашему восприятию соответствует только А-серия или В-серия, не являются достаточно убедительными. В нашем сознании можно найти те восприятия и осознания, которые соответствуют обоим подходам. При этом, как показал Ле Пойдевин, необходимо помнить об отличии имманентного настоящего от онтологического настоящего.

Остановимся на последней идеи и рассмотрим, можно ли в принципе говорить о соответствии имманентного и онтологического времени.

Последним направлением современных дискуссий, которые мы рассмотрим, является вопрос о зависимости имманентного и онтологического времени, и, соответственно, теорий об имманентном времени и теорий об онтологическом времени.

Яркой работой в современной философии по обсуждаемой теме является статья Дж. Ли «Темпоральный опыт и темпоральная структура опыта»¹²⁵. Он обращает внимание, что основная дискуссия о восприятии времени и темпоральной структуры опыта и сознания ведётся вокруг трёх вопросов: является ли восприятие дискретным или атомарным, ограничены ли наши темпоральные переживания темпоральной структурой события, и, наконец, отражает ли наш опыт реальное время или нет. Его работа весьма оригинальна, и он очень точно описывает различные временные интуиции, но он не проводит разделения между первичным восприятием, т. н. «схватыванием» и осознанными переживаниями. Впрочем, отсутствие такого разделения традиционно для многих попыток решения парадокса темпорального осознания.

В своей статье Ли старается сократить феноменологические методы и обращаться исключительно к методам эмпирическим, что и позволяет

¹²⁴ “‘The present’ no longer denotes an ontologically privileged, though durationless, moment, dividing past from future. It is now nothing more than a context-dependent term or concept, picking out whatever time is the temporal location of the utterance or thought in which it occurs”. Le Poidevin R. The Images of Time. An Essay on Temporal Representation. New York: Oxford University Press Inc., 2007. P. 83.

¹²⁵ Lee G. Temporal Experience and the Temporal Structure of Experience // Philosophers' Imprint. 2014. Vol 14 (3). P. 1–21.

сформулировать указанные вопросы. Эти вопросы позволяют сосредоточиться именно на темпоральной структуре сознания, разграничивая первичное темпоральное восприятие от сознания времени, и наконец окончательно разделить имманентное время и время физическое.

Когда мы говорим про онтологию времени, мы вступаем на зыбкую почву метафизической дискуссии о том, что есть реальность и что есть «настоящее» – ограничено ли оно предметами в настоящем времени, или же всё, что было, есть и будет, – реально. Существуют три основных взгляда на этот вопрос. Презентизм предполагает, что только то, что существует «сейчас», и является реальным. Этернализм основан на убеждении, что все прошлые, настоящие и будущие события существуют, а меняется лишь уровень нашего доступа к этим событиям. И, наконец, теория растущего блока отстаивает, что существует прошлое и настоящее, в то время как будущее не существует. Согласно этой теории настоящее – лишь времененная граница между тем, что есть, и тем, что только воплощается в реальности.

С другой стороны, есть несколько моделей темпоральных структур сознания, которые так или иначе пытаются объяснить особенности нашего темпорального опыта. Кинематографическая модель предполагает, что наше темпоральное восприятие состоит из отдельных кадров, каждый из которых лишен длительности. Экстенсиональная модель говорит о том, что наше темпоральное восприятие состоит из кажущихся настоящих, при этом каждомуциальному кажущемуся настоящему соответствует отрезок во времени и те динамические события, которые находятся в этом отрезке времени. Ретенциональная модель основана на идее, что внутри мгновенных кажущихся настоящих находится динамическое содержание некоторого прошедшего отрезка во времени¹²⁶.

Как можно заметить, модели темпоральных структур так или иначе совместимы с разными онтологическими моделями времени. Наиболее сильной онтологической моделью является этернализм, который не противоречит

126 Подробнее эти модели будут рассмотрены во второй главе.

основным моделям сознания, поскольку допускает существование всех временных модусов, так или иначе представленных в сознании. Главным возражением против него является воспринимаемая динамичность темпоральных объектов, впрочем, Брогаард и Гатция убедительно показывают слабость такого аргумента, демонстрируя, что даже если миру не присуща текучесть в полной степени, мы можем воспринимать как текучесть то, что проистекает из статических временных свойств¹²⁷. Наиболее слабой моделью является строгая форма презентизма, утверждающая, что реален лишь краткий миг настоящего, лишённый длительности¹²⁸. В этом варианте презентизм совместим только с кинематографической моделью, и то не полностью, поскольку в этом случае все прошлые «кадры» являются несуществующими¹²⁹. Теория растущего блока, в свою очередь, позволяет существовать только тем версиям теорий, где не используется будущее. Наиболее близка она к ретенциональной модели, однако если внутри экстенсиональной модели ограничиться блоком прошлого и настоящего, то и они являются совместимыми. Эти и некоторые другие соответствия довольно подробно рассмотрены в работе К. Уилсона «Темпоральная структура сознания и настоящее»¹³⁰.

Кому-то может показаться спорной сама постановка вопроса о соответствии имманентного времени онтологическому времени. Однако здесь, на наш взгляд, стоит признать резонность замечания Дж. Торренго и Р. Чуни, согласно которому эти вопросы тесно взаимосвязаны. Они пишут: «С одной стороны, метафизическое утверждение о том, что определенная временная особенность нашего опыта не является подлинной чертой реальности, требует психологического обоснования того, почему мы обычно склонны думать об этом как о части реальности; а с другой стороны, объяснения нашего опыта временной реальности зависят от того, что мы воспринимаем как временную реальность.

127 Brogaard B., Gatzia D. Time and Time perception // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 257–263.

128 Muideen, A.O. Problem of Time and the Dilemma of Presentism. // Canadian Social Science. 2017. Vol 13 (7). P. 53–57.

129 Dorato M. Presentism and the Experience of Time // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 265–275.

130 Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation. University of Oslo, 2008. 59 p.

Таким образом, кажется, что ответ на вопрос о том, что такое время, и ответ на вопрос о том, как работает наш временной опыт, зависят друг от друга»¹³¹.

Поэтому, признавая возможность самого факта познания времени, мы вынуждены признавать связь между тем временем, что дано нам имманентно, и той онтологии времени, о которой мы можем только догадываться. Остановившись на этом, мы планируем перейти, наконец, к темпоральной структуре сознания и исследовать её отдельно от какой бы то ни было недоступной нам онтологии реальности, принимая во внимание только те феноменологические, естественно-научные и аналитические факты, которые действительно можно описать, подтвердить или опровергнуть.

Таким образом, в этой главе мы рассмотрели основные проблемы, связанные с восприятием и сознанием времени, а также познакомились с основными понятиями и методами. Мы также показали как исследуемое проблемное поле, так и основные методы его изучения. Так, можно заметить не только аналитический, феноменологический и естественно-научный подходы, но и попытки их объединения: обращение к естественным наукам даёт возможность опереться на опытное знание, аналитическая феноменология позволяет получить глубокий спектр аналитических фактов и наблюдений, а аналитическая философия даёт возможность использовать такие методы, как экспликация понятий, обращение к логике языка и постановка мысленных экспериментов.

Основной результат этой главы – выявление того факта, что именно осознаваемое настоящее и является темпоральной основой нашего сознания, внутри которого мы переживаем, воспринимаем и сознаем любой опыт. В следующей главе мы подробнее остановимся на осознаваемом настоящем, а в третьей главе перейдём к тем темпоральным отношениям, которые доступны нам внутри темпоральной структуры сознания.

131 Torrengo G., Ciuni R. Introduction: Time and Time Experience // Topoi. 2015. № 34 (1). P. 133.

ГЛАВА 2. ОСОЗНАВАЕМОЕ НАСТОЯЩЕЕ

В прошлой главе мы уже обращали внимание, что множество философов выделяют осознаваемое настоящее как базовый элемент сознания, внутри которого и происходит восприятие, осознание, воспоминания и другие сознательные и неосознаваемые акты.

Теперь с учётом данных, полученных в предыдущей главе, исследуем, что из себя представляет осознаваемое настоящее.

В эпистемическом смысле предметы и явления принадлежат настоящему, если мы непосредственно убеждаемся в их существовании или можем убедиться. В этом смысле осознаваемое настоящее отличается от физического настоящего: бытовым примером таких отличий может являться восприятие Солнца. Мы видим Солнце таким, каким оно было восемь минут и девятнадцать секунд назад, но для нашего восприятия именно это, прошлое, Солнце является настоящим. Более того: содержимым нашего сознания может выступать и то Солнце, каким оно было десять лет назад, и то, каким оно будет через миллиарды лет. При этом с научной точки зрения недопустимо утверждать, что вспышка далекой звезды произошла в настоящем времени, то есть тогда, когда она «переживается»¹³². Так можно сказать только про ментальное событие. Получается, что все события, с которыми мы имеем дело, находятся в осознаваемом настоящем как ментальные события.

Однако структура такого осознаваемого настоящего остаётся неясной. Различные исследователи имеют самые разные представления о структуре, природе и содержимом осознаваемого настоящего. Прежде всего, до сих пор не утихают споры о протяжённости осознаваемого настоящего во времени, т. е. является ли оно точкой или интервалом. Далее, идеи о темпоральной дискретности или прерывистости такого настоящего порождают различные следствия в теориях сознания, как мы можем видеть, к примеру, в работах Р. Ле

¹³² Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М.: Прогресс, 1969. С. 560.

Пойдевина, Д. Деннета, М. Клинцевича. Предложенный У. Джеймсом термин «кажущееся настоящее», породив множество различных теорий, не выполняет достаточной объяснительной функции и не разрешает противоречий. В данной главе мы для начала рассмотрим концепцию кажущегося настоящего, а также современные темпоральные модели сознания, построенные на базе этой концепции, проведём их критический анализ и затем рассмотрим альтернативные варианты концепции настоящего. После этого мы предложим свою модель темпоральной структуры сознания, основанную на понятии Д. Дубровского «текущее настоящее» и на концепции высокоуровневого сознания Дж. Эдельмана, проанализируем связь текущего настоящего и кажущегося настоящего и завершим главу исследованием того, как организуется опыт в рамках текущего настоящего.

§2.1 Элементарный темпоральный опыт: кажущееся настоящее

В этом параграфе мы проанализируем попытку объяснить наше темпоральное восприятие с помощью «кажущегося настоящего». Для этого мы сначала проследим историю возникновения концепции кажущегося настоящего и познакомимся с проблемами, которые эта концепция пытается решить, а затем обратимся к моделям, которые построены с использованием концепции кажущегося настоящего.

Начнём с того, что элементарный темпоральный опыт давно является предметом философских споров. В частности, значительная часть дискуссии посвящена вопросу, является ли темпоральный опыт протяжённым или нет. Первые дискуссии можно отнести ещё ко временам античности: в этом смысле апории Зенона являются наглядной демонстрацией того, какие парадоксы могут возникать при выборе той или иной темпоральной единицы. Так, можно обнаружить, что апория «Летящая стрела» предлагает воспринимать в качестве такого элементарного опыта точку «теперь» – момент с нулевой длительностью,

что приводит к противоречию (стрела двигается, но движения нет). В другой апории «Ахиллес и черепаха» время предстаёт составленным из бесконечного числа бесконечно делящихся ненулевых интервалов, что опять же приводит к противоречию (Ахиллес никогда не догонит черепаху). Апория «Стадий» направлена против представления о минимальном неделимом кванте времени.

В дальнейшем многие исследователи, разбирая апории Зенона о движении, предлагают своё видение элементарного темпорального опыта и того, как этот элементарный опыт структурирован. В предыдущей главе мы уже демонстрировали, что подобные рассуждения можно найти у Аристотеля, Канта, Бергсона, Рассела и других исследователей. Например, как мы показывали в п. 1.1.1, Аристотель утверждает, что время вовсе не складывается из отдельных «теперь». Он пишет: «следовать друг за другом не будет ни точка за точкой, ни "теперь" за "теперь" так, чтобы из них образовалась длина или время: а именно, друг за другом следуют [предметы], между которыми не находится ничего принадлежащего к их роду, а между [двумя] точками всегда имеется линия и между [двумя] "теперь" время» (*Phys. 2 231b 5–15*)¹³³. Таким образом, Аристотель предлагает интервальный подход ко времени: он полагает, что время складывается из интервалов, которые мы выделяем с помощью «теперь», однако эти «теперь» лишены длительности.

Августин также задаётся вопросом, состоит ли время из моментов или промежутков. Несмотря на то, что он определяет настоящее как момент во времени, он указывает, что в основном мы оперируем промежутками, а не моментами времени: «мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их между собой и говорим, что одни длиннее, а другие короче. Мы даже измеряем, насколько одно время длиннее или короче другого, и отвечаем, что этот промежуток вдвое или втройce больше или меньше того, или что оба равны» (*Conf. XVI.21*)¹³⁴. При этом он обращается к той мысли, что мы не можем измерять того,

133 Аристотель. Физика. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М.: «Мысль», 1981. С. 179–180.

134 Августин Блаженный. Исповедь. СПб: Наука: 2013. С. 185.

чего не существует: прошлого, по его убеждению, уже нет, в то время как будущего ещё нет. В результате он приходит к выводу, что мы измеряем не столько само время, сколько «впечатление от проходящего мимо», а поскольку настоящее – лишённый длительности момент, мы измеряем не сами интервалы времени, но впечатление, которое они оставляют. Такой вывод ставит новые вопросы. Каким образом эти впечатления остаются? Как эти впечатления могут сравниваться между собой? Вряд ли ответ Августина «мы ощущаем растяжение души» можно считать в полной мере удовлетворительным.

Можно выделить три основных замешательства относительно идеи протяжённости и измерения времени: как совокупность непротяжённых событий обладает ненулевой протяжённостью; как формируется некоторое целое из вещей, которые всегда врозь; и как измерить то, что либо уже не существует, либо ещё не существует. Первым способом разрешить такие замешательства можно назвать заявление, что короткие события целиком находятся в настоящем. Другой способ – заявить, что они и вовсе не имеют никакой протяжённости, и, значит, их нельзя делить на части. Ещё один способ заключается в том, чтобы признать, что события воплощаются в реальность некоторым ступенчатым образом, с некоторым пределом делимости событий¹³⁵.

Августин выбрал второй путь. Он писал: «И кто станет отрицать, что настоящее лишено длительности: оно проходит мгновенно. Наше внимание, однако, длительно, и оно переводит в небытие то, что появится» (*Conf. XXVIII.37*)¹³⁶. Именно внимание, описанное Августином, а вовсе не настоящее, стало прообразом «кажущегося настоящего», которое изначально в XIX веке предложил британский психолог Е. Р. Клэй¹³⁷ и существование которого доказывал У. Джеймс.

Джеймс утверждал, что, чтобы можно было говорить о состоянии сознания, он должно обладать некоторой длительностью, в качестве доказательства приводя

¹³⁵ Это рассуждение основано, в частности, на исследовании Дж. Н. Финдли: Финдли Дж. Н. Время: рассмотрение некоторых головоломок // Логос. 2004. № 5 (44). С. 59–72.

¹³⁶ Августин Блаженный. Исповедь. СПб: Наука, 2013. С. 193.

¹³⁷ Clay E. R. The Alternative: a Study in Psychology. London: Macmillan, 1882. P. 167.

известный факт о недействительности боли, если она длится меньше сотой доли секунды. Это привело его к постановке вопроса: «Какой продолжительностью должно обладать состояние сознания, чтобы его можно было считать одним, отдельным состоянием?»¹³⁸ Джеймс подчёркивает, что именно осознание «как процесс, протекающий во времени» является причиной всех парадоксов, которые неизбежно возникают при процессе непрерывной перемены: «Действительное настоящее представляет простую пограничную линию между настоящим и прошедшим, которая не должна обладать толщиной»¹³⁹. Это приводит его к постановке вопроса: можем ли мы говорить о «состояниях», если мы имеем дело с непрерывно изменяющимся процессом?¹⁴⁰

Из приведённого отрывка можно обратить внимание, что Джеймс противопоставляет истинное настоящее и осознаваемое настоящее, т. е. некоторую фиктивную линию между прошлым и будущим для «непосредственного настоящего для познающего субъекта». Однако каким образом появляется это осознаваемое настоящее? Каким образом явления, протяжённые во времени, могут переживаться и умещаться внутри единичного момента, лишённого темпоральной глубины? Как события, перетекая из будущего в прошлое, оставляют свой след внутри нашего сознания? И, наконец, каким образом мы можем воспринимать события и их длительность, если реальное настоящее длительности не имеет? Именно последний вопрос в современной литературе называют «парадоксом временного осознания». Попробуем посмотреть, какие ответы на перечисленные вопросы предлагаются в литературе.

Существуют три основные модели темпоральной структуры сознания, построенные с использованием понятия *кажущегося* настоящего: кинематографическая модель, ретенциональная модель и экстенсиональная модель¹⁴¹. Все эти модели представляют собой попытку решить парадокс

138 Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 362.

139 Там же.

140 Там же.

141 Dainton B. Temporal Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/> (date access: 20.11.2019).

временного осознания и основаны на понятии «кажущегося настоящего». Рассмотрим эти модели подробнее.

2.1.1 Кинематографическая модель

Начнём с кинематографической модели (Cinematic model). С точки зрения кинематографической модели, поток сознания состоит из плотно упакованного (close-packed), не имеющего пропусков (gap-free) континуума неделимых «теперь», подобно тому, как фильм состоит из набора кадров. Все ощущения, получаемые внутри кажущегося настоящего, упакованы в мгновенные «теперь». Движение или изменение воспринимается через смену кадров: если кадры различны, присутствует движение или изменение, если же они идентичны, изменений нет. Возникает вопрос: как снимки, лишённые временной длительности или обладающие временной длительностью, близкой к нулю, могут создавать иллюзию непрерывного движения? Каким образом мы ощущаем динамическое содержание событий через статические «теперь»?

Примером, который может объяснить подобный эффект, является кинематограф: несмотря на то, что фильм состоит из набора кадров, мы воспринимаем движение и изменение, представленные в фильме, непрерывно. Также и отдельные моменты реальности создают ощущение непрерывно происходящего вокруг нас. И всё же ощущение непрерывности при просмотре фильма можно объяснить интерполяцией дискретных зрительных образов внутри непрерывного сознания, в то время как дискретные «теперь», в свою очередь, относятся к самому сознанию.

Д. Деннет не считает это проблемой. Он проводит аналогию между зрительным восприятием и темпоральным восприятием: наше зрительное восприятие, по его убеждению, является дискретным всегда и не только при просмотре кинофильмов. Но из-за визуальных систем с «перцепционной интерполяцией» мы воспринимаем зрительное восприятие как непрерывное, и наше сознание также может быть дискретным во времени, но ощущаться как

непрерывное. Примером дискретности зрительного восприятия для Деннета выступают такие феномены, как слепые пятна и саккадические движения глаз. Деннет утверждает, что мозг, помечая слепое пятно, «предпочитает» считать, что там просто нет ничего интересного. Он распространяет такое обращение с пространственными промежутками и на временные промежутки, которые, в частности, и обеспечивают саккадические движения глаз. «Прерывистость сознания, — пишет Деннет, — кажется поразительной из-за ощущаемой непрерывности сознания»¹⁴². Другими словами, Деннет считает, что то, что мы ощущаем непрерывность — лишь убедительная иллюзия, основываясь на факте иллюзорной непрерывности зрительного восприятия. Можно заметить, что, хоть Деннет и не обозначает свой подход к восприятию времени как феноменологический, вполне корректно называть его именно таким, поскольку здесь Деннет переходит к обсуждению сознания «от третьего лица» к исследованию «от первого лица». По нашему мнению, это, с одной стороны, приводит к тому, что его представления о темпоральной структуре сознания несколько выпадают из его представлений о структуре сознания вообще, с другой — приводит к слабости его аргументов, причина которой заключается в следующем.

Мы полагаем, что между дискретностью пространства и дискретностью времени есть важное отличие. Мы можем обнаружить слепое пятно и отследить саккадические движения глаз, в то время как темпоральные «слепые пятна», даже если они существуют, отследить не так просто. Есть два примера того, что при первом взгляде может показаться нарушением темпорального восприятия, своего рода темпоральными «слепыми пятнами»: первый пример — это нарушение сенсорной чувствительности: к примеру, после резких звуков или яркого света сенсорная чувствительность снижается, в первую очередь, это касается перегруженного канала, но распространяется и на другие каналы восприятия. Второй пример — это те моменты жизни, которые «выпадают» из памяти, к

142 Dennett D. Consciousness Explained. Allen Lane: Harmondsworth, 1991. P. 356.

примеру, во время сна. Но относятся ли указанные примеры именно к темпоральному восприятию? Вряд ли можно утверждать подобное: в случае сенсорной перегрузки темпоральное восприятие сохраняется, снижается исключительно сенсорная чувствительность, включая сигналы, получаемые от собственного тела. Во втором случае для изменённых состояний сознания, есть целых два возражения: во-первых, неуместно говорить про темпоральные структуры сознания, если сознание в настоящий момент не работает; во-вторых, отсутствие воспоминаний не является свидетельством в пользу нарушения работы темпоральных структур: существуют многочисленные примеры, когда люди теряют способность к долговременному запоминанию, но в течение трёх – пяти минут они способны вести беседу и даже рефлексировать своё текущее темпоральное восприятие. Таким образом, приводимый Деннетом пример зрительных слепых пятен для темпорального восприятия с нашей точки зрения нерелевантен.

Следующее затруднение кинематографической модели, которое описывает Б. Дэйnton¹⁴³, значительно серьёзней. Предположим, что наше восприятие действительно состоит из отдельных статичных кадров. Изменение или движение может быть обнаружено только при сравнении таких кадров: если кадры совпадают, то движений и изменений не происходило, если не совпадают, мы можем обнаружить движения и изменения. Но где происходит процедура сравнения? Где происходит восприятие того факта, что эти кадры различны? Где находится тот опыт преемственности, который обеспечивает саму возможность сравнения? Согласно концепции кажущегося настоящего, любое восприятие должно находиться внутри самого кажущегося настоящего. Однако, согласно кинематографической модели, каждомуциальному кажущемуся настоящему принадлежит только один кадр. Попытка разрешить это затруднение в рамках концепции приводит в итоге к отказу от кинематографической модели, по крайней

¹⁴³ Dainton B. Temporal Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/> (date access: 20.11.2019).

мере, на высших уровнях сознания. Таким образом, мы приходим к выводу, что, несмотря на удобство кинематографической модели для объяснения зрительных эффектов, она подходит только для объяснения некоторых особенностей восприятия и вряд ли может быть использована в качестве базовой темпоральной модели сознания.

Теперь перейдём к ретенциональной модели и попробуем оценить, может ли она быть использована в качестве базовой темпоральной модели сознания.

2.1.2 Ретенциональная модель

Ещё одной популярной моделью темпоральной структуры сознания является ретенциональная модель (Retentional model). Ретенциональная модель строится на идеи, что кажущееся настоящее не имеет временной продолжительности, но имеет ментальное содержание, которое представляет темпорально протяжённые явления. Основой этой модели является ретенция – ключевое понятие философии Гуссерля, означающее удержание прошедшего опыта в кажущемся настоящем¹⁴⁴ (подробнее в п. 1.2.4). В качестве аргументов в пользу существования ретенций часто используют особенности музыкального восприятия: ноты, сыгранные последовательно, звучат в нашем сознании ещё некоторое время, образуя в настоящем единую музыкальную фразу.

В рамках ретенциональной модели кажущееся настоящее – это текущий непосредственный опыт вместе с набором ретенций, упакованных в мгновенное «теперь». Поток сознания, в свою очередь, состоит из континуума этих мгновенных эпизодов. Содержание кажущегося настоящего расположено вдоль временной линии, а его ретенции предоставлены в вертикальном срезе внутри мгновенного «теперь».

Представление о ретенциях может показаться чрезмерно сложным: идея, что наше непосредственное переживание длительности и последовательности

¹⁴⁴ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. 162 с.

фактически упаковано в лишённые длительности «теперь», не является интуитивной. Однако такой подход решает проблему непрерывности, с которой сталкиваются приверженцы кинематографической модели. Корни такого подхода можно найти у Августина: как мы продемонстрировали в первой главе, он полагал, что существует лишь момент текущего настоящего, фактически лишённый длительности¹⁴⁵. Если это так, то мгновенное настоящее должно обладать возможностями для восприятия одновременности, длительности и последовательности событий.

По мнению Дэйнтона, одним из затруднений такого подхода является как раз сложность различия между одновременно происходящими событиями и последовательно происходящими событиями. Ноты, сыгранные последовательно, и ноты, сыгранные одновременно, продолжают звучать в ретенции в нашем мгновенном настоящем, и все они доступны внутри мгновенного кажущегося настоящего, и даже могут быть воспроизведены как разворачивающийся во времени процесс. Но динамические повторные воспроизведения в ретенциональной модели должны проходить в один момент. Как возможно проведение различий между событиями настоящего и ретенциями прошлого? Гуссерль предложил одно из наиболее популярных решений, основанное на представлении о разной яркости впечатлений: внутри одной ретенции более старые события являются более зыбкими и менее яркими чем те, что произошли только что.

Если предыдущее затруднение основано на необходимости различения ощущения настоящего и ретенций недавнего прошлого, то следующее затруднение основано на необходимости различения ретенций недавнего настоящего от воспоминаний и ретенций воспоминаний более ранних событий. Ведь если мы полагаем, что для вызываемых воспоминаний также должны быть ретенции; и ретенции воспоминаний должны быть также яркими и обладать ощущением настоящего, то остается неясным, как в принципе отличить ретенции

¹⁴⁵ Conf. XV.20. Августин Блаженный. Исповедь. СПб: Наука, 2013. С. 184.

воспоминаний от ретенций только что прошедших событий. Чтобы провести такое различение, Гуссерль разводит ретенции как первичное запоминание и память как вторичное запоминание, но не признаёт первичных ретенций для памяти¹⁴⁶. Однако здесь можно возразить, что, даже обращаясь к собственному опыту воспоминания музыкальных фраз, можно наблюдать некоторые «остаточные» эффекты удержания уже «отзвучавшей» в памяти ноты. Это означает, что любое воспоминание также может иметь ретенцию, имеющую сходную структуру с ретенциями событий, произошедших недавно.

Несмотря на то, что эта модель решает проблему непрерывности, она не решает вопрос различия воспоминаний и непосредственно переживаемого опыта. Сам Гуссерль признаёт это, предлагая помимо ретенционального уровня выделить уровень абсолютного потока сознания, некоторый фон, который и позволяет ретенциям существовать. Однако эти уровни не обладают субстанциональным характером, а лишь указывают, что феноменологическое описание ведётся с различных исходных точек¹⁴⁷. Помимо этого, вопрос естественно-научного обоснования ретенций остаётся открытым: неизвестно, что именно формирует ретенции и как долго они могут длиться. Удержание переживаемого опыта может объяснить ощущение длительности, однако дальнейшее взаимодействие с уже пережитыми событиями выпадает из ретенциональной модели, что в итоге приводит к ограниченности её использования.

Таким образом, ретенциональная модель имеет преимущество при описании опыта звукового восприятия, однако, по нашему мнению, не может быть использована в качестве основной модели нашего сознания. Далее перейдём к экстенсиональной модели и рассмотрим, возможно ли использовать её в качестве основной темпоральной модели сознания.

¹⁴⁶ Анализ концепции Гуссерля основывается в том числе на книге: Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. Высш. шк., 1988. 144 с.

¹⁴⁷ В частности, это убедительно показано в работе В. И. Молчанова (Там же).

2.1.3 Экстенсиональная модель

Наконец, рассмотрим экстенсиональную модель (Extensional model), сторонниками которой можно назвать А. Уайтхеда, Ф. Брэдли и Ч. Бродя. В этой модели содержимое сознания является динамическим, аналогично содержимому сознания в ретенциональной модели. Однако в ретенциональной модели предполагается, что это динамическое содержание принадлежит мгновенным эпизодам сознания, в то время как согласно экстенсиональному представлению, это содержание является распределённым во времени.

Кажущееся настоящее, согласно этой модели, соответствует истинному настоящему. Кажущееся настоящее и истинное настоящее занимают сходный временной интервал и имеют схожее содержание: из-за непосредственного восприятия любое изменение, любое явление, включая звуковые, тактильные и визуальные ощущения могут быть восприняты в полной мере. Кажущееся настоящее может при этом иметь более разнообразное содержание: помимо воспринимаемого внешнего мира здесь, как правило, присутствуют сознательные мысли, телесные ощущения и ментальные образы. Такая модель наиболее близка к тому, что У. Джеймс описывал как кажущееся настоящее: «Опыт дает нам то, что так хорошо названо "видимым воочию настоящим", – какой-то отрезок времени, как бы седло на его хребте, на котором мы сидим боком и с которого представляем себе два противоположных направления времени. Части восприятия времени объединяются известной длительностью с двумя противоположными концами. Отношения последовательности от одного конца к другому познаются как части данного отрезка длительности. Мы не чувствуем появления сначала одного конца, потом другого и от восприятия последовательности не заключаем к существованию промежутка времени между ними, но мы, по-видимому, чувствуем сам промежуток как целое с двумя противоположными концами. Опыт как объект психологического анализа есть нечто сложное: элементы его в чувственном восприятии неотделимы друг от друга, хотя, направляя внимание на

смену явлений опыта, мы можем легко отличить в нем начало и конец, как целое с двумя его концами, встроенными в него»¹⁴⁸.

Приведённая выше цитата довольно полно и подробно описывает взгляды Джеймса. Во-первых, здесь есть указание на то, что кажущееся настоящее Джеймс соотносит именно с отрезком, а не с моментом. Во-вторых, он подчёркивает, что сам промежуток времени мы чувствуем как целое. В-третьих, он обращает внимание на неотделимость элементов опыта друг от друга внутри опыта, но при обращении сознания к опыту мы чётко видим весь промежуток целиком, с началом и концом. Таким образом, на наш взгляд, из представленных трёх моделей именно экстенсиональная модель ближе всего к пониманию кажущегося настоящего, которое и лежит в основе всех моделей.

Тем не менее, мы полагаем, что модель кажущегося настоящего, предложенную Джеймсом, нельзя назвать полной и отвечающей всем вопросам. Механизм, описанный Джеймсом, не проясняет особенности нашего темпорального восприятия, а лишь демонстрирует ряд интригующих наблюдений. В конце концов, это и стало причиной столь многочисленных разногласий исследователей при интерпретации экстенсионального подхода. К примеру, некоторые философы считают, что каждое переживание включает два различных компонента: осознание и содержание. Сторонником таких взглядов является, например, Ч. Брод, который предполагает, что в основе механизма восприятия времени лежит принцип мгновенного осознания и расширенного содержания¹⁴⁹. Другие отвергают такую позицию, в частности, Дж. Фостер уверен, что переживания и содержания необходимо совпадают¹⁵⁰.

Есть различия во взглядах разных исследователей и в подходе к опыту: является ли воспринимаемое движение феноменальным актом или оно физически реально? Популярно мнение, согласно которому часть кажущегося настоящего

148 Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 179–180.

149 Broad C. D. Scientific thought: A philosophical analysis of some of its fundamental concepts. Routledge, 2014. 560 p.

150 Foster J. The immaterial self: A defence of the Cartesian dualist conception of the mind. Psychology Press, 1996. P. 249.

является внутренним или феноменальным (мысль, образ или ощущение, не привязанное к внешнему миру), а другая часть – внешняя и физически реальная (как, например, движущаяся машина).

Однако, на наш взгляд, экстенсиональная модель, несмотря на свою популярность, не лишена затруднений. Последовательные события, согласно экстенсиональной модели, часто воспринимаются вместе, внутри одного кажущегося настоящего. Возникает вопрос: как то, что воспринимается вместе, в едином акте восприятия, может не быть одновременным? Р. Ле Пойдевин в ответ на этот вопрос утверждает, что изменение и продолжительность вовсе не могут быть непосредственно восприняты¹⁵¹. Действительно, более раннее и более позднее содержимое кажущегося настоящего на самом деле не занимает «настоящий момент», черту между прошлым и будущим, но включается в общее кажущееся настоящее, которое, в свою очередь, может быть разделено на отдельные последовательные кажущиеся настоящие. В свою очередь, «феноменальное присутствие», которым обладает и более раннее, и более позднее содержимое, может принадлежать не только тому, что происходит сейчас, в непосредственном кажущемся настоящем, но и чему-то в прошлом, допустим, вчерашней зубной боли: в разное время разные ощущения «феноменального присутствия» могут обладать разными переживаниями.

Другое затруднение, которое отмечают исследователи, касается того, как именно отдельные кажущиеся настоящие формируют единый поток восприятия и сознания. Среди приверженцев экстенсиональной теории есть значительные разногласия на этот счёт. Т. Спрагг и Ф. Брэдли являются сторонниками дискретной блочной модели, которая предполагает, что поток сознания формируется из отдельных последовательных блоков кажущегося настоящего¹⁵². Но в этом случае если два события принадлежат разным блокам, то не существует единого блока кажущегося настоящего, который бы их объединял. Тем не менее, в

¹⁵¹ Le Poidevin R. The Images of Time. An Essay on Temporal Representation. NY: Oxford University Press Inc., 2007. P. 5.

¹⁵² Sprigge T. L. S. American Truth and British Reality. Chicago: Open Court, 1923. P. 276.

рамках экстенсиональной модели предполагается, что, чтобы воспринять последовательность событий, они должны принадлежать единому кажущемуся настоящему, чтобы тем самым дать ощущение преемственности. Это вынуждает либо отказаться от необходимости ощущения преемственности для восприятия последовательности, либо поставить под сомнение дискретную блочную модель.

Ч. Брод предложил иной подход: несмотря на то, что он убеждён в возможности нашего сознания охватывать временные интервалы и именно так осознавать происходящие изменения, он полагает, что акты сознания сами по себе являются мгновенными, но способны воспринимать феноменальное содержание кратких интервалов времени¹⁵³. Эти акты сознания захватывают и текущее настоящее, и недавнее прошлое, таким образом обеспечивая единство и непрерывность восприятия. Фактически, это гибридная модель ретенционализма и экстенсионализма, которую можно назвать частичным экстенсионализмом. Однако такая гибридность приводит к своеобразному результату: поскольку каждое событие попадает в акт осознания сначала как настоящее, а потом многократно в другие акты осознания как часть прошлого, то, фактически, оно должно быть переживаемым многократно. Кроме того, несмотря на временную непрерывность воспринимаемого, сами акты сознания мгновенны и дискретны; в итоге с помощью такой модели мы получаем полную непрерывность опыта, но не непрерывность самого сознания. Если же объяснить феноменологическую непрерывность сознания тем, что каждый последующий акт сознания включает в себя восприятие предыдущего, мы оказываемся в ситуации, когда всё содержимое потока сознания воспринимается как единое целое с помощью единого всеобъемлющего акта.

Ещё одним вариантом экстенсиональной модели является модель перекрытия, предложенная Дж. Фостером. Она подразумевает, что блок каждого кажущегося настоящего состоит из двух частей опыта, первая из которых принадлежит предыдущему блоку кажущегося настоящего, а вторая часть –

¹⁵³ Broad C. D. Scientific Thought: A Philosophical Analysis of Some of Its Fundamental Concepts. London: Routledge, 2014. 560 p.

последующему блоку кажущегося настоящего. В этом случае мы действительно обладаем как полной непрерывностью опыта, так и полной непрерывностью сознания. Фостер описывает эту модель так: «пересечения последовательных блоков (successive patterns overlap) представлены пересекающимися соответствующим образом переживаниями»¹⁵⁴. Такая модель объясняет единство восприятия между любыми смежными событиями, в отличие от дискретной блочной модели, но при этом события, не являющиеся смежными, не воспринимаются вместе, как в модели частичного экстенсионализма Бродя. Пересечений может быть намного больше двух: таким образом обеспечивается единство не только двух, но множества смежных событий, единых в опыте (как движение летящей стрелы или прыгающего мяча). Такая теория кажется перспективной, однако некоторые критики, как, к примеру, Ш. Галлахер считают её излишней, поскольку, умножая сущности, она не даёт ничего взамен¹⁵⁵.

Есть и ещё одна проблема, которую мы обнаруживаем в этой теории: непонятно, в каких именно моментах должны начинаться и заканчиваться отдельные блоки кажущегося настоящего. Если речь идёт про конкретный набор событий, то каждое новое событие может начинать или завершать конкретный блок кажущегося настоящего. Однако не всегда ясно, как именно вычленяются события; более того, мы должны предположить, что события выделяются до того, как они оказались в нашем кажущемся настоящем. Идеи же того, что отдельные блоки начинаются и завершаются согласно неким биологическим часам, не вполне убедительны: для разных потоков восприятия (зрение, слух, тактильные ощущения и пр.) есть свои физиологические временные особенности, а общих механизмов мозга, которые бы свели все потоки восприятия в единую темпоральную картину, пока не обнаружено.

154 Foster J. The Immaterial Self: A Defence of the Cartesian Dualist Conception of Mind. New York: Routledge. 1991. P. 249.

155 Gallagher Sh. Sync-Ing in the Stream of Experience: Time-Consciousness in Broad, Husserl, and Dainton // Psyche. 2003. № 9 (10) [Electronic resource]. URL: <http://journalpsyche.org/files/0xaabb.pdf> (date access: 13.02.19).

Впрочем, вопрос о том, когда начинаются и завершаются отдельные кажущиеся настоящие, не является только проблемой модели перекрытия, а касается и экстенсиональной, и ретенциональной моделей, и даже кинематографической модели, хоть и в меньшем степени. К. Уилсон, рассматривая современные модели темпоральной структуры сознания, также обращает внимание на то, что только динамическое описание сознания способно объяснить разнообразие временного опыта, чему не соответствует ни кинематографичная, ни ретенциональная, ни экстенсиональная модели¹⁵⁶.

Мы рассмотрели три основные модели темпоральной структуры сознания. Подведём итоги нашего анализа. Ретенциональная модель лучше всего описывает особенности звукового восприятия в настоящем, кинематографическая модель наиболее близка к зрительному восприятию, а экстенсиональная модель лучше всего работает с преемственностью опыта и непрерывностью сознания. Однако все эти модели используют концепцию отдельных кажущихся настоящих. Наиболее яростную критику против такого использования можно найти у Джона Д. Мэббота. В следующем параграфе мы познакомимся с его критикой и проанализируем, актуальна ли она до сих пор.

§2.2 Критика концепции *кажущегося настоящего* и построение модели *текущего настоящего*

В предыдущем параграфе мы рассмотрели основные модели темпоральной структуры сознания, построенные на основе концепции «кажущегося настоящего». В этом параграфе мы проанализируем критику этой концепции и предложим альтернативную модель.

Философ Дж. Мэббот в работе «Наше прямое восприятие времени» ставит вопрос, чем обосновано наше непосредственное восприятие событий и в чём его

156 Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation. University of Oslo, 2008. 59 p.

отличие от восприятия посредством памяти. Главным предметом его исследования является длительность. «Имеет ли идея длительность?»¹⁵⁷ – задаёт он вопрос, который относит к классической эпистемологии. Он кратко рассматривает идеи Дж. Локка и Д. Юма, которые утверждают, что есть некоторые неделимые моменты, которые представляют собой небольшую часть длительности и являются временем наших мыслей, и озвучивает противоречие: либо мы имеем дело с математическим моментом, который не имеет длительности, либо с некоторым неделимым квантом времени, обладающим длительностью. Он также исследует позицию, согласно которой кажущееся настоящее имеет определённую длительность, обусловленную психологически.

Это приводит Мэббота к размышлению о том, действительно ли есть некоторое психологически обусловленное кажущееся настоящее? Тогда Мэббот обращается к поиску единицы временного восприятия. Он рассматривает предложенные Джеймсом максимумы восприятия, психические минимумы, которые имел в виду Юм, а также обращается к различным психофизиологическим экспериментам¹⁵⁸. Помимо того факта, что полученные данные сильно различаются, он обсуждает и другие проблемы, связанные с поиском такой единицы временного восприятия: полученные в экспериментах значения зависят от чувств, на которые опираются (слух, зрение, тактильные ощущения), от характеристик исследуемого человека (его тренированность и усталость) и даже от характеристик явлений, на которых ищется такая единица (к примеру, высота тона и её изменения). Также он обращается к мнению психолога, подробно изучавшего исследования темпоральных примитивов – Е. Г. Боринга, который обращал внимание на противоречие «акта понимания» и заявлял, что наблюдение – это процесс, а значит, оно не может быть ограничено единственным моментом¹⁵⁹.

157 Mabbot J. D. Our Direct Experience of Time // Mind. 1951. Vol. 60. No. 238. P. 153–167. P. 153.

158 Мэббот ссылается на целый ряд исследователей: (Вундт, 1874; Дайтц, 1885; Коллерт, 1882; Мехнер, 1885; Эстел, 1884; Стивенс, 1886; Вудроу, 1930, 1934)

159 Мэббот ссылается на ряд работ Е.Г. Боринга, в частности, на «Sensation and Perception in the History of Experimental Psychology», 1942 и др.

Мэббот приходит к выводу: «Наше восприятие временного процесса непрерывно (за исключением периодов бессознательности)»¹⁶⁰. Как следствие, он заключает, что ошибочной является вся концепция дискретности временного восприятия. Он не отрицает возможность разделения внутри восприятия, но утверждает, что это происходит только в терминах содержимого: иногда оно имеет произвольные рамки, а иногда и вовсе невозможно. Несмотря на то, что концепция дискретного времени породила множество экспериментов и теорий, Мэббот убеждён, что она не объясняет ничего в восприятии времени и для использования просто непригодна, по крайней мере, в том виде, в каком она используется психологами и описана Ч. Бродом внутри доктрины кажущегося настоящего. Более того, анализ, проведённый Мэбботом, заставил его сомневаться в том, что мы непосредственно и прямо воспринимаем время. Он предполагает, что вместо прямого, непосредственного восприятия, чистого чувствования, в восприятии времени есть некоторая организация, определённая структура, наличие чётких взаимосвязей. А то чистое созерцание, которое мы можем наблюдать – лишь граничный случай, к которому иногда стремится наше восприятие, а, возможно, и вовсе является «обманчивым», и нам лишь кажется, что мы его наблюдаем.

Таким образом, можно сделать вывод, что основная критика Мэббота направлена на представление о дискретности темпорального восприятия, и, как следствие, на ошибочность представления о существовании некоторых чётко заданных кажущимся настоящим. Однако несмотря на то, что эти критические замечания до сих пор остались без убедительного ответа, за последние несколько десятков лет был проведён ряд когнитивных исследований, направленных на постижение природы восприятия времени. Обратимся к ним, чтобы узнать, являются ли критические замечания Мэббота в той части, которая касается когнитивных исследований, до сих пор актуальными.

160 Mabbot J. D. Our Direct Experience of Time // Mind. 1951. Vol. 60. No. 238. P. 153–167. P. 165.

2.2.1 Современные когнитивные исследования восприятия времени

В этом разделе мы обратимся к ряду когнитивных исследований, направленных на выявление участков мозга, позволяющих нам воспринимать время, а также на выяснение того, как именно они работают. Это позволит нам взглянуть на критику Мэббота заново и оценить, является ли она до сих пор актуальной.

Прежде всего заметим, что при обсуждении механизмов восприятия времени исследователи чаще всего ищут свидетельства изменения восприятия длительности – то есть недооценку или переоценку временных интервалов. При этом изменение восприятия бывает двух видов: во-первых, при исследовании оценки интервалов в настоящем, во-вторых, при ретроспективной оценке прошлого. Эти два вида изменений не всегда коррелируют, но, если такая корреляция есть, она, как правило, является обратной. Примером повода, вызвавшего такую обратную корреляцию, может являться активный отпуск или период вынужденного безделья. В первом случае в настоящем время «летит» незаметно, но при ретроспективе кажется, что длительность такого периода в несколько раз больше, во втором – наоборот, при оценке «протекания» времени в настоящем кажется, что время длится бесконечно, но при ретроспективном взгляде длительность такого периода занижается. Это показывает, что присутствует разделение восприятия времени на само восприятие, то есть ощущения, получаемые в настоящем, и на ретроспективное осознание временного восприятия.

Большинство нейрофизиологических исследований также используют изменение оценки временных интервалов для того, чтобы сделать вывод относительно участия в восприятии времени той или иной части мозга. Однако даже при вопросе, внутри какой именно части мозга происходит оценка временных интервалов, данные разнятся.

Так, одна из популярных теорий указывает на значимость мозжечка для оценки временных интервалов. Мозжечок является отделом головного мозга,

отвечающим за координацию движений. Он получает копию и афферентной, и эфферентной информации¹⁶¹, то есть и те сигналы, что идут от мозга, и те, что идут к мозгу, а также сопоставляет их и корректирует как произвольные, так и автоматические движения. При этом его деятельность не относится к сознательной деятельности, и, соответственно, не может сознательно контролироваться. Для многих исследователей было бы заманчиво сослаться при объяснении оценки временных интервалов на действие мозжечка, и попытки этого уже были. Британская исследовательница К. Хэммонд в книге «Искажённое время» приводит в пример следующий эксперимент: после того, как человеку подуют в глаз, он моргает сразу после дуновения. Если человека предупредить, что сейчас ему подуют в глаз, то он моргнёт прямо во время такого дуновения, но только в том случае, если его мозжечок не является повреждённым. Если же у человека повреждён мозжечок, то, вне зависимости от предупреждения, он моргнёт только после дуновения¹⁶². Это говорит нам о том, что деятельность мозжечка влияет на деятельность тела, которая связана с краткосрочным планированием, проходящим мимо нашего сознания. Однако вряд ли этого эксперимента было бы достаточно для утверждения о том, что именно мозжечок влияет на оценку темпорального восприятия.

Поэтому Хэммонд приводит ещё более серьёзное доказательство участия мозжечка в восприятии времени: «Когда с помощью ТМС [транскраниальной магнитной стимуляции, которая способна временно выводить из строя определенную зону головного мозга без серьёзных побочных эффектов, – прим. диссертанта] функцию мозжечка испытуемого на время подавляли, ему труднее было определять время. То есть, при транскраниальной магнитной стимуляции человек показывал более низкие результаты в экспериментах, где счёт шёл на миллисекунды, и обычные результаты в экспериментах, где счет шел на секунды»¹⁶³.

161 Афферентные системы перерабатывают информацию, поступающую в мозг от рецепторов, а эфферентные системы – информацию, идущую от мозга к эффекторам (мышцы, железы).

162 Хэммонд К. Искажённое время. М.: Livebook, 2013. С. 66.

163 Там же. С. 67.

Исследователи, проводившие эти эксперименты, сделали вывод, что мозжечок отвечает за оценку миллисекундных интервалов времени, и Хэммонд с ними соглашается. Однако стоит учесть, что в исследовании, несмотря на явную корреляцию результатов эксперимента и подавления активности мозжечка, восприятие миллисекунд всё же сохранялось, хотя и в искаженном виде. Это позволяет нам утверждать, что восприятие кратких интервалов времени зависит от активности мозжечка, но не определяется ею полностью.

Следующей зоной, влияние которой на восприятие времени было отмечено учёными, оказалась передняя лобная доля, которая, в частности, отвечает за рабочую память. Она, предположительно, отвечает за оценку секундных отрезков. Одним из подтверждений этого является тот факт, что дети с синдромом Туретта, вынужденные задействовать префронтальную область коры головного мозга, чтобы подавить тики, оценивают интервалы времени длиной в несколько секунд лучше, чем их здоровые сверстники¹⁶⁴.

Ещё одной зоной, участвующей в восприятии времени, являются базальные ганглии в центральной части мозга. Они оказались связанными с восприятием временных отрезков дольше двух секунд. При этом явно заметна важность дофаминергической системы: при повышении уровня дофамина в мозгу отрезки времени воспринимаются как большие¹⁶⁵.

Также в восприятии и подсчёте времени значительную роль играет передняя часть островковой доли, которая даёт представление о телесных ощущениях и отвечает за бессознательные психические реакции. Б. Крейг предполагает, что эта часть фиксирует эмоциональное состояние в определённый момент и составляет некоторую эмоциональную гирлянду, отражающую самоощущение в каждый отдельный момент¹⁶⁶.

164 Vicario C et al. Time processing in children with Tourette's syndrome // Brain and Cognition. 2010. Vol. 73(I). P. 28–34.

165 Хэммонд К. Искажённое время. М.: Livebook, 2013.

166 Craig A. D. Emotional moments across time: A possible neural basis for time perception in the anterior insula // Philosophical Transaction of the Royal Society, B. 2009. № 364 (1525). P. 1933–1942.

Но и это ещё не всё. Ещё остаётся гипоталамус, в ядре которого функционируют внутренние водители ритма, под воздействием дневного света синхронизирующиеся с суточным циклом¹⁶⁷. И, наконец, в 2011 году были обнаружены клетки времени в гиппокампе по аналогии с клетками места. Г. Эйченбаум на основе этого обнаружения сделал вывод, что кодирование ключевых событий в пространстве и во времени происходит с помощью именно гиппокампальных нейронов. Дифференциация внутри такого кодирования позволяет выделить пространственную и временную составляющую опыта. Он заключает: «Представление времени и пространства в гиппокампе является фундаментальным механизмом для организации элементов опыта»¹⁶⁸. Другими словами, Эйченбаум убеждён в том, что представление пространства и времени является формой, которая и позволяет существовать той организации опыта, к которой мы привыкли.

Поскольку перечисленные исследования не дают единую картину, Хэммонд делает вывод, что единых внутренних часов не существует. Она пишет, что именно участие целых четырёх зон приводит к редкости нарушений восприятия времени при черепно-мозговых травмах¹⁶⁹. Но она подчеркивает: то, каким именно образом происходит само восприятие, по-прежнему остаётся загадкой. Как мы показали выше, уже обнаружено не менее шести таких зон (как минимум два участка мозга, влияющие на восприятие времени, были обнаружены после публикации Хэммонд), однако этот факт не ослабляет её утверждение, а наоборот, подтверждает его.

Можно сделать вывод, что данные, полученные из современных естественно-научных исследований, отрывочны и не дают единой полной картины. Скорее всего, наше восприятие времени действительно является многокомпонентным и зависит от множества систем нашего мозга. Примером

¹⁶⁷ Арушанян Э. Б., Попов А. В. Современные представления о роли супрахиазматических ядер гипоталамуса в организации суточного периодизма физиологических функций // Успехи физиологических наук. 2011. Т. 42. № 4. С. 39–58.

¹⁶⁸ Eichenbaum H. Time cells in the hippocampus: a new dimension for mapping memories // Nature reviews. Neuroscience. 2014. Vol. 15 (11). P. 732–744. P. 737.

¹⁶⁹ Хэммонд К. Иска́жённое время. М.: Livebook, 2013. С. 78–79.

такого многокомпонентного явления являются нейронные ансамбли, идею которых сформулировал Д. Хебб – это многофункциональные нейронные объединения, которые не определены анатомическими границами отдельных областей мозга, и для которых характерно плавное возникновение и исчезновение¹⁷⁰. Часть современных учёных, в частности С. Гринфилд, полагают, что именно нейронные ансамбли и их структура являются ключом к понятию сознания¹⁷¹, и, на наш взгляд, эта теория выглядит достаточно перспективной. Гринфилд также убеждена в том, что именно существование и характер нейронных ансамблей определяют наше восприятие времени и его двойственный характер.

Итак, критика Мэббота, направленная против дискретности темпорального восприятия и представления о едином дискретном кажущемся настоящем, остаётся в силе. Концепция дискретного восприятия времени не соответствует современным научным данным, по крайней мере, в той степени, в которой она пытается полностью объяснить всё наше восприятие и . Однако отдельные механизмы дискретизации действительно могут объяснить те или иные особенности восприятия времени. В качестве примера рассмотрим модель фреймового восприятия Ф. Варелы и оценим, насколько она применима для объяснения особенностей восприятия и сознания времени.

2.2.2 Концепции фреймового восприятия Ф. Варелы и первичного сознание Дж. Эдельмана

В предыдущем разделе мы рассмотрели основные эксперименты, проясняющие природу восприятия времени. В этом разделе мы обратимся к концепции фреймового восприятия Ф. Варелы и к концепции сознания Дж. Эдельмана, которые опираются на особенности первичного опыта, преимущественно зрительного. Мы покажем, что распространение темпоральной

170 Гринфилд С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката. СПб.: Питер, 2018. С. 66.

171 Там же. С. 217

дискретности единичного канала восприятия на всё сознание, как минимум, безосновательно.

Концепция кадрового, или «фреймового» (frame) восприятия Ф. Варелы¹⁷² является одной из наиболее популярных современных теорий, которая утверждает дискретность нашего восприятия. Этую концепцию можно отнести к кинематографической модели, т. е. к модели, где наше восприятие представлено набором отдельных последовательных кадров.

Согласно позиции Варелы, единицей темпорального опыта является некоторый кадр, или фрейм. На основе экспериментов со зрительным восприятием он делает вывод о существовании некоторого «кадрирования» зрительного опыта, синхронизированного во времени, при этом нейрофизиологическое образование, отвечающие за содержимое этого кадра, может быть разнесено в разные области мозга – в соответствии с представлениями о нейронных ансамблях. Размер такого кадра он видит в пределах десятых долей секунды, внутри которой вся зрительная информация попадает в единый временной промежуток, некоторое «сейчас». Варела основывается на идеи «единой разрядки», соответствующей идее «кажущегося», или «ускользающего настоящего». Однако он переносит данные экспериментов с визуальным опытом на все сознание: «Гипотеза синхронизации нейронов постулирует, что именно точное совпадение моментов разрядки клеток создает единство ментально-когнитивного опыта»¹⁷³. Другими словами, он, основываясь на гипотезе синхронизации нейронов, распространяет выводы, сделанные на основе экспериментов со зрительным восприятием, на любой сознательный опыт.

Можем ли мы согласиться с Варелой? Во-первых, стоит заметить, что само понятие «кадр» обладает определёнными темпоральными ограничениями: как правило, полагается, что кадр либо лишён длительности, либо обладает

¹⁷² Так, её положительно оценивают российские философы А. Л. Алюшин и Е. Н. Князева в книге Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 100–101.

¹⁷³ Varela F. J. The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness // Petitot J., Varela F. J., Pacoud B., Roy J.-M. (eds.). Naturalizing Phenomenology. Stanford University Press, 1999. P. 273.

длительностью в доли секунды. Это верно и для позиции Варелы: так, он убеждён, что любое восприятие ограничено долями секунды. Однако выше мы уже привели убедительные данные, что это не так, или, по крайней мере, не совсем так: существуют зоны в префронтальной коре и базальных ганглиях, которые организуют восприятие длиной больше секунды. Во-вторых, Варела рассматривает в первую очередь именно зрительное восприятие, а не феноменальный опыт. Если для зрительного восприятия полная синхронизация событий внутри единого кадра действительно необходима, то убеждение, что схожий механизм работы мозга распространяется и на другие виды восприятия и осознания, нам кажется необоснованным. Следовательно, апелляция Варелы к дискретности сознания как к базовому положению его теории не является в должной степени убедительной, и поэтому мы не можем принять и его темпоральную модель сознания за основную.

На наш взгляд, выделяя события из потока сознания, мы сами наделяем его свойствами дискретности, и зачастую бессознательно. Зрительное восприятие, как демонстрируют Д. Деннет¹⁷⁴ и Ф. Варела¹⁷⁵, действительно является дискретным. Но слуховое восприятие, в отличие от зрительного, не обладает темпоральной дискретностью. Дискретным оно становится только предметно и только при накладывании на восприятие событийной рамки.

Если следовать методу Варелы, для каждого из механизмов дискретизации восприятия следует предложить своё «кажущееся настоящее», что, в свою очередь, приводит нас к тому, что мы обнаруживаем себя среди множества типов «кажущегося настоящего», которые необходимо каким-то образом объединить. Однако вряд ли дискретное кажущееся настоящее способно на такое объединение. Объединение, способное совместить в себе столь разные механизмы дискретизации, должно быть непрерывно – иначе внутри отдельных механизмов восприятия проявлялись бы черты такой дискретности.

¹⁷⁴ Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. 511 p.

¹⁷⁵ Varela F. J. The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness // Petitot J., Varela F. J., Pacoud B., Roy J.-M. (eds.). Naturalizing Phenomenology. Stanford University Press, 1999. P. 266–314.

Таким образом, ощущения, получаемые из разных источников, могут быть дискретными или непрерывными в зависимости от особенностей работы органов чувств. Согласно концепции У. Джеймса, они объединяются в единый поток ощущений, воспринимаемых нами внутри единого кажущегося настоящего. Кроме того, мы согласны с мнением Дж. Эдельмана, что первичное сознание соответствует «помнимому настоящему», которое, по нашему мнению, весьма похоже на «кажущееся настоящее» Джеймса: «Только то, что находится в световом пучке, находится в точности в помнимом настоящем; все остальное – темнота. Это не значит, что животное с первичным сознанием не может иметь долговременной памяти или действовать на ее основе. Конечно, может. Но, в целом, оно не может быть осознанным относительно этой памяти, или планировать отдаленное будущее для себя, базирующееся на этой памяти»¹⁷⁶.

При этом Эдельман убежден, что высокоуровневое сознание, в отличие от первичного сознания, должно включать в себя и распознавание мыслящим субъектом собственных действий, и представление о собственных предпочтениях и пристрастиях. Эдельман также отмечает, что высокоуровневое сознание способно представлять и будущее, и прошлое в той же мере, как и настоящее, в отличие от «помнимого настоящего» низкоуровневого сознания¹⁷⁷. Таким образом, мы, основываясь на концепции Эдельмана, полагаем, что для высокоуровневого и низкоуровневого сознания нужно выделять разное настоящее: если для низкоуровневого сознания настоящее включает в себя только «помнимое» настоящее, то есть только то, что оно воспринимает органами чувств в настоящем и кратком промежутке прошлого времени, то для высокоуровневого сознания настоящее может включать в себя концепты, не привязанные ни к какому времени, и, соответственно, о дискретности кажущегося настоящего, основанного на механизмах зрительного восприятия, здесь говорить не имеет смысла.

¹⁷⁶ Эдельман Дж. Сознание: помненное настоящее // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 436.

¹⁷⁷ Там же. С. 421.

Итак, мы приходим к выводу, что кажущееся настоящее как некоторая ретенция – удержание – всегда присутствует в нашем опыте. При этом для различных органов чувств могут быть предложены различные механизмы формирования кажущегося настоящего, в частности, как это сделал Ф. Варела. Однако это кажущееся настоящее принадлежит первичному, низкоуровневому сознанию, в то время как высокоуровневое сознание темпорально является непрерывным. Любые разбиения могут быть только на уровне восприятия событий или предметов, само же сознание времени за исключением периодов бессознательности является непрерывным и не делится на отдельные «кванты времени», точки или интервалы.

В следующем разделе на основе полученных нами и наших предшественников выводов мы завершим анализ современных темпоральных моделей сознания, для чего нам необходимо проанализировать и структурировать критические замечания в адрес этих моделей.

2.2.3 Основные критические замечания в адрес темпоральных моделей сознания

В предыдущих разделах мы рассмотрели основные современные темпоральные модели сознания, а также критику в их адрес. Как можно заметить, указанные модели¹⁷⁸ используют понятие кажущегося настоящего, которое включает набор ощущений, данных вместе, и которое отлично от истинного настоящего, чья длительность равна нулю. Однако внутри этих моделей темпоральное восприятие является дискретным в том смысле, что эти модели предполагают существование набора отдельных кажущихся настоящих, что, в итоге, и порождает представление о дискретности сознания во времени. Выше мы уже проанализировали критику Мэббота и показали, что она является по-прежнему актуальной. Попробуем структурировать основные критические замечания в адрес этих моделей.

178 В рассмотренные модели мы в том числе включаем концепцию фреймового восприятия Ф. Варелы, которую можно отнести к кинематографическим моделям.

а) Игнорирование будущего. Кажущееся настоящее в перечисленных моделях объединяет только текущие ощущения, а также те ощущения, которые даны как непрерывные и нераздельные с текущими ощущениями. Будущее и любые формы его субъективного восприятия: предчувствие, предположение, планирование, предвосхищение – игнорируются. Это могло быть оправдано, если бы для восприятия будущего предлагалась отдельная темпоральная структура, отличная от кажущегося настоящего. Но этого, как правило, в рассмотренных нами темпоральных моделях сознания нет. Так, протенции, предложенные Гуссерлем как некоторое предвосхищение будущего, фактически не вмещают в себя само будущее, а сводятся к некоторому «ожиданию»¹⁷⁹ будущего. Вообще говоря, предвосхищение будущего в любой модели кажущегося настоящего неразрывно связано с текущими ощущениями. Самым простым и знакомым почти всем примером является предвосхищение звука грома: в тот момент, когда мы видим вспышку молнии, мы ожидаем гром, и будущий гром также является частью кажущегося настоящего. Уитроу в работе «Естественная философия времени» пишет про включение в кажущееся настоящее предчувствия и предоощущения, приводя в пример хирурга, который видит кровь ещё до того, как скальпель разрезает кожу пациента¹⁸⁰. Однако события, которые не принадлежат текущим ощущениям и воспринимаются как часть более отдалённого будущего, такие, как приход автобуса через десять минут или ужин в ресторане после долгого ожидания, не являются и не могут являться частью ощущаемого настоящего, но всё равно существуют как часть нашего временного восприятия и

179 Гуссерль разделяет ретенции, ожидание и фантазию: если ретенции Гуссерля имеют связующую функцию, обеспечивающую единство со следующей Текущей-точкой, то ожидание и фантазия имеют некоторое содержание, но при этом находятся в иных модусах сознания: «Протенции осуществляются, пока длится именно это содержание. Эти "определенные" ретенции и протенции имеют смутный горизонт, они переходят, протекая, в неопределенные, относящиеся к прошлому и будущему протеканию потока, благодаря которым образуется актуальное содержание единства потока. От ретенций и протенций мы должны затем отличать воспоминания и ожидания, которые относятся не к конституирующими фазам имманентного содержания, но воспроизводят прошлые или будущие имманентные содержания». Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. С. 89.

180 Уитроу Дж. Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 103

сознания. С учётом этого попытка уместить наше временное восприятие в кажущиеся настоящие приводит к редукции значительной части нашего опыта.

б) Строгие временные границы. В рамках большинства моделей предполагается, что кажущееся настоящее представляет собой некоторый фрагмент опыта определенной длины со строгими временными границами. При этом разделение на отдельные кажущиеся настоящие является зачастую произвольным по отношению к содержанию кажущихся настоящих, а для аргументации в пользу существования таких границ исследователи обращаются к разнообразным психологическим и нейробиологическим экспериментам в поиске некоторого фиксированного психического «кванта времени». Однако, как мы показали выше, такого единого кванта времени не существует, но есть целый ряд структур, отвечающих за восприятия временных интервалов в разных отрезках времени¹⁸¹. Таким образом, речь идёт уже не про единый минимальный интервал восприятия, а про целый набор таких интервалов, длина каждого из которых может варьироваться в зависимости от происходящих событий, что, в общем случае, слабо согласуется с рассматриваемыми моделями темпоральной структуры сознания. При этом чаще всего происходит сегментация темпорального опыта.

в) Дискретность темпорального восприятия. В некоторых указанных моделях темпоральное восприятие представляет собой набор отдельных кажущихся настоящих. В более удачных, на наш взгляд, моделях кажущиеся настоящие пересекаются, как в модели перекрытия Фостера в рамках экстенсиональной модели, или вовлекаются в следующие кажущиеся настоящие как ретенции в рамках ретенциональной модели. При этом во всех случаях предполагается разделение темпорального восприятия на отдельные фрагменты, подобно разбиению лестницы эскалатора на отдельные ступени. Однако, если сравнивать поток сознания с подъёмом, то намного более близким к описанию потока сознания нам кажется траволатор, где отдельных ступеней вообще не

181 Хэммонд К. Искажённое время. Особенности нашего восприятия времени. М.: Livebook, 2013. С. 78.

существует. В самом деле, разве мы можем чётко сказать, что вот в некоторый момент «сейчас» заканчивается одно кажущееся настоящее, то есть одна ступень, и начинается другое? Наше темпоральное восприятие, хоть и может порождать статичные кадры, феноменологически не является дискретным.

Итак, мы перечислили наиболее существенные недостатки основных темпоральных моделей сознания: игнорирование будущего, строгие временные границы отдельных кажущихся настоящих, и итоговая дискретность темпорального восприятия. Таким образом, чтобы получить модель, устойчивую к приведённой критике, нам необходимо, во-первых, включить в неё возможность восприятия будущих событий наряду с прочим темпоральным опытом, во-вторых, если и проводить границы настоящего, то в терминах содержания, а не в зависимости от некоторой длительности, и, главное, обеспечить непрерывность темпорального восприятия. В следующем разделе мы обратимся к понятиям, которые соответствуют указанным требованиям, и построим свою модель, выдерживающую приведённые критические замечания.

2.2.4 Альтернатива кажущемуся настоящему

Мы видим, что продемонстрированное ранее использование понятия «кажущегося настоящего» имеет недостатки при попытке описания временного осознания. Во избежание этих недостатков нам необходимо ввести альтернативное базовое понятие. В качестве такого понятия, к примеру, можно взять предлагаемое Дж. Эдельманом «настоящее высокоуровневого сознания» или «текущее настоящее» Д. И. Дубровского, которые мы упоминали в п. 1.3.3. данного исследования.

Эдельман убеждён, что в сознании можно выделить два основных вида настоящих: во-первых, это помнимое настоящее первичного сознания, которое сводится к тому, что непосредственно воспринимается прямо сейчас, и, во-вторых, это настоящее высокоуровневого сознания, которое предусматривает не

только непосредственное восприятие, но и воспоминания, планирование, проектирование и др.¹⁸². Именно в том, что высокоуровневое сознание даёт возможность работать с восприятием будущих событий посредством проектирования, планирования и пр., он и видит основное эволюционное преимущество сознания для вида.

Дубровский предлагает использовать текущее настоящее в качестве одного из базовых элементов его модели сознания как то, что дается человеку «сейчас». При этом он отмечает, что указанное «сейчас» находится в непрестанном, непрерывном движении, в результате образуя непрерывный континуум субъективной реальности¹⁸³. Таким образом, он подчёркивает непрерывность текущего настоящего и в то же время непосредственную связь его с реальным настоящим. Текущее настоящее для Дубровского имеет высокий онтологический статус: «Феномен сознания существует только в форме "текущего настоящего" как актуально длящееся субъективное переживание... "Текущее настоящее" есть субъективно представленная нейродинамическая модель настоящего и предстоящего, т.е. выступает в роли субъективно представленной программы действия личности»¹⁸⁴.

В этой цитате мы также видим, что содержимое текущего настоящего представлено в виде событий, переживаемых актуально и субъективно. Такая актуальность в темпоральном смысле, в свою очередь, ведёт к тому, что текущее настоящее избегает, в частности, проблем дискретности. И всё же понятие текущего настоящего у Дубровского не обладает необходимым для нас эпистемическим статусом, поскольку оно разработано в первую очередь для описания нейродинамической модели, и вне её не исследуется и не применяется.

Тем не менее, учитывая, что концепция кажущегося настоящего, на наш взгляд, не достаточна для описания темпоральной структуры сознания, попробуем

¹⁸² Эдельман Дж. Сознание: помнимое настоящее // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 419–438.

¹⁸³ Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. С. 95.

¹⁸⁴ Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. С. 308–309.

предложить модель темпоральной структуры сознания, основанную на концепции текущего настоящего Дубровского с учётом теории сознания Эдельмана.

Для этой концепции мы сосредоточиваемся не на чувствах и ощущениях, а на прямом осознании. Согласно Эдельману, высокоуровневое сознание – это то, чем мы дополняем первичное сознание ощущений и чувств¹⁸⁵. Эдельман, говоря о высокоуровневом сознании, и Дубровский, говоря о текущем настоящем, подчёркивают, что именно здесь есть модель и настоящего, и предстоящего, и это модель непрестанно обновляется.

Текущее настоящее, таким образом, выступает как некоторая модель данных, категоризаций, в которые мы включаем всё то, что мы осознаём и анализируем прямо сейчас, включая и текущий опыт, и размышления о предыдущих событиях. Текущее настоящее распространено во времени, подобно кажущемуся настоящему экстенсиональной модели, однако, в отличие от последнего, текущее настоящее непрестанно движется вместе с движением условной отметки «сейчас» – истинного настоящего, захватывая и некоторый отрезок прошлого, и будущего, поскольку лишенного длительности «сейчас», как убедительно показал Деннет, в мозге просто не существует¹⁸⁶, а восприятие и сознание распространены во времени.

Мы можем представить текущее настоящее в виде солитона – структурно устойчивой уединённой движущейся волны, где пик солитона соотносится с лишенным длительности настоящим физической реальности, а начало и конец солитона соответствуют началу и концу интенции. Тем не менее, содержимое потока сознания не является полностью соответствующим осознаваемому настоящему. Объектом потока сознания могут выступать как те события, которые происходят сейчас, так и события ожидаемого будущего или уже завершенного прошлого, и даже невозможные события, в том числе относящиеся к сновидениям, фантазиям, прочитанным книгам и просмотренным фильмам. События, включенные в осознаваемое настоящее, сохраняют свою динамичность,

¹⁸⁵ Эдельман Дж. С. 421.

¹⁸⁶ Мы подробно описывали это в первой главе, см. 3.3.

которая остаётся их неотъемлемым свойством, вместе с тем внутри каждого момента реального настоящего мы имеем дела со всем набором событий текущего настоящего, но динамика оказывается «за кадром».

Подобно тому, как солитон действует как единое целое, осознаваемое настоящее также является единым, и, несмотря на то, что оно, фактически, распространено во времени, как и кажущееся настоящее экстенсиональной модели, оно продолжает свое движение несмотря на переживаемые возмущения и сохраняет свою структуру неизменной.

Интересной и подходящей для аналогии нам кажется следующая характеристика солитона. При равной скорости движения волны солитоны с большей амплитудой, как правило, оказываются более узкими и наоборот: чем шире солитон, тем меньшую амплитуду он может иметь. Попробуем распространить эту аналогию и на текущее настоящее. Если амплитуда солитона текущего настоящего соответствует осознанию, то можно сказать, что чем больше событий и явлений включено в текущее настоящее, тем меньше возможная глубина осознания, и, соответственно, чем больше глубина осознания, тем меньше событий солитон текущего настоящего может вмещать.

Итак, в этом разделе мы предложили свою модель восприятия времени. Теперь нам необходимо оценить, является ли она конкурентоспособной. Для этого, во-первых, она должна разрешать или объяснять парадокс временного сознания, и, во-вторых, быть устойчива к приведённой выше критике. В следующем разделе мы рассмотрим, отвечает ли модель выставленным требованиям.

2.2.5 Оценка предложенной модели

Теперь, когда мы предложили свою модель темпоральной структуры сознания, перейдём к оценке этой модели. Мы убеждены, что предложенная модель снимает парадокс временного осознания, то есть объясняет возможность восприятия длительности при том, что реальное, математическое настоящее

длительности не имеет. Это объяснение здесь сводится к следующему: мы воспринимаем длительность событий как концепт в рамках текущего настоящего на основе ощущения длительности, порождённого остаточными сигналами нервной системы, – в этом случае отсутствие длительности у реального настоящего не является проблемой. Более подробно, на феноменологическом уровне доступное нам осознаваемое настоящее в первую очередь определяется теми событиями, которые оно включает, и обладает длительностью лишь постольку, поскольку этой длительностью обладают переживаемые и проживаемые (в широком смысле этого слова) события. Именно этот факт и порождает парадокс осознания времени – возможность восприятия длительности при том, что реальное настоящее длительности не имеет. Понятие текущего настоящего частично снимает этот парадокс и, как следствие, может стать необходимой базой для построения наиболее успешной модели темпоральной структуры сознания.

Проанализируем, устойчива ли наша модель к приведённой выше критике, направленной против основных моделей темпоральной структуры сознания.

а) Текущее настоящее в предлагаемой модели содержит все модусы времени: прошлое, настоящее и будущее. Более того: для текущего настоящего временной модус является не центральной, а лишь одной из дополнительных характеристик. При этом если в текущее настоящее попадают делящиеся в настоящем события, они также могут вовлекаться в это текущее настоящее полноценно, включая и ту часть, что уже прошла, и ту часть, которой только предстоит свершиться. Так, в момент пуска стрелы в рамках единого события могут рассматриваться и уже свершившееся натяжение тетивы, и ещё только предстоящий полёт стрелы, хоть результат такого события (возможное попадание стрелы в мишень) оказывается на момент пуска не вполне ясным.

б) Длительность текущего настоящего определяется направленным вниманием к осознаваемым событиям и их содержанием, а не некоторым строго заданным времененным интервалом. Конечно, длительность подобного внимания

вполне может зависеть от нейрофизиологических механизмов, таких, как нейронные ансамбли, но активность любого нейронного ансамбля ограничена долями секунды. Однако существует гипотеза, согласно которой активность каждого конкретного ансамбля вносит вклад в создание некоторого метаансамбля, который и воплощает основные сознательные процессы¹⁸⁷.

в) Основной, «центральный» поток сознания не дискретизируется на отдельные «кажущиеся» настоящие в нашем сознании. Подобная дискретизация сознания в рамках предложенной модели допустима для отдельных каналов восприятия. Само же текущее настоящее воплощает единый непрерывный процесс, обеспечивающий идентичность личности и феноменальное единство сознания.

Подведём итоги. Современное использование понятия «кажущегося настоящего», на наш взгляд, не может быть использовано в качестве единственного основного понятия темпоральной модели сознания, поскольку «кажущееся настоящее» описывает восприятие, а не осознание ментальных эпизодов. Идея о том, что существует интервал восприятия настоящего со строго заданной длительностью, не подтвердилась за полтора века психологических исследований. Однако на базе представления о «кажущемся настоящем» появились новые актуальные концепции, в частности, динамическая концепция Варелы или модель множественных набросков Деннета. Впрочем, часть критики верна и для этих моделей: дискретизация темпорального опыта на отдельные «кадры», «фреймы» или «кажущиеся настоящие» в равной мере вызывает сомнения, если речь идёт о сознании, хотя на уровне восприятия, безусловно, может оказаться полезной. Тем не менее, на уровне осознания лучше всего описывает работу сознания времени модель текущего настоящего, основанная на концепции высокоровневого сознания Дж. Эдельмана и текущего настоящего Д. Дубровского. Согласно этой модели, текущее настоящее включает в себя набор осознаваемых ментальных эпизодов, является распространённым во времени и движется вперёд вместе с

¹⁸⁷ Гринфилд С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката. СПб.: Питер, 2018.

условной отметкой сейчас. При этом осознаваемые ментальные эпизоды могут включать не только данные органов чувств, но также анализ и прошлых, и будущих событий.

В следующем параграфе мы продолжим разработку нашей модели темпоральной структуры сознания, и, в частности, рассмотрим возможность совместного использования основных темпоральных моделей сознания и предлагаемой нами модели.

§2.3 Структура текущего настоящего и его соотношение с кажущимся настоящим

Мы показали, что текущее настоящее наиболее точно соответствует тому, как мы осознаём время и события во времени. При этом, как мы отмечали в предыдущих параграфах, для объяснения особенностей восприятия использование кажущееся настоящее допустимо. Само по себе кажущееся настоящее, как и любые модели на его основе, не могут быть использованы для построения основы полноценной темпоральной модели сознания, но по-прежнему являются актуальными для объяснения, в частности, особенностей зрительного или слухового восприятия.

В дальнейшем исследовании мы проанализируем, как соотносятся кажущееся настоящее и текущее настоящее, определим, что является единицей темпорального опыта, и, наконец, установим, как эти единицы темпорального опыта представлены внутри текущего настоящего.

2.3.1. Кажущееся настоящее и текущее настоящее: совместное использование

В предыдущем параграфе мы показали, что для объяснения работы нашего сознания во времени больше подходит текущее настоящее, которое вмещает в себя любые осознания и концепты, на которые направлено наше внимание. Кажущееся настоящее, которое включает любой опыт, получаемый от органов чувств, а также модели, построенные на основе понятия кажущегося настоящего хорошо подходят для объяснения особенностей работы отдельных каналов восприятия. Теперь рассмотрим возможность их совместного использования. Согласно нашему предположению, совместное использование концептов «кажущегося настоящего» и «текущего настоящего» может привести к необычным выводам, – например, в вопросе дискретности или непрерывности темпорального опыта. Попробуем это продемонстрировать.

Действительно, почти любой человек в своём опыте может обнаружить как ощущения непрерывности сознания во времени, так и ощущения дискретности. Именно привычная для сознания непрерывность нашего опыта порождает представление о потоке сознания и обеспечивает единство сознания во времени, которое ряд авторов¹⁸⁸ называют феноменальным единством, или единством осознанных ощущений. Но существуют примеры и явно дискретного опыта, такие, как кинематограф, сон или акинетопсия – нейропсихологическое нарушение, проявляющееся как невозможность зрительно воспринимать движение. Для того чтобы объяснить сосуществование и дискретности, и непрерывности в нашем сознании, мы предлагаем использовать описанные выше две концепции настоящего. Во-первых, это концепция кажущегося настоящего У. Джеймса¹⁸⁹, которая касается в первую очередь восприятия и может совмещать в себе разные модели, к примеру, кинематографическую модель или модель

188 Bayne T. The Unity of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010; Klincewicz M. Time, Unity, and Conscious Experience: dissertation. CUNY Graduate Center, 2013; Бейкер Л.Р. Два вида единства: осознанное ощущение и его субъект. СПб.: Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 15–27.

189 Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.

фреймового восприятия для описания зрительного опыта, а также ретенциональную модель для описания слухового опыта. Во-вторых, это предлагаемая нами концепция текущего настоящего, которая отражает осознаваемые процессы и явления.

Преимуществом такой объединённой модели является то, что в совокупности эти две модели охватывают и уровень восприятия, и уровень осознания воспринимаемых событий. На уровне кажущегося настоящего может присутствовать темпоральная дискретность, поскольку она зависит от используемых органов чувств; на уровне текущего настоящего существует событийная дискретность, которая и вычленяет события из потока сознания. Для того чтобы обосновать такую позицию, рассмотрим ряд аргументов, которые свидетельствуют как о непрерывности, так и о дискретности сознания во времени.

Аргумент № 1: Аналогия между зрительным восприятием и темпоральным восприятием

Как мы показали в п. 2.1.1, Деннет проводит аналогию между зрительным восприятием и темпоральным восприятием: наше зрительное восприятие, по его убеждению, является дискретным всегда, а не только при просмотре кинофильмов. Подобно тому, как из-за визуальных систем с «перцепционной интерполяцией» мы воспринимаем зрительное восприятие как непрерывное, наше сознание также может быть дискретным во времени, но ощущаться как непрерывное¹⁹⁰. В качестве примера, он приводит слепые пятна и саккадические движения глаз, но выше мы уже показали, почему такие примеры несостоятельны: основным контраргументом является тот факт, что зрительные «слепые пятна» легко отследить, в то время как темпоральные «слепые пятна» в полной мере не обнаружены, и даже то, что на первый взгляд является «слепыми пятнами», ими не является, как, к примеру, кратковременная потеря памяти. Для того чтобы ответить на контраргумент, сторонники прерывистости сознания используют «аргумент света в холодильнике»¹⁹¹, который мы сейчас рассмотрим.

190 Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. 511 p.

191 Klineciewicz M. Time, Unity, and Conscious Experience: dissertation. CUNY Graduate Center, 2013

Аргумент № 2: «Аргумент света в холодильнике»

«Аргумент света в холодильнике» можно сформулировать следующим образом. *Каждый раз, когда мы заглядываем в холодильник, там горит свет*, но это не значит, что свет горит там всегда. Можно провести аналогию с сознанием: *каждый раз, когда мы обращаем внимание на собственное сознание, мы видим работу нашего сознания*, но это не значит, что оно работает всегда.

Однако, на наш взгляд, в данном случае аналогия неверна, поскольку каждый раз, когда мы обращаем внимание на собственное сознание, мы используем сознание. Следовательно, более правильной аналогией будет «*когда мы открываем холодильник, мы видим, что мы открываем холодильник*»¹⁹².

Аргумент № 3: механизмы дискретизации восприятия

Наконец, чтобы окончательно прояснить, можно ли говорить о временном восприятии как о дискретном, обратимся к известным механизмам дискретизации восприятия. Первый механизм, зрительный, приводит к тому, что при восприятии кадров с частотой от 30 Гц они воспринимаются как непрерывные; если же между отдельными кадрами прошло меньше 30 мс (то есть если их частота менее 30 Гц), изображения могут восприниматься как одновременные¹⁹³. Другой механизм касается, в частности, восприятия фонем и применяется для всех видов восприятия. Речь идёт про то, что при прослушивании фонем, которые могут быть интерпретированы разными способами, к примеру CU-BA-CU, восприятие чередуется между интерпретацией фонемы как CUBA и BACU¹⁹⁴. Однако такое чередование применяется не только к слуховому, но и к зрительному, и к

192 Приведённое возражение направлено исключительно против использования иллюзии света в холодильнике как аргумента против непрерывности сознания во времени. Надо отметить, что чаще эту иллюзию используют при обсуждении доступа к феноменальному опыту, сравнивая свет в холодильнике с феноменальным опытом. Более того, уже показано, что отсутствие доступа к феноменальному опыту не значит, что феноменальный опыт отсутствует. См. Block N. Consciousness, accessibility, and the mesh between psychology and neuroscience // Behavioral and Brain Sciences. 2007. Vol. 30. P. 481–548.

193 Pöppel E. Temporal mechanisms in perception // International Review of Neurobiology. 1994. Vol. 37. P. 185–202. P. 187.

194 Pöppel E. Temporal mechanisms in perception // International Review of Neurobiology. 1994. Vol. 37. P. 185–202. P. 195.

тактильному восприятию, что демонстрирует, что событийная дискретизация в данном случае происходит не на уровне ощущений, а выше¹⁹⁵.

Интересным является и следующее исследование, которое относится к самостоятельной событийной дискретизации: «В одном исследовании ФМРТ участников попросили смотреть каждый день небольшой фильм с рутинными мероприятиями, такими, как заправка кровати. ... Во время первой презентации участников попросили просто посмотреть. В течение следующих двух презентаций участников попросили разбить фильмы на значимые для них события и нажать кнопку, чтобы отметить начало одного события и конец другого. При втором просмотре их попросили разделить на крупные сегменты. При третьем просмотре их попросили выделить наиболее мелкие сегменты»¹⁹⁶.

Результаты этого исследования показали, что существует визуальный механизм, чувствительный ко времени как начала, так и некоторого смещения стимула. Мозг может отслеживать темпоральную структуру событий, определять их начало и конец благодаря этому визуальному механизму. Однако исследователи высказывают ещё одно важное для нас утверждение: «восходящая информация о стимуле модулируется нисходящим влиянием процессов, которые отслеживают сегментацию визуальной сцены в события»¹⁹⁷. Это значит, что работы визуального механизма недостаточно для проведения сегментации. На основе исследования авторы делают вывод, что процесс событийной дискретизации представляет собой смесь процессов сверху вниз и снизу вверх. Другими словами, такой процесс основывается как на сигналах от восприятия до осознания, так и наоборот.

Интерпретация аргументов

М. Клинцевич видит в этих исследованиях доказательство того, что наше сознание само по себе дискретно. Однако, на наш взгляд, этот вывод представляется недостаточно обоснованным. Подобно тому, как следует различать

¹⁹⁵ Pöppel E. A hierarchical model of temporal perception // Trends in Cognitive Sciences. 1997. Vol. 1. No. 2. P. 56–61. P 59.

¹⁹⁶ Klincewicz M. Time, Unity, and Conscious Experience. Dissertation. CUNY Graduate Center, 2013. P. 95

¹⁹⁷ Ibid.

феноменальное и предметное единство, следует различать темпоральную дискретность и событийную (предметную) дискретность. Действительно, зрительное восприятие дискретно, кроме того, события по своему определению не могут не быть дискретными. Выделяя события из потока сознания, мы сами наделяем его свойствами дискретности, зачастую бессознательно. Но звуковое восприятие не является дискретным изначально. Дискретным оно становится при накладывании на восприятие событийной рамки. Таким образом, ощущения, получаемые из разных источников, могут быть дискретными или непрерывными в зависимости от особенностей работы органов чувств. Согласно концепции У.Джеймса, они объединяются в единый поток ощущений, воспринимаемых нами внутри единого кажущегося настоящего.

Здесь следует обратиться к позиции Дж. Эдельмана, который полагает, что первичное сознание соответствует кажущемуся настоящему Джеймса: «Первичное сознание... ограничено малым интервалом запоминания вокруг момента времени, которое я называю настоящим. В нем не представлено точное понятие или концепт личностного «я», и оно не обеспечивает способность моделировать прошлое или будущее как часть скоррелированной сцены». Другими словами, настоящее первичного сознания не может включать никаких концептов, понятий или представлений. Эдельман, рассматривая первичное сознание животного, полагает, что это животное видит комнату так, как её освещают лучи света: «Только то, что находится в световом пучке, находится в точности в помнимом настоящем; все остальное – темнота»¹⁹⁸. Он подчёркивает, что у этого животного может существовать память, однако долговременное планирование и концептуальное осмысление животному недоступно.

Текущее настоящее, в отличие от кажущегося настоящего, – это актуально длящееся субъективное переживание, которое можно интерпретировать как набор непосредственно переживаемых событий, включая как происходящие прямо сейчас, так и прошлые, будущие события, а также события книг, фильмов и

¹⁹⁸ Эдельман Дж. Сознание: помните настоящее // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 436.

собственных фантазий. Это опять же согласуется с позицией Эдельмана о высокоуровневом сознании, которое «включает в себя распознавание мыслящим субъектом ее или его собственных действий или предпочтений/пристрастий»¹⁹⁹. Высокоуровневое сознание, в отличие от первичного сознания, затрагивает не только настоящее и недавнее прошлое, но и прошлое, и будущее. Оно относится в первую очередь к прямому осознанию и сопровождается квалиа²⁰⁰ как формами высокоуровневой организации.

Зрительная дискретизация касается именно кажущегося настоящего, в то время как сегментация относится к текущему настоящему. Если говорить в рамках теории сознания высшего порядка, то текущее настоящее соответствует состояниям сознания высшего порядка, а кажущееся настоящее – состояниям сознания низшего порядка. При этом состояниям сознания высшего порядка свойственна предметная дискретность – события, которые являются объектами этих состояний, могут иметь чёткие границы во времени и быть чётко отделены друг от друга; но темпорально само текущее настоящее непрерывно. Для состояний сознания низшего порядка характерна предметная непрерывность в том смысле, что ощущения на этом уровне неотделимы друг от друга. Для некоторых состояний низшего порядка допустима времененная дискретность, о чём свидетельствует уже упомянутая зрительная дискретизация.

В этом параграфе мы показали, что наиболее точно темпоральную структуру нашего сознания описывает модель, использующая кажущееся настоящее для состояний сознания низшего порядка и текущее настоящее для состояний сознания высшего порядка. При этом внутри текущего настоящего присутствует событийная дискретизация, которая и определяет то, как выглядит наш темпоральный опыт. Попробуем рассмотреть, что представляет собой отдельное событие.

199 Там же. С. 421.

200 В этом исследовании «квалиа» понимаются в рамках концепции Д. Чалмерса как качественный ментальный опыт.

2.3.2 Событие как фрагмент опыта

Как мы продемонстрировали в первой главе данного исследования, наиболее частой единицей темпорального опыта полагают событие, однако мало кто вводит определение события. В первой главе мы показали, что МакТагgart, говоря про два подхода к восприятию времени, вводит серии событий; Гуссерль говорит про вещи и события как части темпорального опыта; Ле Пойдевин рассматривает событие как тот опыт, который человек воспринимает и интерпретирует. В предыдущем параграфе мы также обратили внимание, что на уровне текущего настоящего присутствует событийная дискретизация. В этом параграфе мы попробуем дать определение тому, что такое событие с точки зрения концепции текущего настоящего. Для этого сначала мы обратимся к определениям события, предложенным А. Уайтхедом, а затем оценим, насколько эти определения нам подходят, и далее построим собственное определение, исходя из наших целей.

Уайтхед пишет: «Природа являет себя нам как становление, любой ограниченный процесс природы, сохраняющий присущую всей природе конкретность, тоже представляет собой становление, его-то я и называю событием... Я даю имя «событие» пространственно-временному произшествию»²⁰¹. Другими словами, он называет событиями любые факты природы, обладающие некоторой структурой (ограниченным процессом) которые, безусловно, не могут существовать отдельно от материи. Тем не менее, событие для Уайтхеда тесно связано не только с окружением, но и с самой вселенной: «Событие является реальным фактом, который в силу своей ограниченности представляет собой самодостаточную ценность; однако в силу своей особой природы оно требует всей вселенной, чтобы быть самим собой»²⁰². В этом контексте интересно обратить внимание на то, что он делит события относительного нашего опыта, выделяя внешние события и события

²⁰¹ Уайтхед А. Цит. По: Вступ. ст. Кисселя М. А. Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 13.

²⁰² Уайтхед А. Избранные работы по философии. С. 221.

переживаемые. Последовательность переживаемых событий Уайтхед называет «душой животного»²⁰³.

Однако, как мы продемонстрировали в п. 2.2.3, распределение потока опыта на события может происходить неодинаково для разных людей, исходя из ценности события для них, а также их возможностей, целей и даже культурного бэкграунда. Так, для человека, который восстанавливает способность ходить, каждый шаг является событием, поскольку он имеет свою ценность, свой смысл, он чётко выделяется среди прочего опыта. А для человека, который путешествует, событием будет не шаг, но некоторый более крупный отрезок пути, к примеру, от привала до привала или от одной достопримечательности до другой. Несмотря на то, что Уайтхед упоминает ценность события как один из определяющих его факторов, он не придаёт этому достаточного значения.

Кроме этого, в нашем исследовании важнее не то, что событие связано с каким-то природным фактом, а то, как оно проявляется в нашем сознании, его характеристики внутри темпоральной структуры сознания, его проявления. Мы подтверждаем: да, любое событие воспринимается в настоящем, любое воспринимаемое событие принадлежит настоящему – текущему настоящему. Более того: согласно Дж. Мэбботу, чью позицию мы исследовали в предыдущем параграфе, любое подразбиение нашего опыта, то есть нашего текущего настоящего, должно происходить в рамках содержания – т.е. в рамках события.

Теперь, основываясь на тезисе Мэббота, предположим, в чём именно необходимо представить наш темпоральный опыт. Вернёмся к опыту событийной дискретизации. Эта дискретизация заметна в рамках ментальных состояний высшего порядка, но она, безусловно, влияет и на ментальные состояния низшего порядка. Ещё раз обратимся к мнению М. Клинцевича: «Обработка временных разрывов в событиях представляет собой смесь процессов сверху вниз и снизу вверх»²⁰⁴. В самом деле, часть процессов дискретизации основывается на том, что ощущения в некоторой области являются схожими: так, красный шарик на сером

²⁰³ Там же. С. 616–617.

²⁰⁴ Klincewicz M. Time, Unity, and Conscious Experience: dissertation. CUNY Graduate Center, 2013.

или чёрном фоне легко распознать и отличить от серых или чёрных предметов на том же фоне. Одна нота отлична от другой, даже если проигрывается на одном инструменте. Если проигрывать гаммы с интервалом, на протяжении всего звучания гаммы можно выделить верхний и нижний звукоряд вследствие группировки звуков по близости. Тем не менее, для человека, очень отдаленно знакомого с музыкой, такое разделение сделать заметно сложнее: скорее он разделит звуки по времени проигрывания, а не по отдельным звукорядам. Мы можем выделить некоторое событие из получаемого опыта только если такое выделение имеет для нас некоторое смысловое значение (включая неопределенность, но эта неопределенность также должна быть осознана).

Таким образом, событие является фрагментом опыта, выделенного из прочего опыта на основании некоторого предметного или смыслового единства. В нём можно выделить концептуальную часть, основанную на смысловом единстве, и перцептивную часть, основанную на схожести получаемых органами чувств стимулов²⁰⁵.

В каком-то смысле существование перцептивной и концептуальной части может подтолкнуть к разделению событий на ментальные и физические, или, возвращаясь к Уайтхеду, на «переживаемые» или внешние. Это разделение может интуитивно казаться необходимым: в самом деле, физические события принадлежат внешнему по отношению к разуму человека миру, а ментальные события, наоборот, принадлежат разуму. Логичным переходом было бы в этом случае поместить физическое событие Е внутрь кажущегося настоящего, а ментальное событие E' как ментальное событие переживания физического события Е в рамки текущего настоящего.

Однако такое разделение было бы ошибочным, и вот почему. Всякий раз, когда мы говорим «событие», мы уже вычленяем некоторое смысловое единство. То есть когда мы говорим, что мы восприняли событие Е, мы сначала

205 Отметим, что ни концептуальная часть, ни перцептивная не могут являться точным аналогом «квалиа», поскольку одному событию (к примеру, капля воды падает в красную кружку), как правило, соответствует целый набор квалиа (квалиа звука капли, квалиа ощущения движения, квалиа прозрачности, квалиа красноты, квалиа самосознания и пр.).

воспринимаем некоторый темпоральный опыт в рамках кажущегося настоящего на нижнем уровне сознания, потом концептуально выделяем его в событие и только потом можем формализовать, какие именно ощущения из полученного опыта относятся к этому событию.

Таким образом, когда имеется в виду восприятие события Е в рамках кажущегося настоящего, речь не идёт про концептуальное выделение события из потока опыта. Фактически, это означает, что мы воспринимаем опыт, который позднее квалифицируем как единый в рамках события Е.

В результате у нас есть первоначальное определение понятия «событие»: событие – это фрагмент темпорального опыта, выделенный на основании некоторого предметного или смыслового единства. Попробуем теперь обратить внимание на то, как эти события организованы внутри нашего сознания и как выглядит темпоральный опыт с точки зрения принятого определения события.

2.3.3 Феноменальное единство

В прошлом параграфе мы определили, что такое событие. Теперь рассмотрим, каким образом с учётом нашего определения представляется темпоральный опыт.

В литературе встречаются довольно убедительные описания того, как мы организуем события внутри нашего настоящего. Здесь в первую очередь надо отметить Л. Р. Бейкер, изучающей, как темпоральный опыт организует феноменальное единство, и Р. Ле Пойдевина, исследующего всевозможные способы временных представлений. На основе высказанных ими убеждений и предлагаемых ими примеров попробуем проанализировать, как события организуются в текущем настоящем, сохраняя при этом феноменальное единство.

Ле Пойдевин рассматривает различные способы репрезентации времени, полагая, что время – нераздельная часть восприятия, воспоминания, веры, эмоций и даже искусства, но при этом считая, что до сих пор остаётся загадкой

эпистемическая и семантическая связи отдельных репрезентаций сознательного опыта как между собой, так и со временем²⁰⁶. Ле Пойдевин утверждает, что настоящее является контекстно-зависимым термином²⁰⁷. Он идёт дальше и предполагает, что мы сами создаём себе А-серию вымышленных событий, однако он не связывает различные серии между собой, что, по всей видимости, объясняется не тем, что это противоречит его воззрениям, а лишь тем, что у него не было такой цели²⁰⁸. На наш взгляд, с его убеждениями вполне согласуется положение, что, помимо естественной временной хронологической прямой, существует множество событий, не попадающих на эту временную прямую, но также происходящих с человеком. Исторические события как объекты мысли в момент ознакомления с ними принадлежат текущему настоящему, как и события просматриваемых фильмов, прочитанных книг, и даже собственных воспоминаний и фантазий²⁰⁹.

События внутри разных мыслимых реальностей, фактически, несравнимы. В первую очередь, для любого события необходимо уточнение, внутри какого мира, внутри какого контекста это событие находится. При этом одно и то же событие может находиться в разных мыслимых реальностях. К примеру, взятие Бастилии находится в реальности исторического времени в 1789 году; но оно присутствует и в реальности различных фильмов и книг, иногда в качестве основной хронологической линии повествования, иногда – в качестве ссылок или воспоминаний. В качестве непосредственного опыта или как воспоминание оно становится частью нашего текущего настоящего – иногда объединяя в себе все множества реальностей со взятием Бастилии. Это приводит к интересному эффекту: одно и то же событие может иметь разные пространственно-временные координаты внутри различных реальностей, различных пространственно-

²⁰⁶ Le Poidevin R. *The Images of Time: An Essay on Temporal Representation*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3–4, P. 84.

²⁰⁷ Там же. С. 83.

²⁰⁸ Там же. С. 175.

²⁰⁹ Так, событие «Гарри Поттер получил письмо из Хогвартса» и событие «Фродо надел Кольцо» принадлежат к разным реальностям, разным мирам, поэтому их невозможно расположить на единой темпоральной шкале. Однако как объекты восприятия они могут быть расположены на единой темпоральной шкале, к примеру, в соответствие с тем, когда человек прочитал про первое событие или второе.

временных контекстов, и все они могут в какой-то момент принадлежать текущему настоящему, даже одновременно.

Итак, мы показали, что текущее настоящее может охватывать множество различных событий. Л. Р. Бейкер полагает, что возможность одновременно осознавать и переживать несколько событий представляет собой проблему феноменального единства: «Феноменологическая проблема единства осознанного ощущения может быть проиллюстрирована следующим образом: я чувствую, как самолет приземляется в аэропорту Пулково, и одновременно с этим в первый раз вижу здание аэровокзала; чувствовать, как самолет приземляется, и видеть аэровокзал – единое ощущение. То, что в других обстоятельствах было бы двумя разными ощущениями, уступает первичному по отношению к ним единству, в котором оба ощущения совмещаются. Тим Бейн и его последователи называют это феноменальным единством»²¹⁰.

В этой цитате Бейкер описывает, как два различных ощущения, обладая синхроническим единством, совмещаются и феноменально. Можно поставить вопрос: относятся ли эти ощущения к разным событиям или к одному? Судя по всему, это зависит от варианта разбиения: оба этих ощущения могут находиться в рамках события «приземление самолета в аэропорту», однако они могут принадлежать и двум событиям «приземление самолёта» и «наблюдение за аэровокзалом».

Это феноменальное единство, про которое говорит Бейкер, может касаться не только ощущений, но и мыслей. В следующем примере Бейкер рассматривает заключённого, который одновременно и испытывает боль в спине, и вспоминает, как он оказался в камере: «Его ощущение может быть феноменально единым: сожалея о большой спине, он вспоминает о дороге в камеру. Феноменальное единство обеспечивается тем, что заключенный испытывает сложное ощущение в конкретный момент, и понимает, что испытывает сложное ощущение». Обратим внимание, что Бейкер делает акцент на понимании, которое относится уже не к

210 Бейкер Л. Р. Два вида единства: осознанное ощущение и его субъект // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 15–27. С. 17.

кажущемуся настоящему, а к текущему, впрочем, как и воспоминание. Ощущение боли в спине можно отнести к кажущемуся настоящему, а вот сожаление об этом – к текущему настоящему.

Такое феноменальное единство, безусловно, требует единства субъекта, однако, как показывает Бейкер, обратное неверно. Если подобное единство является диахроническим, то про феноменальное единство речи не идёт. Поскольку мы здесь рассматриваем синхроническое единство текущего настоящего, то есть тот набор событий, который доступен человеку внутри единого мгновения и который может касаться не только хронологического настоящего, но и прочих событий, то феноменальное единство необходимо присутствует.

Теперь представим, как с учётом нашего определения событий будет выглядеть темпоральный опыт, который включает в себя как данные, получаемые из непосредственных ощущений, так и воспоминания, фантазии и прочее. Для этого попробуем привести пример того, как разные события объединяются в рамках одного текущего настоящего.

Некий человек читает некоторое художественное произведение. Во время чтения литературного произведения человек в хронологической реальности переживает событие «чтение литературного произведения». При этом в реальности книги или рассказа могут происходить одно или несколько параллельных событий: к примеру, обед в одном месте и битва в другом. Хотя события описываются параллельно, они могут происходить либо в одно и то же, либо разное время, при этом мы можем и не знать их соотношение во временном контексте книги. Вдобавок описание обеда может привести к размышлению о том, каким будет обед через два часа, а вместе с ним к воспоминанию о вчерашнем обеде, во время которого человек тоже читал то же литературное произведение, но в тот момент в литературном произведении могли описываться дождь и сборы на битву. Все перечисленные события, переживаемые человеком одновременно, принадлежат текущему настоящему в той или иной форме.

В этой краткой мысленной иллюстрации мы можем наблюдать работу сразу нескольких планов событий, каждый из которых представляет собой множество событий, объединённых некоторой реальностью и темпоральной структурой. Тогда для каждой реальности (физической реальности, реальности книги и т. д.) можно выделить несколько планов событий. Первым таким планом событий станет множество событий в хронологической реальности, к которой и привязано текущее настоящее в первую очередь²¹¹. Второй план событий – это множество событий в реальности литературного произведения, но и здесь параллельно мы захватываем два события: обед и битва. Третий план событий касается будущего, привязанного к конкретному времени в хронологической реальности, но в настоящий момент являющийся частью настоящего как фантазия. Четвёртый план событий, в свою очередь, находится в прошлом, и он также привязан к конкретному времени в хронологической реальности, но в текущее мгновение это прошлое становится частью текущего настоящего как воспоминание. И, наконец, в прошлом нам доступно несколько событий: обед и чтение, при этом в процессе чтения также было два события внутри реальности литературного произведения²¹².

Теперь рассмотрим, каким образом события оказываются в текущем настоящем. Воспоминания и фантазии, планирование и размышления – это важные способы вовлечения событий в текущее настоящее. Однако наибольшее значение для повседневной жизни, основной эмпирический материал мы получаем с помощью восприятия. И здесь нужно обратиться к концепции кажущегося настоящего, а также к взаимодействию кажущегося настоящего и текущего настоящего. Именно в кажущемся настоящем попадают все сигналы от органов чувств, все элементы восприятия реальной ситуации. Таким образом,

²¹¹ Конечно, существуют люди, которые ввиду некоторых особенностей психики «выпадают» из хронологической реальности или не могут её определить, что приводит к невозможности полноценно жить и функционировать, однако в данном случае мы рассматриваем только те случаи, когда описываемый субъект чётко осознает реальность и не путает её с прошлым, будущим или вымыщленным миром.

²¹² Здесь мы рассматриваем нестандартный случай. Как правило, события, которые в текущем настоящем воспринимаются как отдельные, значительно меньше. По нашему предположению, количество отдельных событий, которые могут быть захвачены текущим настоящим, ограничено размером рабочей памяти, но для подтверждения или опровержения этого предположения необходимо дополнительное исследование.

восприятие темпорального опыта представляет собой сложную структуру, которая соответствует теории Эдельмана о первичном и высокоуровневом сознаниях: в рамках кажущегося настоящего (или «помнимого настоящего») мы получаем основные данные от органов чувств, которые структурируются нейрональными группами и попадают в текущее настоящее как события, привязанные к плану настоящего времени физической реальности.

Подведём итог параграфу. Мы показали, что концепции текущего настоящего и кажущегося настоящего являются совместимыми. Более того, в совокупности эти две структуры, во-первых, позволяют вычленить отдельные события и предметы из единого потока ощущений и, во-вторых, порождают ощущение непрерывного потока сознания. Основной единицей текущего настоящего являются события. Событиями мы называем фрагменты опыта, обладающие предметным и смысловым единством и при необходимости структурно отличимые как от предыдущего и последующего темпорального опыта, так и внутри темпорально неразличимого опыта. Эти события могут включаться в текущее настоящее с помощью работы фантазии, памяти, планирования, а также через прямое восприятие. События организуются в планы событий, внутри которых события могут иметь как структуру, так и масштаб, в то время как события из разных планов, фактически, несравнимы.

Мы предполагаем, что внутри единого плана событий они организуются с помощью некоторых темпоральных отношений, но эта гипотеза будет рассмотрена в следующей главе.

В этой главе мы показали, что темпоральная структура сознания состоит из двух частей. Во-первых, это сам поток любых ощущений, который представлен в виде кажущегося настоящего. Во-вторых, это текущее настоящее, которое включает в себя отдельные сознательные переживания, касающиеся настоящих, прошлых, будущих и даже несуществующих событий.

Текущее настоящее обладает предметной дискретностью, но темпоральной непрерывностью, в то время как кажущееся настоящее обладает предметной непрерывностью и темпоральной дискретностью. Эти две части взаимосвязаны, поскольку мы не только структурируем опыт из правдоподобного настоящего, тем самым переводя его в текущее настоящее, но и переживаем в рамках правдоподобного настоящего помимо потока внешних данных как несознательный, так и сознательный, уже структурированный, опыт. В совокупности эти две структуры, во-первых, позволяют вычленить отдельные события и предметы из единого потока ощущений и, во-вторых, порождают ощущение непрерывного потока сознания.

Темпоральный опыт внутри текущего настоящего представлен в виде отдельных событий. Каждое событие – это фрагмент опыта, обладающий предметным и смысловым единством и структурно отличимый как от предыдущего и последующего темпорального опытов, так и внутри темпорально неразличимого опыта. Эти события могут включаться в текущее настоящее с помощью работы фантазии, памяти, планирования, а также через прямое восприятие. В рамках кажущегося настоящего мы получаем основные данные от органов чувств, которые, предположительно, структурируются нейрональными группами и попадают в текущее настоящее как события, привязанные к плану настоящего времени физической реальности.

В следующей главе мы перейдём к тому, как структурирован наш темпоральный опыт, то есть какие отношения темпорального опыта можно выделить внутри темпоральной структуры сознания. Для этого мы сначала обратимся к мнению таких философов, как М. Гюйо, А. Бергсон, Б. Рассел и Э. Гуссерль, после этого рассмотрим, какие естественно-научные основания есть у этих отношений, и, наконец, определив логическую и функциональную связь этих отношений, мы завершим построение темпоральной структуры сознания в первом приближении.

ГЛАВА 3. ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОПЫТА

В предыдущей главе мы рассмотрели то, как время может быть доступно нашему сознанию. Мы предложили темпоральную структуру сознания, которая состоит из двух частей. Во-первых, это сам поток любых ощущений, который представлен в виде кажущегося настоящего. Во-вторых, это текущее настоящее, которое включает в себя отдельные сознательные переживания, касающиеся настоящих, прошлых, будущих и даже несуществующих событий. Текущее настоящее непрестанно движется вперёд, обладая темпоральной непрерывностью, но предметной дискретностью. Последнее значит, что внутри текущего настоящего мы можем выделить отдельные фрагменты темпорального опыта – события, – обладающие предметным и смысловым единством. Эти события могут быть организованы в отдельные планы событий – то есть такие множества событий, которые объединены единой пространственно-временной реальностью и которые, таким образом, можно представить с помощью единой хронометрической шкалы и с помощью единого пространственного представления.

Но как события соотносятся друг с другом и с планом событий? Как они организованы в нашем опыте?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить, какие темпоральные отношения образуют события и какое место эти темпоральные отношения занимают в темпоральной структуре сознания. Для этого в первом параграфе мы рассмотрим различные концепции о том, какие существуют отношения темпорального опыта, а также предложим свой способ выделения темпоральных отношений. Во втором параграфе мы исследуем, какие психофизические основания есть у этих темпоральных отношений. И, наконец, в третьем параграфе мы исследуем связь темпоральных отношений и сознания, тем самым завершив построение модели темпоральной структуры сознания.

§3.1 Основные темпоральные отношения

В этом параграфе мы рассмотрим, какие бывают основные темпоральные отношения. Для этого мы обратимся к концепциям И. Канта, М. Гюйо, А. Бергсона, Б. Рассела и Э. Гуссерля, поскольку они целенаправленно изучали различные темпоральные отношения. В результате мы выделим наиболее важные для нашего сознания темпоральные отношения, такие как ритм, длительность, одновременность и последовательность.

3.1.1 Кант и Гюйо: многообразие и идея времени

В этом разделе мы обратим внимание на то, каким образом выделяли темпоральные отношения И. Кант и М. Гюйо. Мы начнём именно с них, поскольку они не только исследовали то, как мы воспринимаем темпоральные отношения, но оценивали временной опыт в целом, рассматривая темпоральную структуру сознания с разных сторон, в том числе поставив вопрос, что является первичным для нашего сознания: время или темпоральные отношения?

Мы уже показали в п. 1.1.3, что Кант, с одной стороны, отрицал онтологическую реальность времени, но в то же время признавал, что время – не просто апостериорное представление мира, а некоторое априорное представление, без которого бы не было ни представления об одновременности, ни представления о последовательности. Рассмотрим подробнее роль темпоральных отношений в его концепции.

Кант писал: «Время не есть эмпирическое понятие, выводимое из какого-нибудь опыта. В самом деле, одновременность или последовательность даже не воспринимались бы, если бы в основе не лежало априорное представление о времени»²¹³. Согласно Канту, только представление о времени может лежать в

213 Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 84.

основе представления о том, что события происходят одновременно, то есть в одно и то же время, или же последовательно, то есть в различное время.

Таким образом, Кант утверждает, что такие аспекты темпорального восприятия как одновременность или последовательность являются вторичными по отношению к представлению о времени. При этом Кант также утверждает, что само время содержит и одновременность, и последовательность, и даже вечность, но представления о них вторичны. Представления наших чувств попадают в нашу душу, а время является той формой, которая и даёт возможность их осознания в опыте. Он пишет: «само время … содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)»²¹⁴. Это значит, что Кант считает представления о темпоральных отношениях вторичными по отношению и к самим темпоральным отношениям, которые сопутствуют времени.

При этом Кант подчёркивает: мы осознаем эмпирически многообразное как одновременное или последовательное в зависимости от обстоятельств или «эмпирических условий»²¹⁵. Можно заметить, что здесь многообразие у Канта предстаёт как текущее настоящее, внутри которого и находятся события, одновременные или последовательные. Однако здесь присутствует своего рода замкнутый круг: многообразное порождается последовательными событиями, в то время как последовательность, по мнению Канта, порождается многообразным: «Само понятие последовательности порождается прежде всего движением как действием субъекта (но не как определением объекта), стало быть, синтезом многообразного в пространстве»²¹⁶. На основании этого заключения он делает вывод, что рассудок сам производит многообразие, опираясь и воздействуя на «внутреннее чувство». И даже свой собственный субъект, как полагает Кант, мы познаём как явление во времени, а не так, как он существует сам по себе.

214 Там же. С. 97.

215 Там же. С. 154.

216 Там же. С. 163.

Таким образом, Кант одним из первых представляет время как некоторое вместилище для ощущаемых и осознаваемых событий, а аспекты временного восприятия, такие как последовательность, представляет как порождение нашего разума посредством синтеза многообразного в пространстве. Такое заключение является, несомненно, важным результатом.

Тем не менее, позиция Канта об априорности понятия времени в дальнейшем подверглась критике, причиной которой прежде всего явились психологические установки исследователей понятия и сущности времени. Среди подобной критики следует отметить работу Жана Марии Гюйо «Происхождение идеи времени»²¹⁷. Гюйо не согласен с идеями Канта о том, что время является формой априорного созерцания. Впрочем, он отвергает и распространённое в то время убеждение, что идея времени порождена осознанием последовательности. Согласно Гюйо, концепции времени и темпоральных отношений являются апостериорными как для отдельного человека, так и для всего человеческого вида. Для того чтобы рассмотреть происхождение как идеи времени, так и темпоральных отношений, Гюйо предлагает последовательно рассмотреть участие, во-первых, «пассивного воспроизводящего воображения, которое даёт неподвижную рамку времени, его форму», а, во-вторых, «двигательной активности и воли», которая, по мнению Гюйо, образует жизненную и подвижную основу понятия времени. Как полагает Гюйо, в совокупности эти два элемента и образуют опыт времени²¹⁸. Гюйо выделяет одновременность и последовательность как темпоральные отношения, сопутствующие идеи времени, но утверждает, что на примитивной ступени умственного развития человека концепций одновременности и последовательности не было и быть не могло. Эти концепции, согласно Гюйо, появились позже, сопутствуя высокому уровню умственного развития человека.

²¹⁷ Гюйо М. Происхождение идеи времени. Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями. СПб.: Т-во «Знание», 1899. 376 с.

²¹⁸ Там же. С. 20.

Сравним представления Канта и Гюйо. Когда Кант говорит о времени, в первую очередь он говорит именно о «неподвижной рамке времени», а не о «подвижной воле». Поэтому, критикуя Канта по форме, то есть отрицая то, что «подвижная воля» является формой априорного представления, Гюйо соглашается с ним по существу: неподвижная рамка времени, форма, которая и лежит в основе любого темпорального опыта, является априорной. Это согласуется с позицией Канта: если время как форма созерцания является эпистемически априорной, то понятие времени, равно как и опыт времени является апостериорным, порождаемым восприятием. Понятия одновременности и последовательности, согласно и Канту, и Гюйо, являются порождением сознания, синтезирующего наш опыт.

Мы рассмотрели позиции Канта и Гюйо по поводу темпоральных отношений. Они оба рассматривают саму возможность восприятия времени как априорную, а также выделяют понятия одновременности и последовательности как наиболее важные темпоральные отношения, являющиеся апостериорными и вторичными по отношению к самой идее времени. И Кант, и Гюйо убеждены, что на уровне начального восприятия не существует темпоральных отношений. Однако не все авторы были с ними согласны: так, к примеру, можно вспомнить А. Бергсона, который полагал время живым, и считал, что это живое время сводится к единственному темпоральному отношению — длительности. Рассмотрим его позицию подробнее.

3.1.2 Бергсон. Время как длительность. Ритм, длительность, одновременность и последовательность

Мы рассмотрели позиции Канта и Гюйо, и показали, что они полагают одновременность и последовательность возникающими не на уровне ощущений, а на уровне сознания и мышления. Теперь обратимся к позиции Бергсона. В п. 1.2.2 мы показали, что, согласно Бергсону, форма времени изначально является живой, а время находится в вечном становлении и представляет собой длительность,

которая может восприниматься только интуитивно и которую невозможно измерить или оценить с помощью научных или аналитических философских методов. Рассмотрим, какие темпоральные аспекты являются наиболее значимыми в его концепции.

Бергсон считает основным темпоральным аспектом именно длительность, полагая, что длительность и время суть одно и то же. Он пишет: «реальная длительность есть то, что всегда называли время, но время, воспринимаемое как неделимое»²¹⁹. Другими словами, Бергсон считает, что длительность является основным аспектом времени, то есть тем, без чего времени бы вообще не существовало. С поправкой на то, что мы говорим не о самом времени, а о его восприятии, мы вынуждены согласиться с Бергсоном: действительно, невозможно, или, по крайней мере, очень сложно представить восприятие времени без восприятия длительности.

Ещё одним важным аспектом временного восприятия, согласно Бергсону, является ритм. Ритм в представлении Бергсона неразрывно связан с длительностью, что он демонстрирует на примере восприятия во времени рядов натуральных чисел: наблюдая за ритмом чисел, согласно Бергсону, мы обращаемся к числовой длительности. Таким образом, ритм, по мнению Бергсона, имеет вторичное значение по отношению к длительности, однако они оба являются основными. При этом он признаёт, что единого ритма длительности нет, ритмов может быть множество, поскольку ритм измеряет степень напряжения или ослабления разных сознаний²²⁰.

Длительность, согласно Бергсону, имеет более фундаментальное значение, чем одновременность и последовательность. Он пишет о последовательности так: «Что время предполагает последовательность, я этого не оспариваю. Но чтобы последовательность представлялась нашему сознанию, прежде всего, как различие между рядоположенными "прежде" и "потом", – с этим я не могу

219 Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск.: Харвест, 1999. С. 948.

220 Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992. С. 291.

согласиться»²²¹. В этой цитате заметно, что несмотря на множество разногласий с Гюйо и Кантом, Бергсон также утверждает, что, хотя последовательность и сопутствует времени, для постижения последовательности недостаточно восприятия во времени предшествующих и последующих событий. Для этого необходим акт сознания, впрочем, как и для постижения одновременности: Бергсон называет два мгновенных восприятия «одновременными», если они постигаются одним и тем же актом сознания²²².

Бергсон считает, что последовательность и одновременность познаются посредством разума через абстракцию и анализ, во многом опирающиеся на пространственный опыт. Если одновременность, согласно Бергсону, можно постичь через восприятие, то последовательность можно понять как некоторое взаимопроникновение или же как внутреннюю организацию элементов. Для того чтобы испытать одновременность, нужен акт сознания, но и для постижения последовательности необходим акт сознания, способный абстрагировать. Исходя из этого, мы можем предположить, что именно на уровне сознания Бергсон полагал существование восприятия одновременности и последовательности, хотя и выступал против такого анализа как «мёртвого», «математического».

Таким образом, в этом разделе мы показали, что Бергсон выделял четыре темпоральных отношения: длительность, ритм, последовательность и одновременность. Длительность он считал сутью самого времени, восприятие длительности он приравнивал к восприятию времени. Ритм, согласно позиции Бергсона, является вторичным по отношению длительности, несмотря на то, что мы часто выделяем его среди темпоральных отношений. Наконец последовательность и одновременность Бергсон как Кант и Гюйо, полагал познаваемыми не на уровне ощущений, а на уровне разума. И всё же ключевым для восприятия времени он полагал восприятие длительности, основанное на ощущении²²³ длительности; он же полагал, что между ощущением длительности,

221 Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. С. 948.

222 Бергсон А. Длительность и одновременность. СПб: Academia, 1923. С. 45

223 Мы опираемся на воззрение, согласно которому восприятие состоит не только из ощущений, но и из их интерпретаций, осознаний, концептуальных заготовок и т. п. В данной работе мы придерживаемся

разделяющим два мгновения, и памятью, соединяющей эти же два мгновения, невозможно установить различия²²⁴.

Впрочем, такое различие предлагает Рассел. Он предлагает рассматривать весь темпоральный опыт через две пары отношений, а также предлагает логический анализ этих отношений. Обратимся к его концепции подробнее.

3.1.3 Рассел. Одновременность и последовательность, ощущение и память

В предыдущем разделе мы рассмотрели концепцию Бергсона, который рассматривает такие темпоральные отношения, как ритм, длительность, последовательность и одновременность. Он полагает, что время постигается через ощущение длительности, которое настолько тесно связано с памятью, что, согласно Бергсону, длительности без памяти вовсе бы не было. Однако у Бергсона нет строгого различия ощущения и памяти. Впрочем, интересное различие между памятью и ощущением есть у Б. Рассела.

Мы уже познакомились с его концепцией в п. 1.3.1, теперь рассмотрим его суждения об отношениях, чтобы оценить, возможно ли её использовать для суждения о том, какие темпоральные отношения существуют.

Как и Бергсон, Рассел при анализе темпорального опыта опирается на опыт пространственных отношений. Так, на основе ощущений и воспоминаний он делает вывод о том, что существует универсальное абстрагированное временное отношение «прежде и после», аналогичное универсальному абстрагированному пространственному отношению «нахождение слева от»²²⁵. В работе «Об опыте времени» (1915) он упоминает, что отношения «прежде и после» относятся к последовательности, и именно там он и разбирает подробно последовательность и прочие отношения. Рассмотрим подробнее его концепцию.

разделения восприятия на ощущение и представление. В этом есть некоторое упрощение, однако оно нам необходимо для того, чтобы позднее выдвинуть гипотезу об особенностях восприятия темпоральных отношения на нижних и высших уровнях сознания.

224 Бергсон А. Длительность и одновременность. СПб: Academia, 1923. С. 43.

225 Рассел Б. Проблемы философии / Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С. 231.

Всего Рассел рассматривает две пары отношений: во-первых, одновременность и последовательность, во-вторых, ощущение и память. Первая пара, как он полагает, обусловливает временные отношения среди объектов и порождает физическое время, а вторая пара – ощущение и память – обусловливает отношение между объектом и субъектом и порождают ментальное время. Рассел, основываясь на собственном логическом анализе, утверждает, что прошлое, настоящее и будущее (что соответствует А-серии событий, описанной МакТагgartом²²⁶) происходят из отношений между субъектом и объектом, а отношения раньше и позже (что соответствует В-серии событий в терминологии МакТаггарта) происходят из отношений между объектами.

Также стоит отметить важное замечание Рассела, касающееся одновременности и последовательности. Интуитивно может показаться, что последовательность является более важным концептом, чем одновременность, и, если мы рассматриваем восприятия последовательности, то рассматривать восприятие одновременности не имеет смысла. Рассел обращает на это внимание, и он убежден в том, что именно последовательность составляет сущность физического времени. Тем не менее, Рассел убеждён, что опыт одновременности отличен от опыта последовательности, и поэтому эти темпоральные отношения, как и их восприятия, стоит рассматривать отдельно²²⁷.

Таким образом, Рассел в своей работе делает важные для нас замечания: во-первых, он обращает внимание на то, что последовательность и одновременность – это отношения между объектами, во-вторых, он утверждает, что их восприятие одновременности и последовательности надо рассматривать отдельно, и наконец он обращает внимание, что информацию о таких отношениях между объектами, как последовательность и одновременность, мы получаем с помощью памяти и ощущений. Однако далее при анализе времени Рассел рассматривает только опыт,

226 Рассел прямо не упоминает, что он использует разделение МакТаггарта, однако, исходя из популярности статьи МакТаггарта во время написания статьи Рассела и четкого соответствия разделения Расселом терминологии МакТаггарта, можно считать статью Рассела своего рода ответом на работу МакТаггарта.

227 Рассел Б. Об опыте времени. Логос. 2004. № 5 (44). С. 29–44.

получаемый из ощущений, ограничивает ментальный опыт лишь памятью и исключает фантазию, планирование, предвосхищение и пр.

В результате, время, которое рассматривает Рассел, нельзя называть ментальным временем. Несмотря на попытку Рассела отличить «ментальное» время от «физического», в зависимости от природы темпоральных отношений, обе эти категории скорее, следует отнести к чувственному времени. Помимо этого, игнорирование Расселом опыта будущего²²⁸, а также ограниченность его временных отношений вынуждают нас не согласиться с утверждением Рассела о том, что он рассмотрел все возможные формы темпорального опыта. Поскольку нас интересует именно то, как ментальный опыт организуется внутри темпоральной структуры сознания, мы не можем остановиться на предложенной Расселом концепции и вынуждены продолжить рассмотрение прочих концепций. И здесь, представляется, нам стоит обратиться к феноменологии Гуссерля, поскольку именно феноменология времени по своей сути нацелена на наиболее полную оценку ментального опыта.

3.1.4 Временные отношения у Э. Гуссерля

В предыдущих разделах этой главы мы рассмотрели позиции таких философов, как Кант, Гюйо, Бергсон и Рассел. Если Кант и Гюйо исследовали в первую очередь время как форму организации нашего опыта, Бергсон рассматривал время как некоторую длительность, а Рассел исследовал субъективное восприятие объективных отношений, то именно Гуссерль, как мы показали в п. 1.2.4, рассматривает имманентное время как то, что непосредственно воспринимается и переживается в нашем сознании. Нам необходимо рассмотреть темпоральные отношения так, как они представлены в темпоральной структуре сознания. Для решения этой задачи в этом разделе мы

228 Мнение Рассела на этот счет однозначно: «Следует отметить, что не существует опыта будущего»: Рассел Б. Об опыте времени. Логос. 2004. № 5 (44). С. 39.

обратимся к феноменологии Гуссерля как к направлению философии, которое целенаправленно изучает темпоральные отношения как данные нам имманентно.

Как отмечают исследователи, для Гуссерля временность сознания является основным «лейтмотивом феноменологии»²²⁹. Он исследует не столько объективное или субъективное, сколько само имманентное время нашего сознания²³⁰, полагая, что именно такое исследование может в итоге дать наиболее полные и наиболее точные данные исследования. Исследователи также отмечают, что именно феноменологический анализ первичных форм времени делает феноменологию привилегированной философией времени²³¹. С нашей точки зрения, мы не можем воспринимать время иначе, чем «от первого лица», с чем лучше всего справляется именно феноменология, поэтому именно феноменология позволяет лучше всего оценивать те темпоральные отношения, которые имеют наибольшее значение для темпоральной структуры сознания.

Гуссерль последовательно анализирует все обнаруженные им аспекты темпорального сознания и темпорального восприятия: так, в книге «Феноменология внутреннего сознания времени» он различает длительность ощущений и ощущение длительности, последовательность ощущений и ощущение последовательности. Он исследует имманентные временные объекты и их модусы явления, ретенцию и репродукцию, воспоминание и схватывание. Полагая, что сознание времени не ограничивается тем, как мы переживаем некоторые временные аспекты, Гуссерль утверждает, что всё, к чему относится сознание, наделено темпоральной природой, и даже саму субъективность он рассматривает как темпорально-конститутивный поток. Гуссерль развивает представление У. Штерна, согласно которому существует некоторое «связующее

229 Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1998. 144 с.

230 Субъективное время относится кциальному субъекту и находится в пространстве объективного времени, в то время как имманентное время не требует существования ни субъективного времени, ни объективного времени. Феноменология описывает явление имманентных временных объектов и то, как именно мы их осознаем. Это утверждение, в частности, основано на анализе феноменологического времени Т. Х. Керимовым: Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 158–171. С. 160.

231 Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 158–171. С. 160.

сознание», которое растягивается по временному интервалу, который Штерн называет «временем присутствия». Это связующее сознание, согласно Штерну, и позволяет «схватить» как дискретную, так и непрерывную последовательность, а также одновременность. Гуссерль также перенимает у Штерна выбор эмпирического материала, опираясь в своём исследовании прежде всего на опыт восприятия музыки. На основании того же опыта вслед за Штерном Гуссерль делает вывод, что последовательность психических процессов объединяется в единый целостный образ внутри целостного акта: «тоны образуют единство последовательности с общим воздействием формы схватывания»²³². Таким образом, Гуссерль выделяет последовательность и как основу для сознания, и изучает её так, как она конституируется внутри сознания.

Далее, изучая восприятие последовательности и одновременности, Гуссерль, как и все вышеупомянутые философы, рассматривает эти аспекты внутри сознания. Он выделяет два вида «Вместе», то есть два вида объединения модусов сознания: во-первых, пространство сознания первичных ощущений и, во-вторых, континуальность внутри непрерывных рядов модусов протекания. При этом эти разные «Вместе», по мнению Гуссерля, необходимо различать: «Это Вместе есть, по своей форме, Вместе непрерывно варьируемых модусов сознания, в то время как Вместе первичных ощущений есть Вместе совершенно идентичных по форме модусов». «Вместе» первичных ощущений Гуссерль называет областью «для конституирования одновременности», а «Вместе» непрерывных рядов модусов протекания – это область «для конституирования временной последовательности». При этом он подчёркивает, что и одновременность, и последовательность нужны друг другу для конституирования, они нераздельно и коррелятивно связаны, и одно без другого невозможно²³³.

Таким образом, основываясь на различиях при восприятии первичных ощущений (из которого выводится одновременность) и непрерывности сознания

232 Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. С. 24.

233 Там же. С. 82–83.

(из которых и выводится последовательность), Гуссерль утверждает, что одновременность и последовательность настолько тесно связаны друг с другом, что задавать одно без другого – немыслимо. Действительно, мы не можем с ним в этом не согласиться: несмотря на то, что физиологически и феноменологически области для конституирования последовательности и одновременности могут быть различны, логически эти аспекты связаны друг с другом.

Однако наибольшее значение Гуссерль придаёт длительности как некоторой базовой характеристике, без которой не может быть сознания вовсе, и вместе с тем указывает, что она совершенно не представима без того, чтобы она не была установлена в некоторой временной связи, то есть без того, чтобы не присутствовали интенции временной связи²³⁴. Он также подчёркивает необходимость для существования потока сознания одновременности и последовательности, однако основной темпоральной характеристикой полагает именно длительность.

Наконец Гуссерль, говоря про явление или событие, переходит к тому настоящему, где оно представляется и является: «в фантазии, в воспоминании, в ожидании или ретенционально, точно так же можно сказать, что оно является и воспринимается как настоящее»²³⁵. Из этой цитаты можно сделать вывод, что сам Гуссерль считал, что темпоральная структура сознания не ограничивается «кажущимся настоящим», вмещающим только ретенции. Каждое явление, согласно Гуссерлю, может «являться» без подтверждения собственной данности – для этого подтверждения и нужны ощущения и ретенции²³⁶.

Подведём итоги раздела. Гуссерль выделяет длительность как то, что позволяет существовать самому сознанию, а также одновременность и последовательность как формы организации темпоральных объектов, воспринимаемые непосредственно и при этом доступные осознанию. В следующем разделе мы завершим выделение темпоральных отношений на основе

234 Там же. С. 57.

235 Там же. С. 102.

236 Там же. С. 103.

уже рассмотренных концепций, а также проанализируем состав восприятия темпоральных отношений.

3.1.5 Выделение темпоральных отношений

В предыдущих разделах этой главы мы проанализировали, какие темпоральные отношения присутствуют в концепциях Канта, Гюйо, Бергсона, Рассела и Гуссерля. В этом разделе на основе полученных результатов мы предложим свою классификацию существующих темпоральных отношений, наиболее важных для организации темпорального опыта внутри темпоральной структуры сознания.

Память и ощущения, которые Рассел предлагает считать отношениями, обуславливающими временные отношения между субъектом и объектом, не являются темпоральными отношениями в полной мере. Бессспорно, память – это тот источник, из которого мы получаем прошлый темпоральный опыт, а ощущение – это источник, из которого мы получаем опыт, принадлежащий кажущемуся настоящему. Однако нас интересуют именно способы организации уже полученного темпорального опыта. Выделим те темпоральные отношения, которые исследовались в этом параграфе и которые относятся к таким способом организации.

Во-первых, последовательность и одновременность – это те темпоральные отношения, которые существуют совместно. Все перечисленные философы упоминали эти темпоральные отношения и упоминали их вместе, хотя и проводили неизменное различие между ними.

Во-вторых, это длительность. В работах Гуссерля и Бергсона длительности удалено довольно много внимания: так, Бергсон полагает, что длительность и время суть одно и то же, а Гуссерль считает, что без длительности не может быть и сознания.

И, наконец, это упомянутый Бергсоном ритм. Как мы видели выше, Бергсон полагает, что ритм – это просто некая форма длительности, однако он всё же

выделяет её как отдельный концепт. Вообще говоря, в литературе такому темпоральному отношению, как ритм уделяется довольно много внимания. Можно вспомнить Ф. В. Й. Шеллинга, который писал о том, что «ритм принадлежит к удивительнейшим тайнам природы и искусства»²³⁷, Ж. Делёза, который рассматривал повторение-ритм как основу любых повторений, которые присутствуют повсюду²³⁸, а также концепцию Дж. Уитроу, которую мы рассматривали в первой главе и согласно которой именно возможность восприятия ритма дала человеческому виду так необходимое ему эволюционное преимущество и в итоге породила знакомое нам восприятие времени²³⁹. Упоминание о ритме можно найти и у Гуссерля в утверждении о существовании «постоянного момента индивидуации», который постоянно повторяется²⁴⁰.

Можно ли ограничиться упомянутыми отношениями? В литературе помимо указанных отношений иногда встречаются такие отношения, как порядок, неодновременность и др., которые мы уже упоминали выше. Однако при более подробном рассмотрении, как правило, оказывается, что эти отношения или не являются чем-то самостоятельным (как отношение не-одновременности является вторичным для отношения одновременности, а порядок событий при учёте направления времени, как правило, сводится к последовательности событий), либо являются не отношениями между отдельными событиями, а отношениями между субъектом и объектом, которые к тому же требуют дополнительного исследования (как ощущение и память). Поэтому в данный момент именно набор упомянутых темпоральных отношений кажется наиболее полным и вместе с тем лишённым избыточности.

Теперь, когда мы выделили основные темпоральные отношения, необходимо сделать важное замечание об исходной позиции нашего исследования и наших предположений.

237 Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Изд-во «Мысль», 1966. С. 196.

238 Делёз Ж. Различие и повторение. СПб, 1998. С. 36.

239 Уитроу Дж. Естественная философия времени: Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 73–74.

240 Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. С. 73–75.

Восприятие темпоральных отношений и сами темпоральные отношения – это не одно и то же, хотя они, бесспорно, связаны, как мы покажем в следующих параграфах. Тем не менее, нередки случаи, когда, к примеру, существует некоторое темпоральное отношение между темпоральными объектами, которое не воспринимается, несмотря на восприятие связанных указанным темпоральным отношением объектов, или даже воспринимается иное темпоральное отношение. Наиболее ярко в современной литературе описана проблема восприятия одновременности, когда события, происходящие одновременно, воспринимаются как последовательные или, наоборот, события, воспринимающиеся как одновременные, таковыми не являются²⁴¹.

Подведём итоги. В этом параграфе мы выделили четыре основных темпоральных отношения: ритм, длительность, одновременность и последовательность. Теперь нам необходимо оценить, насколько восприятия указанных отношений являются специфическими. Для этого в следующем параграфе мы сначала оценим объективность темпоральных отношений, а потом перейдём к результатам психофизических исследований. И, в заключение, в третьем параграфе мы рассмотрим, как отдельные темпоральные отношения взаимодействуют и организуют темпоральную структуру нашего сознания.

§3.2 Естественно-научные основания аспектов темпорального опыта

В предыдущем параграфе мы выделили четыре основных темпоральных отношения: ритм, длительность, последовательность и одновременность. Однако мнения философов о том, являются ли объективными эти темпоральные отношения, как связаны восприятия этих темпоральных отношений, какие из них

241 Существует множество исследований на эту тему, вот только некоторые из них: Печенкова Е. В. Переключения внимания при восприятии одновременности событий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyucheniya-vnimaniya-pri-vospriyatiu-odnovremennosti-sobytiyu> (дата обращения: 13.03.2021); Фаликман М. Парадоксы зрительного внимания. Эффекты перцептивных задач. Litres, 2020.

являются основными, не являются согласованными. Чтобы ответить на эти вопросы, в этом параграфе мы исследуем естественно-научные основания для описания восприятия темпорального опыта. Для этого мы сначала оценим возможность объективного суждения о темпоральных отношениях, потом изучим психофизические основания восприятия каждого из перечисленных темпоральных отношений (здесь речь будет идти, прежде всего, об ощущениях, на которых строятся наше восприятия), а после рассмотрим связь восприятия темпоральных отношений и темпоральной структуры нашего сознания.

3.2.1 Объективность отношений темпорального опыта

В этом разделе мы рассмотрим объективность темпоральных отношений. Выше мы выделили ритм, длительность, одновременность и последовательность как основные темпоральные отношения, а также предположили, что с помощью восприятия этих отношений мы организуем наш темпоральный опыт внутри текущего настоящего. Но обусловлены ли эти темпоральные отношения чем-то реальным вне нашего сознания или же они являются лишь порождением темпоральной структуры нашего сознания? Попробуем ответить на этот вопрос.

Начнём с того, что направление из прошлого в будущее для нашего сознания имеет не столько онтологический, сколько логический характер: прошлое вызывает следствия в настоящем, настоящее вызывает следствия в будущем²⁴². Это значит, что соотнесённость событий с прошлым или будущим для нашего сознания не обязательно имеет фундаментальный характер, а может являться производной как от логической структуры и смысла события, так и от прочих темпоральных отношений. С другой стороны, вне нашего сознания соотнесённость с одним из временных модусов может иметь фундаментальный характер, поскольку объективное становление пространственно-временных событий является первичным и независимым от сознания, и никакой

²⁴² Это мнение основано на работах Ивина А. А., в частности Ивин А. А. Истина в потоке времени: философский и логический анализ. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 363 с.; Ивин А. А. Модальные теории Я. Лукасевича: монография. Москва: Институт философии РАН, 2001. С. 136.

феноменологический опыт не может служить опровержением или подтверждением подобного становления²⁴³.

Длительность события измеряют с помощью иных событий; ритм является характеристикой событий, повторяющихся с определённой частотой. То, что одновременность и последовательность относятся к темпоральной структуре мира, а не к воспринимающему субъекту, отмечал ещё Рассел, как мы показали выше. И всё же однозначно сказать, что все эти аспекты полностью лишены какой-либо субъективности, нельзя. Особенно ярко это показал Э. Мах и, конечно же, А. Эйнштейн²⁴⁴. Рассмотрим их концепции подробнее.

Мах полагает, что мы непосредственно ощущаем время, подобно тому, как мы воспринимаем пространство. Опыт времени, как и опыт пространства, он полагал обусловленным нашей телесностью, а не внутренней структурой времени: «Существование своеобразных физиологических процессов, лежащих в основе ощущений времени, представляется весьма вероятным ввиду того обстоятельства, что мы узнаем одинаковость ритма, формы времени во временных отношениях самых разных качеств, например в мелодиях, которые кроме ритма не имеют ничего сходного»²⁴⁵. Философия Маха строится на том убеждении, что понятие отношения важнее понятия субстанций²⁴⁶. Эта была новаторская мысль для европейской науки и философии и она привела к тому, что философы и физики пытались исследовать уже не время само по себе, как это было во времена

243 В частности, так полагает М. Дорато: См. Dorato M. Presentism and the Experience of Time // Topoi. 2015. Vol. 34 (1). P. 265–275.

244 Надо отметить, что Эйнштейн во многом опирается на работы Лоренца, который предложил преобразование координат и использование "местного времени" (Лоренц Г. А. Электромагнитные явления в системе, движущейся с любой скоростью, меньшей, чем скорость света // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А.Эйнштейн, Г.А. Лоренц, Г. Минковский. Ленинград: ОНТИ. 1935. С. 16–50. С. 21), а также работы Пуанкаре, в частности, "Наука и гипотеза", где Пуанкаре пишет: "Не существует абсолютного времени: утверждение, что два промежутка времени равны, само по себе не имеет никакого смысла и можно принять его только условно. Мы не способны к непосредственному восприятию не только равенства двух промежутков времени, но даже простого факта одновременности двух событий, происходящих в различных местах" (Пуанкаре А. О науке / пер. с фр. под редакцией Л.С. Потнягина. М.: Наука, 1990. 736 с. с. 79-80). Более подробное рассуждение о влиянии Пуанкаре и Лоренца на теорию Эйнштейна можно найти в работе: La Taille R. de, Relativite Poincare a precede Einstein // Science et Vie. 1995. No. 931. P. 114–119.

245 Max Э. Познание и заблуждение. М.: Изд-во С. Скирмунта, 1909. С. 421.

246 Гайденко П. П. Эрнст Мах в контексте философии конца XIX – начала XX века // Метафизика. 2016. № 3 (21). С. 13–27. С. 19.

Ньютона и его последователей, а темпоральные отношения, такие как одновременность.

Так, Эйнштейн обращает внимание на то, что большинство наших суждений о времени – это суждение об одновременности событий²⁴⁷. При этом из постоянства скорости света и специальной теории относительности понятно, что одновременность относительна²⁴⁸ и что она может быть точно и легко определена разве что когда речь идёт про события в одном и том же месте. Тем не менее, несмотря на подчёркивание относительности временных измерений, Эйнштейн не может полностью отказаться от абсолютизации, наделяя абсолютным характером показания измерительных приборов²⁴⁹.

Таким образом, время для учёных и философов перестало быть абсолютным. Течение времени, как и некоторые временные отношения, согласно физическим представлениям, не являются в полной мере фундаментальными и постоянными. Но если абсолютность времени оказалась развенчана, то вопрос об объективности порядка и направления времени, которые приводят к появлению такого темпорального отношения как последовательность остаётся открытым. Здесь стоит отметить работы Г. Рейхенбаха и А. Грюнбаума, которые, в частности, пытались оценить, является ли объективной идея последовательности, исходя из объективности или субъективности идеи направления.

Рейхенбах писал: «Дискуссия по проблеме времени во многом страдает от того, что путают два понятия, пренебрегая различием между порядком и направлением»²⁵⁰. Если порядок описывает структуру событий, то направление позволяет говорить о становлении. С помощью определения «больше чем» через квадрат числа он выводит, что время имеет не только порядок, но и направление. Таким образом, он пытается вывести сознание за рамки времени и становления

²⁴⁷ Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г.А. Лоренц, Г. Минковский. Л.: ОНТИ, 1935. С.133–174. С. 135.

²⁴⁸ Эйнштейн А. Основы общей теории относительности // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г.А. Лоренц, Г. Минковский. Ленинград: ОНТИ, 1935. С. 231–305. С. 232.

²⁴⁹ Сторожук А. Ю. Человеческое, слишком человеческое: препятствия на пути к «теории всего» // Философия науки. 2017. № 2 (73). С. 60–65.

²⁵⁰ Рейхенбах Г. Направление времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 43.

вообще. Грюнбаум не согласен с ним. Он проводит границу между тем, что зависит от сознания и тем, что от него не зависит, следующим образом: отношение раньше и позже устанавливаются между двумя событиями независимо и от сознания, и от того, что является на текущий момент настоящим временем, в то время как становление, а также будущее и прошлое, «не является атрибутом физических событий *per se*», но это становление требует осознания переживаний того, что происходит и, соответственно, того, кто будет это осознание переживать²⁵¹.

Тем не менее, согласно концепции Грюнбаума, про темпоральное разделение событий как пространственно-временных сущностей²⁵², включая последовательность и одновременность, можно говорить и без учёта сознания: «События испытывают временноподобное разделение одного от другого в силу их каузальной связью или детерминистической связанности, а не несмотря на эту детерминистическую связь»²⁵³. Это значит, что несмотря на зависимость определения прошлого и будущего от сознания, темпоральная структура, которая присуща объектам, не зависит от нашего сознания. Остановимся на этом утверждении и попробуем подвести итог нашему рассмотрению объективности темпоральных отношений.

Основываясь на вышеизложенном, с определённой долей уверенности можно утверждать: то, что мы определяем как события, обладает темпоральной структурой и вне нашего сознания. Наше сознание пытается реконструировать темпоральную структуру посредством восприятия таких темпоральных отношений как ритм, длительность, одновременность и последовательность. Далее в этом параграфе мы подробно рассмотрим исследования, посвящённые ощущению каждого из вышеперечисленных темпоральных отношений, и в

251 Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М.: Издательство «Прогресс», 1961. С. 384.

252 Имеется в виду определение событий в смысле Уайтхеда, то есть тех пространственно-временных сущностей, которые попадают в единый фрагмент опыта, который мы определяем как «событие» согласно данному в главе 2 определению.

253 Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М.: Издательство «Прогресс», 1961. С. 423.

последнем параграфе рассмотрим уже то, как темпоральные отношения связаны с нашим сознанием.

3.2.2 Ритм

Мы исследуем психофизические основания темпоральных отношений. Для этого последовательно рассмотрим те исследования, которые направлены на изучение каждого из выделенных нами темпоральных отношений и узнаем, существуют ли отдельные механизмы восприятия для каждого из таких отношений.

Среди основных аспектов воспринимаемого времени: ритма, длительности, одновременности и последовательности, – ритм, то есть чередование элементов в определённом порядке для нашего сознания, занимает важное место. На первый взгляд это утверждение может показаться надуманным: кажется, что не так уж и много событий подчиняются определённому ритмичному рисунку. Тем не менее, ритм можно заметить при внимательном изучении почти любой группы явлений: у плывущих облаков или их отражений в реке, у художника, рисующего картину или зрителя, рассматривающего её; у программиста, который пишет код, или у пользователя, который работает с написанной программой. Ритм можно обнаружить в любой человеческой деятельности, будь то динамические произведения искусства, как танец или музыка, или статичные выражения, как скульптуры или фотографии²⁵⁴. Ритм можно заметить, наблюдая за движением океанических течений, косяков рыб; ритм присутствует на клеточном, молекулярном и даже на квантовом уровне.

В самом человеке также происходит множеством ритмичных процессов: сердцебиение, дыхание, множество обменных реакций. Ритм воспринимается ещё на уровне ощущений, и для его репрезентации не нужно сознание – подобно тому, как некоторые насекомые, лишённые сознания в человеческом смысле, совершают

²⁵⁴ Про важность ритма в искусстве писал ещё Шеллинг, см. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Изд-во «Мысль», 1966. С. 196.

ритмичные действия, основываясь на восприятии внешних ритмов. Известно, что до изобретения точных часов учёные часто использовали ритмичные процессы для измерения длительности того или иного события²⁵⁵. Солнечные и механические часы также используют ритм, но не биологический, а природный: циклы дня, маятник или физические свойства пружины.

Среди философов и учёных популярно мнение, что именно восприятие ритма способствовало развитию человечества. Такой позиции, в частности, придерживается, Дж. Уитроу. Он полагает, что развитие идеи времени было тесно связано с развитием языка, и видит подтверждение этой гипотезы в том факте, что восприятие времени в большей мере связано не со зрением, а со слухом, который имеет для развития речи принципиальное значение. Это приводит его к следующему выводу: «Фундаментальным как для времени, так и для речи, особенно для первобытной речи, является ритм»²⁵⁶. Уитроу уверен в фундаментальности ритма для времени и восприятия времени. Согласно Уитроу, поскольку восприятие ритма сводится к идее обнаружения и закрепления важных повторяющихся сигналов, то ритм, во-первых, способствует запоминанию важного, и, во-вторых, способность нервной системы воспринимать ритм приводит к тому, что нервная система готова к появлению стимулов в нужный момент времени, и это, соответственно, приводит к повышению эффективности как отдельного индивидуума, так и всего племени.

Важность восприятия ритма для человечества может привести и к идее первичности восприятия ритма перед восприятием всех прочих отношений. К примеру, Уитроу убежден, что именно ритм лежит в основе и последовательности, и одновременности, и в основе самой идеи времени: «Из первоначального осмыслиения человеком ритма и периодичности постепенно возникла абстрактная идея всемирного однородного времени»²⁵⁷. Он основывается на позиции П. Фресса, которую можно описать так: «Мы воспринимаем время не

²⁵⁵ К примеру, Галилей использовал водяные часы и пульс при проведение своих экспериментов См. Руни Э. История физики. От натурфилософии к загадкам темной материи. Litres, 2019. С. 72.

²⁵⁶ Уитроу Дж. Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 73–74.

²⁵⁷ Там же. С. 79.

непосредственно, но только в виде конкретных последовательностей и ритмов»²⁵⁸. Другими словами, идея времени как таковая строится уже на восприятии темпоральных отношений, среди которых ритм, согласно Уитроу и Фрессу – сторонников естественно-научного, а не философского подхода – является одним из самых важных.

Надо сказать, что это позиция, согласно которой восприятие ритма имеет одно из основных значений для восприятия времени имеет некоторое экспериментальное подтверждение. Учёные из университета Брэдфорда (Великобритания) в 2011 году предложили модель представления времени нашим мозгом на основе проведённого эксперимента. Участники эксперимента, на который опирались учёные, просмотрели сотню вспышек и прослушали сотню сигналов определенной длительности. После увеличения длительности сигнала участники оценивали его намного более неточно, и чем меньше отличался сигнал от предыдущих, тем больше была ошибка. Исследователи предположили, что в мозгу в ответ на любое эмпирическое воздействие формируется нейронный «временной канал», который запоминает длительность и частоту события. Раздражитель, близкий по временным параметрам, также обрабатывается этим каналом, что приводит к подобным ошибкам. Для прочих раздражителей формируются новые каналы, более точно определяющие данные раздражителя²⁵⁹. Это исследование показывает, что существует специальный механизм восприятия, который позволяет ощущать ритм и обнаруживать ритмичные процессы.

В этом разделе мы показали, что восприятие ритма как одного из основных темпоральных отношений основано на ощущении, вызванном нейрофизиологическими процессами. Перейдём к следующему темпоральному отношению – длительности.

258 Там же. С. 107.

259 Heron J. et al, Duration channels mediate human time perception // James Heron, Craig Aaen-Stockdale, John Hotchkiss, Neil W. Roach, Paul V. McGraw and David Whitaker. The Royal Society, 2011 [Electronic resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2011.1131> (date access: 13.02.19)..

3.2.3 Длительность

В предыдущем разделе мы рассмотрели восприятие ритма как одного из важнейших темпоральных отношений. В этом разделе мы рассмотрим такой временной аспект, как длительность, а также отражение восприятия длительности в научных экспериментах.

Для начала попробуем установить, что такое длительность. Под длительностью событий чаще всего понимается отношение протяженности одного события к протяжённости другого события²⁶⁰. Так, мы привыкли измерять длительность оборота Земли вокруг Солнца протяженностью оборота Земли вокруг своей оси. Но является ли это отношение объективным и абсолютным? Отношение года ко дню кажется объективным, его можно посчитать, и это не будет зависеть от считающего, где бы он не находился. Однако если мы утверждаем, что одновременность двух событий является относительной, то мы признаём, что длительность промежутка между двумя событиями также является относительной, поскольку в тех случаях, когда эти два события одновременны, длительность промежутка между ними будет равна нулю, а если эти два события неодновременны, длительность промежутка будет отлична от нуля. Таким образом, признавая относительность и субъективность одновременности, мы с необходимостью признаём относительность и субъективность длительности.

Как ясно из приведённого выше определения, проще всего измерить длительность некоторого события с помощью другого события, имеющего определённый ритм. То, как мы определяем длительность, часто зависит от

260 Здесь мы попытались дать определение, исходя не только из бытового понимания длительности, но и из суждений о длительности рассматриваемых нами в предыдущем параграфе философов. Однако есть авторы, которые принципиально отрицают возможность определения длительности. Так, как полагает И. А. Хасанов, длительность – это «объективная количественная характеристика бытия, существования предметов, процессов и событий материального мира. Будучи абстракцией высокого уровня, понятие длительность не поддается определению через подведение под более общее понятие. Его можно только пояснить, указав на объекты, обладающие разной длительностью бытия». (См. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 80.) Однако Хасанов признаёт, что мерой длительности некоторого события могут быть иные события, которые обладают строго периодическим процессом, хоть и утверждает первенство длительности над ритмом. Заметим, что Хасанов говорит про сложность обнаружения истинно периодических процессов, но для первичного определения длительности достаточно процессов, которые являются периодическими с некоторой погрешностью, таких, как смена времён дня и времён года, дыхание и пульс, поэтому утверждение Хасанова о том, что такое определение невозможно, кажется нам неубедительным.

ритмичных процессов и в том числе, возможно, от таких процессов, которые настолько быстры, что за ними почти невозможно уследить. Значит ли это, что ощущение длительности является вторичным по отношению к ощущению ритма?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к экспериментам, которые были нацелены именно на поиск чувства длительности. Такой эксперимент, в частности, был совершен в 2011 году учёными из Бостонского университета на основе экспериментов с крысами. В ходе эксперимента были обнаружены нейроны гиппокампа, благодаря которым мозг способен оценивать временные промежутки между событиями.

Эксперимент происходил следующим образом: крыс познакомили с набором предметов, обладающих специфическим запахом. Затем предмет и характерный ему запах разделяли во времени на десять секунд. Если запах соответствовал показанному ранее предмету, крысы шли за вознаграждением, в другом случае крысы не проявляли активности. За активностью нейронов можно было следить с помощью электродов, вживлённых в гиппокамп.

Ранее было известно, что гиппокамп является одним из главных центров памяти, именно он отвечает за координацию «что, где» и «когда», как мы уже упоминали во второй главе. В частности, именно в гиппокампе были обнаружены «нейроны места» – специфические клетки, маркирующие территорию. Когда животное приходило в знакомую зону, в гиппокампе возбуждались нейроны, «помнящие» данное место.

Оказалось, что в гиппокампе также расположены клетки, которые реагируют на временные интервалы схожим образом – так называемые «нейроны времени». Всего учёные сняли показания с 300 гиппокампальных клеток, и около трети из них были активны во время 10-секундного интервала между двумя связанными событиями. При изменении интервала часть клеток сохраняла активность, а другая часть изменяла, подстраиваясь под новый интервал. При этом поведение животных оставалось прежним²⁶¹. Исследование 2014-го года подтвердило

261 MacDonald C.J. et al., Hippocampal “Time Cells” Bridge the Gap in Memory for Discontiguous Events // Neuron. 2011. № 71. Р. 737–749.

участие гиппокампа, при этом было обнаружено, что именно островковые нейроны (Island cells) контролируют временное ассоциирование²⁶².

Таким образом, благодаря нейрофизиологическим исследованиям был обнаружен основной механизм, отвечающий за ощущение длительности, и этот механизм отличен от механизма, отвечающего за ощущение ритма. При этом восприятие длительности не ограничивается ощущением длительности: так, как мы уже упоминали во второй главе, оценка временных интервалов строится на множестве факторов и множестве систем мозга. Однако превалирующее влияние именно для ощущения длительности островковых клеток в гиппокампе весьма вероятно. Теперь перейдём к восприятию одновременности.

3.2.4 Одновременность

Мы уже рассмотрели особенности восприятия ритма и длительности и показали, что для их восприятия существуют специфические механизмы. В этом разделе мы перейдём к анализу восприятия одновременности.

Без сомнения, одновременность как темпоральное отношение внутри темпоральной структуры сознания тесно связана с представлением о феноменальном опыте, который мы обсуждали во втором параграфе. Этой позиции придерживаются и современные исследователи. Так, Л. Р. Бейкер, которую мы уже упоминали в предыдущей главе, полагает, что восприятие событий как одновременных является одним из видов единства сознания, которое она называет «единством осознанного ощущения» – в качестве примера Бейкер приводит одновременное прослушивание пения птиц и ощущение аромата розы²⁶³. Аналогичной позиции придерживается Т. Бейн, утверждая, что формы телесного опыта такие как осязание, позволяют человеку воспринимать своё тело как собственное, а содержания разных телесных ощущений феноменологически

²⁶² Kitamura T. et al.. Island Cells Control Temporal Association Memory // Science. 2014. Vol 343 (6173). P. 896–901.

²⁶³ Бейкер Л. Р. Два вида единства: осознанное ощущение и его субъект // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 15–27. С. 16.

сливаются воедино в силу того, что это содержание создаёт представление о теле человека как о едином целостном предмете²⁶⁴.

Тем не менее, восприятие одновременных событий тоже можно выделить в отдельный акт восприятия, имеющий свои особенности. В прошлой главе мы показали, что ни минимальная, ни максимальная длительность такого акта восприятия не определена. Ряд исследователей называет 50 мс как минимальную длительность, внутри которой все события могут быть оценены как одновременные, но некоторые исследования показывали, что значения порогового межимпульсного интервала (минимального интервала, при котором два импульса в паре не сливаются в один) может доходить до 5,1 мс²⁶⁵. Чем «опытнее» человек в восприятии одновременных событий, чем лучше у него развиты моторные навыки и скорость реакции, тем меньше для него длительность «момента», и, следовательно, тем точнее он определяет одновременность событий.

Также существует отдельный механизм для определения одновременного звучания нескольких тонов. И. А. Алдошина, которая является специалистом в области психоакустики, описывает схему восприятия музыкального опыта как взаимодействие между «периферической слуховой системой» и «цифровым слуховым процессором». На уровне периферической слуховой системы производится первичный анализ – частичный и временной, а на уровне «цифрового слухового процесса» информация группируется и осмысливается, в том числе на основании периодичности, места, времени начала и конца и пр.²⁶⁶.

264 Bayne T. The Unity of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 251.

265 Полевщикова М. М., Роженцов В. В., Шабрукова Н. П., Матвеев Р. Ю. Метрологическое обоснование совершенствования способов оценки уровня развития выносливости // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 39. С. 137–141.

266 «Восприятие высоты тона для сложных музыкальных сигналов, как указано выше, начинается с анализа в периферической слуховой системе, где производится их частотный и временной анализ, а затем полученная информация передается в высшие отделы мозга – "центральный слуховой процессор", где полученная информация определенным образом группируется и осмысливается. Мозг группирует несколько тонов (гармоник) с одинаковым частотным интервалом в одно ощущение высоты тона. Это принципиальное свойство слухового процессора (высших отделов коры головного мозга): из сложного внешнего звукового мира он выделяет звуки и группирует их по определенным признакам: по месту, по времени начала и конца, по периодичности повторений и т.п. Это связано с тем, что кратковременная память оперирует только шестью-семью символами и без группировки мозг не может принимать быстрых решений». Алдошина И. И. Основы психоакустики, часть 1 // Звукорежиссер. 1999. № 6. С. 13. [Электронный ресурс]. URL: digitalmusicacademy.ru › aldoshina-psihoakustika (дата обращения: 10.02.2019).

Таким образом, сам мозг разделяет и группирует полученную информацию в отдельные звуки, которые вследствие единого получения и группировки мозгом и кажутся нам одновременными.

Схожим образом мозг получает данные и из других источников. При этом то, что мозг получает из разных источников данные о каких-либо явлениях одновременно, не значит, что сами явления являются одновременными: нужно учитывать скорость распространения звуковых и слуховых волн, запаха, скорость передачи информации от органов чувств к мозгу. Фактически, для того чтобы компенсировать несовершенство получения сигналов сенсорной системой, мозг сам решает, какие из внешних событий считать последовательными, а какие – одновременными.

Таким образом, когда мы говорим про одновременность, мы рассматриваем определённый длящийся во времени «момент». В зависимости от обстоятельств и эпистемических целей длительность этого момента может быть разной и зависит не только от возможностей исследователя, но и от рассматриваемых физических величин. Для глобальных событий, разнесённых в пространстве и рассматриваемых в широком диапазоне времени, «одновременно» может значить – в течение нескольких часов, дней или даже лет и веков. В обыденной жизни события рассматриваются как одновременные, если они произошли в течение нескольких минут, секунд, в отдельных ситуациях – в течение долей секунды. Но при исследованиях, где важна точность измерений, события рассматриваются как одновременные только если они произошли в единицу минимально возможного измеряемого интервала времени. Таким образом, поскольку понятие одновременности зависит от технических средств, оно не может являться абсолютным.

Мы показали, что ощущение одновременности основано в первую очередь на механизме, способствующем феноменальному единству тела, совмещающего данные органов чувств, однако восприятие и представление одновременности являются чем-то большим. В следующем разделе мы завершим рассмотрение

ощущений темпоральных отношений анализом восприятия последовательности событий.

3.2.5 Последовательность

В предыдущих разделах мы показали, что восприятие темпорально близких событий как одновременные или последовательные зависит и от ситуации, и от работы самого мозга. Также мы ознакомились с некоторыми данными, характеризующими восприятие событий как одновременные. Чтобы завершить исследование специфики выделенных нами темпоральных отношений, обратимся теперь к нейрофизиологическим данным, связанным с восприятием последовательности.

Как правило, организацию последовательности событий в мозге нейробиологи связывают с фундаментальной особенностью эпизодической памяти²⁶⁷, за которую в первую очередь отвечает гиппокамп. Мы уже упоминали важность гиппокампа для восприятия длительности, однако, судя по всему, роль гиппокампа этим не ограничивается. Гиппокамп необходим как для кодирования, так и для запоминания последовательности событий. Он также имеет решающее значение для запоминания потока событий в различном опыте и при этом перекрывает временные промежутки между несмежными событиями. К. МакДональд с соавторами делают следующий вывод: «Существует устойчивое гиппокампальное представление последовательности воспоминаний, выделенное клетками времени, которые кодируют последовательные моменты во время пустых временных интервалах между ключевыми событиями, также как кодируется местоположения и текущее поведение»²⁶⁸. Это значит, что именно гиппокамп отвечает за ощущение последовательности событий.

Тот же вывод сделали исследователи из Калифорнийского университета в 2014 году. Они предлагали подопытным просмотреть ряд картинок, после чего

²⁶⁷ Tulving E. Précis of elements of episodic memory // Behav. Brain Sci. 1984. № 7. P. 223–268.

²⁶⁸ MacDonald C. J. et al., Hippocampal “Time Cells” Bridge the Gap in Memory for Discontiguous Events // Christopher J MacDonald 1, Kyle Q Lepage, Uri T Eden, Howard Eichenbaum // Neuron. 2011. № 71. P. 737.

повторяли ту же последовательность, но с вопросами. Если последовательность была знакомая, испытуемые отвечали на вопросы быстрее, «предугадывая» контекст. С помощью МРТ учёным удалось установить, что именно гиппокамп отвечает за временной контекст, в то время как другие центры памяти (к примеру, периренальная кора) запоминают только сам объект, безотносительно последовательности, в которой он участвует²⁶⁹.

В 2015-ом году группа учёных представила данные, более подробно раскрывающие механизм восприятия последовательностей. На основе исследования поведения грызунов с изменёнными и неизменными нейрональными цепями учёные делают вывод, что гиппокампально-энторинальные нейронные сети имеют основное, решающее значение для ассоциативного обучения, связанного с определением временной длительности. Они также выделяют клетки медиальной энторинальной коры как наиболее значимые для временного ассоциативного обучения, а островковые клетки в энторинальной коре как наиболее значимые для тонкой настройки этого процесса. В совокупности оба этих пути могут усиливать или ослаблять связь между разнесёнными событиями²⁷⁰.

Таким образом, восприятие последовательности как отдельного темпорального отношения обосновано психофизическими свойствами мозга.

Резюмируя результаты всего параграфа, можно утверждать следующее. Для каждого из темпоральных отношений: ритма, длительности, одновременности и последовательности, – существуют свои механизмы восприятия ещё на уровне ощущений. Каждый из этих механизмов является преимущественно специфичным, то есть направлен на постижение только одного из темпоральных отношений.

Таким образом, мы показали, что для ощущения ритма, длительности, одновременности и последовательности существуют специальные

269 Hsieh L.-T. et al., Hippocampal Activity Patterns Carry Information about Objects in Temporal Context // Neuron. 2014. № 81. P. 1165–1178.

270 Kitamura T., Macdonald C. J., Tonegawa S. Entorhinal-hippocampal neuronal circuits bridge temporally discontiguous events // Learn Mem. 2015. № 22 (9). P. 438–443. P. 441.

нейрофизиологические механизмы. В следующем параграфе мы исследуем организацию восприятия темпоральных отношений внутри темпоральной структуры сознания. Для этого мы обратимся к анализу взаимосвязи восприятия темпоральных отношений друг с другом, а также с самим сознанием.

§3.3 Темпоральные отношения внутри темпоральной структуры сознания

В первом параграфе этой главы мы выделили ритм, длительность, одновременность и последовательность как основные темпоральные отношения, которые организуют опыт внутри темпоральной структуры сознания. Далее мы показали, что ощущение каждого из перечисленных темпоральных отношений преимущественно обусловлено отдельными специфическими механизмами. Теперь нам предстоит завершить реконструкцию темпоральной модели сознания, проанализировав роль и место темпоральных отношений в темпоральной модели сознания. Для этого мы кратко рассмотрим дискуссию о первичности темпоральных отношений, после приведём выдержку из психологических и социокультурных исследований и в завершение перейдём к зависимости восприятия темпоральных отношений друг от друга, а также к важности восприятия темпоральных отношений для темпоральной структуры сознания.

3.3.1 Дискуссия о первичности темпоральных отношений

В первом параграфе этой главы мы уже упоминали исследования различных философов о первичности тех или иных темпоральных отношений для опыта. К примеру, как мы уже отмечали, Бергсон писал, что представление о ритме строится на ощущении длительности, которое он полагал равным самому времени. Гуссерль говорил про то, что последовательность и одновременность как представления конституируются вместе. А Рассел утверждал, что несмотря на

логическую выводимость одновременности из последовательности, опыт одновременности отличен от опыта последовательности.

Но во втором параграфе этой главы мы показали, что для восприятия каждого из исследуемых темпоральных отношений существуют свои специфические механизмы. Значит ли это, что получаемые восприятия не влияют друг на друга? Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, вспомним и проанализируем дискуссию о первичности вышеупомянутых отношений, которая была весьма популярна два века назад и которая до сих пор не является завершённой. Для этого мы обратимся к позициям Дж. Локка и Т. Рида как весьма активных участников этой дискуссии.

Так, Локк полагает, что мы приходим к понятию длительности, размышляя о расстояниях между частями последовательности: «Расстояние между любыми двумя частями этой последовательности, или между возникновениями любых двух идей в нашем уме – это то, что мы называем длительностью»²⁷¹. Другими словами, согласно Локку, длительность порождается последовательностью идей и осмыслением темпорального расстояния между ними. Это приводит Локка к убеждению, что последовательность является более базовым концептом, чем длительность.

Рид считает иначе. Он полагает, что существует концепция длительности, для которой нет необходимости в последовательности идей, а это разительно отличается от позиции Локка, с которой он не согласен: «Мы можем измерить длительность по последовательности мыслей в уме, как мы измеряем длину дюймами или футами; но понятие или идея длительности должны предшествовать её измерению, как понятие длины предшествует измерению длины»²⁷². Согласно Риду, если идея длительности была бы порождением последовательности идей, в

²⁷¹ “The distance between any parts of that succession, or between, the appearance of any two ideas in our minds, is that we call duration”. Locke J. The Works of John Locke, Esq; in Three Volumes. Manship: John Churchill and Sam, 1714. P. 71.

²⁷² “We may measure duration by the succession of thoughts in the mind, as we measure length by inches or feet; but the notion or idea of duration must be antecedent to the mensuration of it, as the notion of length is antecedent to its being measured”. Reid T. The Essay of Intellectual Power of the man // The works of Thomas Reid. Edinburgh: MacLachlan and Stewart, 1952. P. 215–510. P. 349.

результате ощущение длительности зависело бы исключительно от количества следующих друг за другом людей, однако это не так. Более того, Рид настаивает, что Пространство и Время – наиболее простые и оригинальные идеи, и, поскольку они являются для мысли наиболее простыми, то и представление о них (и об их частях, что сводится к постижению протяженности и длительности) должны быть изначально заложены в нашем разуме²⁷³.

Далее из предположения, что наше осознание лишено длительности, он делает вывод, что сама последовательность вовсе не может являться объектом нашего восприятия и сознания. Однако в предыдущей главе мы показали, что текущее настоящее не является мгновенным, оно протяжено во времени и способно вмещать длительные события. Следовательно, поскольку мы полагаем, что текущее настоящее обладает длительностью, аргумент Рида не является убедительным. В этом смысле нам ближе подход Д. Чалмерса, утверждавшего, что всё может являться объектом сознания и, более того, сопровождаться ментальным опытом, т. е. иметь качественное содержание – квалии²⁷⁴. Действительно, и восприятие длительности, и восприятие последовательности, как и прочие темпоральные отношения, могут сопровождаться индивидуальным ментальным опытом подобно восприятию «красноты» или «самости».

Возвращаясь к рассматриваемой дискуссии, мы можем сказать, что несмотря на её продолжительность и множество участников²⁷⁵, не существует общепринятого мнения, какие именно отношения темпорального опыта можно назвать фундаментальными для нашего сознания, а какие являются составными или формируются на основании других переживаний, логики и языковых норм.

273 “I know of no ideas or notions that have a better claim to be accounted simple and original than those of Space and Time. It is essential both to space and time to be made up of parts; but every part is similar to the whole, and of the same nature. Different parts of space, as it has three dimensions, may differ both in figure and in magnitude; but time having only one dimension, its parts can differ only in magnitude; and, as it is one of the simplest objects of thought, the conception of it must be purely the effect of our constitution, and given us by some original power of the mind”. Там же.

274 Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2015. С. 22.

275 Рид и Локк являются одними из наиболее яростных участников упомянутой дискуссии, однако почти все исследователи феноменологии сознания и восприятия времени в той или иной форме в ней участвовали, что можно заметить, например, в первом параграфе этой главы.

Для того чтобы проанализировать соотношение темпоральных отношений и предложить свою точку зрения, обратимся к психологическим, культурологическим и языковым исследованиям, посвящённым этому вопросу.

3.3.2 Психологические и социокультурные исследования восприятия времени

В предыдущем параграфе мы показали, что для каждого из темпоральных отношений существует свой нейрофизиологический механизм восприятия, каждый из которых является преимущественно специфическим. Однако среди философских концепций нет общепринятых мнений о том, какие из темпоральных отношений являются фундаментальными. Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к многочисленным психологическим и социокультурным теориям и экспериментам, посвящённым восприятию времени.

Среди психологических исследований в первую очередь стоит отметить работы Д. Г. Элькина²⁷⁶, С. В. Зиминой²⁷⁷, О. В. Сысоевой²⁷⁸. Как наиболее важные замечания, которые были выдвинуты упомянутыми работами, следует отметить утверждение о различии в восприятии при сознательной и неосознанной оценке длительности. В частности, Сысоева показала существование автоматического механизма кодирования различия в длительности звуковых стимулов при неосознанной оценке длительности. Значимой является и книга Х. Р. Шиффмана «Ощущение и восприятие», где, в частности, он подчёркивает значение ритма и периодических изменений для восприятия времени. Помимо этого, он показывает влияние лекарственных и иных препаратов на восприятие времени, хоть и упоминает, что пока непонятен механизм такого воздействия: является ли подобное следствием влияния на тактильные, визуальные и слуховые ощущения,

276 Элькин Д. Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. 312 с.

277 Зимина С. В. Клинико-характерологические аспекты восприятия времени человеком [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/zimina_kliniko.html (дата обращения: 13.05.2021).

278 Сысоева О. В. Психофизиологические механизмы восприятия времени человеком : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 129 с.

или же влияние нацелено прямо на те механизмы, которые непосредственно связаны с восприятием темпоральных отношений²⁷⁹.

Следующий, не менее важный, блок психологических исследований касается вопроса, является ли восприятие времени врождённым или приобретённым. Восприятие времени у детей исследовали такие ученые, как Д. Б. Эльконин²⁸⁰, А. М. Леушина²⁸¹, Б. С. и Н. В. Волковы²⁸². Эти работы показывают, что изначально ребёнку недоступны временные категории даже на прединтуитивном уровне, поскольку они ограничены незрелостью сенсорной и двигательной систем. Однако с развитием вышеупомянутых систем развиваются и возможности согласованной темпоральной деятельности. Так, Эльконин пишет: «При формировании акта хватания связь между зрительным восприятием и движением устанавливается мгновенно»²⁸³. Такой акт, судя по всему, является первичной формой темпорально-пространственного восприятия, развивая как зрительное и двигательное восприятие, так и темпоральные структуры сознания.

Ещё одним фактором, влияющим на восприятие времени, можно назвать социокультурные особенности. Так, А. А. Леонов и В. И. Лебедев убеждены в том, что восприятие времени во многом зависит от исторического развития человека, а в первую очередь от его трудовой практики²⁸⁴. В. П. Казарян обращает внимание, что само настоящее выступает как социальный акт, некоторое волеизъявление, в то время как прошлое создаёт условия для такого акта, а будущее тесно связано с намерением²⁸⁵. Также выводы о зависимости восприятия времени от социальной реальности, в которой находится человек, можно найти в работах А. Кроника и

279 Schiffman H. R. *Sensation and Perception*. NY.: John Wiley & Sons, 2011. 608 р.

280 Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды: [детская и педагогическая психология]. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

281 Леушина А. М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1974. 368 с.

282 Волков Б. С., Волкова Н. В., Дошкольная психология: психическое развитие от рождения до школы : учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2020. 287 с.

283 Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды: [детская и педагогическая психология]. М.: Педагогика, 1989. С. 124.

284 Леонов А.А., Лебедев В.И. Восприятие пространства и времени в космосе. М.: Наука, 1968. 116 с.

285 Казарян В. П. Социальная наполненность настоящего – ключ к пониманию природы времени // Российский гуманитарный журнал. 2012. №1. С. 6–13.

Е. Головахи²⁸⁶, А. Н. Лоя²⁸⁷, М. С. Яницкого с соавторами²⁸⁸. В этих работах человек рассматривается как элемент общества и как путешественник внутри своего жизненного пути, и как, исходя из его места в обществе, его социального статуса, а также особенностей самого общества, меняется его восприятие времени. Было, в частности, показано, что в зависимости от социальных достижений человек может по-разному оценивать модусы²⁸⁹ и плотность времени, и это также влияет на оценку временных интервалов и даже своего места в потоке времени. В народах, где не развита письменность, но высоко ценится родовая преемственность, современность понимается намного шире. Если для множества людей современность – это пара лет или, в крайнем случае, пара десятков лет назад и вперёд, то для упомянутых народов современность включает в себя жизнь нескольких поколений.

И, наконец, есть ряд исследований, посвящённых тому, как меняется восприятие времени в зависимости от обстоятельств и личного опыта. Так, Т. Н. Березина²⁹⁰ анализирует ряд экспериментов, которые позволяют замедлить или ускорить субъективное восприятие течения времени для неподготовленных людей. Также проводились исследования восприятия времени у музыкантов²⁹¹, спортсменов²⁹² и космонавтов²⁹³. Подобные исследования демонстрируют, что способ оценки таких временных аспектов, как длительность или ритм в первую очередь зависят не от строения мозга, а от переживаемого опыта. Чем чаще человек пытается оценивать длительность, чем сильнее от этого зависит его

286 Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.

287 Лой А. Н. Социально-политическое содержание категорий «время» и «пространство». Киев: Наукова думка, 1978. 135 с.

288 Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 175–180.

289 В рамках одного из упомянутых экспериментов исследуемому предлагали оценить значимость прошлого и будущего. Эта оценка, как оказалась, зависит не столько от возраста, сколько от социального статуса, достижений и т.п.

290 Березина Т. Н. Ускорение и замедление внутреннего времени в измененных состояниях сознания // Психология и психотехника. 2012. № 9 (48). С. 57–70.

291 Беспалов Б. И., Леонов С. В., Кнох Э. С. Характеристики чувства времени у учащихся музыкальных училищ // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/907-bespalov32.html> (дата обращения: 13.05.2021).

292 Шин В. С.. Развитие и тренировка восприятия времени в спортивной деятельности (На материалах бокса): Дис. канд. психол. наук. СПб., 1999. 136 с.

293 Леонов А. А., Лебедев В. И. Восприятие пространства и времени в космосе. М.: Наука, 1968. 116 с.

жизнь, тем точнее его оценка. При этом в отдельных критических ситуациях, сопровождаемых сильной эмоциональной реакцией, оценка течения времени может быть сильно ускорена²⁹⁴, но с помощью регулярных тренировок подобного эффекта удаётся избежать.

Нейрофизиологические, психологические и социокультурные исследования продолжаются, но ясно, что несмотря на то, что для каждого из отношений темпорального опыта существует свой нейрофизиологический механизм восприятия, особенности восприятия времени, и, в частности, точность восприятия таких темпоральных отношений как ритм или одновременность, может меняться в зависимости от социокультурного и личного опыта человека.

3.3.3 Связь языковой структуры и темпоральной структуры сознания

В предыдущем разделе мы кратко рассмотрели ряд исследований, которые демонстрируют влияние опыта и социокультурных особенностей на восприятие темпоральных отношений. Ярким примером подобного влияния являются представления о времени у таких народов, как пираха, амондава и некоторых других. Д. Эверетт²⁹⁵ делает акцент на особенностях такого понятия, как «граница восприятия», сравнивая племя пираха с детьми, которым доступно лишь то, что попадает внутрь границы восприятия. Из этого некоторыми исследователями и журналистами делается вывод о «принципиально ином способе восприятия времени», что, безусловно, является преувеличением: ничего «принципиально иного» Эверетт, по его собственному убеждению, не обнаружил. Сравнения восприятия пираха и восприятия детей неслучайно: фактически, они просто не обладают развитым восприятием прошлого и будущего, и это происходит в том числе потому, что в условиях их жизни подобное развитое восприятие не несёт особых преимуществ. Тем не менее, такая проблематика позволила поставить

294 Имеются в виду случаи, когда кажется, что прошло намного больше времени, чем в реальности, т.н. эффект «остановки времени».

295 Everett D. Don't Sleep: There are Snakes. Life and Language in the Amazon Jungle. NY: Pantheon Books, 2008.

важный вопрос о влиянии языковой структуры на темпоральную структуру сознания и, в частности, на рассматриваемые нами темпоральные отношения.

Среди исследователей наиболее полно и аргументировано своё мнение по высказанному вопросу высказывали Д. Меллор и Н. Оаклендер. Проанализируем их точки зрения, для того чтобы сделать вывод о значимости языковой структуры для восприятия темпоральных отношений.

Меллор в работе «Реальное время», посвящённой важности связи временного и причинного порядков, рассматривает, каким образом в нашем опыте отражен тот факт, что одно событие предшествует другому: «Сначала я должен увидеть *e*, а затем *e**, мое видение *e* как-то вспоминается при моем видении *e**. То есть мое видение *e* влияет на мое видение *e**: именно это заставляет меня – правильно или неправильно – видеть, что *e* предшествует *e**, а не наоборот. Но видеть, что *e* предшествует *e**, означает видеть *e* первым»²⁹⁶. Это рассуждение приводит его к заключению, что причинный порядок, который соответствует необходимому восприятию, фиксирует временной порядок восприятий, то есть именно восприятие временного порядка требует темпорально упорядоченных восприятий, а не наоборот. Меллор предполагает, что именно требование, чтобы восприятие времени обладало временным порядком, а восприятие временных отношений обладало некоторой темпоральной структурой, делает временное восприятие особенным среди всех прочих восприятий: восприятие прочих, нетемпоральных отношений не требует наличного представления этих отношений. Так, восприятие формы не обязательно должно иметь форму, а восприятие цвета – цвет.

Признавая закономерность последнего утверждения, обратим внимание на следующий момент. Мы видим, что Меллор жёстко связывает причинный порядок восприятий и временной порядок. Действительно, трудно спорить с тем фактом, что в восприятии предшествования одного события другому или следования одного события за другим ключевым является время восприятий. Но хотелось бы

296 Mellor D. H. Real Time. Cambridge & New York: Cambridge UP, 1981. P. 8.

заметить, что существуют и инверсии последовательности событий, которые были упомянуты при анализе одновременности в предыдущем параграфе. К примеру, между щелчком выключателя и включением света проходит заметный интервал времени, однако мы часто оцениваем эти события как одновременные. Бывает и иначе: мы сначала видим, как включается свет, и только потом слышим щелчок выключателя, но мозг исправляет причинную последовательность, выстраивая события внутри текущего настоящего в правильном причинном порядке. При чтении онлайн-сообщений часто происходит забавная инверсия: несмотря на то, что читается сообщение последовательно, от начала до конца, нередки ситуации, когда читающий отвечает наоборот: сначала на конец сообщения и только потом на начальные фразы. И это не говоря о тех случаях, когда мы сначала узнаём о том, что произошло недавнее событие, и только потом узнаём о более давнем событии, но, в результате, всё равно можем правильно определить их порядок.

Исходя из этого, мы можем поставить вопрос: к чему относится необходимость причинного порядка, описанная Меллором, – к ощущению на уровне кажущегося настоящего или к представлению, то есть к организации темпорального опыта на уровне текущего настоящего?

Предположим, что необходимость причинного порядка восприятий находится на уровне кажущегося настоящего и относится к ощущению. Однако, как мы показывали выше, не всегда последовательные восприятия порождают восприятие последовательности. Последовательность восприятия в данном случае является лишь одним из факторов, которые позволяют на состояниях сознания низшего порядка предоставить первичные данные о временной последовательности.

Предположим также, что такая необходимость возникает на уровне текущего настоящего и относится к представлениям. Однако в этом смысле важен не столько порядок восприятия как знание, что событие *e* является причиной события *e**. Если же такое знание является ошибочным (к примеру, ветер подул,

потому что деревья закачались), то и представление о порядке событий тоже будет неверным.

Из этого мы можем сделать вывод, что порядок восприятий имеет значение, однако это значение не абсолютно: и на уровнях сознания низшего порядка, и на уровнях сознания высшего порядка присутствуют компенсаторные механизмы, которые корректируют и ощущения, и представления.

Ещё одним важным фактором для определения темпоральных отношений является наделение тех или иных высказываний грамматическим временем (*tense*), или, говоря иначе, овременение. Действительно ли тот факт, что мы можем говорить о событиях в прошедшем времени или в будущем времени, влияет на возможности нашего восприятия?

Меллор предполагает, что концепция времени, а также концепция грамматического времени необходима агентам для того, чтобы они могли совершать действия в нужное время. Он демонстрирует это на примере события «я включил телевизор, чтобы посмотреть телевизионное событие *E*». Он предполагает, что местоположение *E* в В-серии по терминологии МакТагтарта²⁹⁷, т. е. его безвременное представление $t(E)$ известно. Но Меллор убежден, что наличие знания о местоположении события не влияет на поведение до тех пор, пока не происходит соотнесения В-серии с А-серий, то есть, к примеру, пока он не вспомнит, что это событие должно произойти или происходит прямо сейчас. Таким образом, он приходит к выводу, что только верное соотнесение обеих серий событий приводит к успешному, эффективному поведению²⁹⁸. Заметим, что порядок расположения событий в В-серии устанавливается в первую очередь представлением темпоральных отношений длительности и последовательности. В свою очередь, осознание того, что является настоящим, тесно связано именно с ощущением «сейчас» и ощущением одновременности между «сейчас» и некоторой временной отметкой, которая имеет представление в В-серии.

²⁹⁷ Местоположение *E* в В-серии предусматривает только отношение раньше/позже, без отсылок к настоящему. Это возможно, к примеру, при знании телевизионной программы.

²⁹⁸ Mellor D. H. Transcendental Tense // Aristotelian Society Supplementary. 1998. Vol. 72 (1). P. 33.

Это вполне согласуется с позицией Н. Оаклендера, который убеждён в том, что для своевременных действий действительно необходим дискурс с грамматическими категориями времени. Но он замечает, что при этом не обязательно представлять факты с помощью грамматических времен. Он полагает, что это можно объяснить возможностью метаязыка, который описывает неизменные темпоральные отношения между событиями, то есть их отношения раньше и позже²⁹⁹. С этим трудно поспорить: если временные отношения различных событий являются действительно неизменными, то овременение, т. е. оформление высказывания с помощью грамматического времени, не даёт ни новой информации, ни новых фактов.

Исходя из позиций Меллора и Оаклендера, мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на важность использования грамматического времени для вынесения верного суждения о темпоральности фактов и, в частности, об их внутренних отношениях (таких как последовательность или одновременность), можно заключить, что подобное овременение хотя и является частью восприятия, по своей сути представляет собой концептуальную метанадстройку для уже существующих восприятий. В свою очередь, именно ощущение позволяет нам точно и в нужное время правильно использовать предложения, использующие грамматическое время.

Итак, мы рассмотрели концепции Меллора и Оаклендера, которые привели нас к убеждению о возможности отделения концептуальной надстройки от базового восприятия, или даже ощущения. Это позволяет нам сделать предположение, что существует значительная разница между ощущением темпоральных отношений и представлением темпоральных отношений, притом что и ощущение, и представление – это части восприятия. Тем не менее, если ощущение дано нам на уровне непосредственного воздействия на нашу сенсорную систему и принадлежит кажущемуся настоящему, то представление

²⁹⁹ Oaklander N. L. A defense of the new tenseless theory of time // The Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 41 (162). P. 27. «Tensed discourse is indeed necessary for timely action, but tensed facts are not, since the truth conditions of tensed sentences can be expressed in a tenseless metalanguage that describes unchanging temporal relations between and among events».

дано нам на уровне текущего настоящего как осознанная форма организации событий, то есть как результат некоторого осознания. Для того чтобы избежать смешения кажущегося настоящего и текущего настоящего, необходимо различать ощущение длительности и осознание длительности; ощущение ритма и осознание ритма; ощущение одновременности и осознание одновременности; ощущение последовательности и осознание последовательности. Наша гипотеза заключается в следующем: несмотря на то, что осознание любого темпорального отношения во многом строится на ощущении, соответствующем этому темпоральному отношению, оно также может основываться и на комбинации восприятия прочих темпоральных отношений.

Надо сказать, что идея о выделении ощущения внутри восприятия от представлений не нова. Более того, эта идея уже была применена к восприятию темпоральных отношений, в частности, к длительности, советским философом и психологом С. Л. Рубинштейном. Он утверждал, что в восприятии времени мы различаем ощущение длительности, которое обусловлено «висцеральной чувствительностью», и само восприятие времени, которое развивается на основе этого ощущения и которое включает восприятие длительности и последовательности³⁰⁰. Однако в предыдущем параграфе мы показали, что существуют как минимум четыре основных ощущения, связанных с восприятием времени: ощущение ритма, длительности, одновременности и последовательности. Возможно, подобно тому, что мы можем выделить кажущееся настоящее для состояний сознания низшего порядка и текущее настоящее для состояний сознания высшего порядка, мы можем для состояний сознания низшего порядка выделить ощущения, а для состояний высшего порядка – представления.

Теперь нам предстоит предположить, как именно восприятие темпоральных отношений на уровне представлений зависят друг от друга. Этому мы и посветим следующий раздел.

300 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Издательство: Питер, 2002. С. 301–302.

3.3.4 Взаимосвязь представлений отношений темпорального опыта

В предыдущем разделе мы высказали предположение, что на уровне представлений восприятия темпоральных отношений могут быть связаны. В этом разделе мы попробуем проанализировать их возможную логическую связь.

1. Ритм и длительность

Возможно ли представление ритма на основании имеющегося представления длительности? Поскольку мы с помощью ощущения длительности можем осознать длительность промежутка, то и определить равенство длительности промежутков возможно на основании известной длительности, которая, в свою очередь, может быть построена на основании ощущения длительности.

Попробуем теперь ответить на обратный вопрос: возможно ли представление длительности события на основании представления ритма внутри *этого* события? Ответ на этот вопрос мы тоже считаем положительным. В этом случае определение длительности произойдёт с помощью определения количества периодических событий, как мы это регулярно делаем, измеряя время в оборотах минутной или часовой стрелки, или же оборотах Земли.

Итак, на уровне представлений ритм и длительность могут быть выражены друг через друга. Теперь перейдём к одновременности и последовательности.

Отношение одновременности между двумя событиями мы осознаём тогда, когда для этих событий существует общий темпоральный опыт, который и порождает ощущение одновременности. При этом надо отметить, что одновременность может быть полной (события во времени полностью совпадают), вложенной (время одного события включает в себя другое) или частичной (время одного события частично совпадает со временем другого). Частным случаем одновременности двух событий мы назовём и такую ситуацию, когда оба события имеют общим и точечный темпоральный опыт, который может совпадать с начальной точкой одного и конечного точкой другого события.

2. Длительность и одновременность

Если для двух событий существует общий темпоральный опыт, то это равнозначно тому, что длительность минимального по продолжительности события, включающего в себя темпоральный опыт обоих таких событий, будет меньше, чем сумма длительности этих двух событий по отдельности. Таким образом, мы можем выразить представление одновременности с помощью длительности.

3. Одновременность и последовательность

Напомним, что под последовательностью мы пониманием отношение событий, когда они следуют одно за другим и не имеют общего темпорального опыта, т. е. не являются одновременными. В общем случае это значит, что если нам дана информация о том, что некоторые события мы можем назвать последовательными, а некоторые – нет, то мы можем сделать заключение о присутствии или отсутствии одновременности для некоторых из них. Если для двух событий выполняется отношение последовательности, то одновременности для этих двух событий быть не может. Намного более интересен вопрос, возможно ли выразить представление последовательности через одновременность? На первый взгляд может показаться, что это так: сам факт отсутствия одновременности является свидетельством того, что последовательность возможна. Однако при этом неясно, какое из событий следует за другим. Другими словами, мы знаем, что эти события образуют отношение последовательности, но какое оно – это нам неизвестно. Это значит, что только в том случае, когда нам известен порядок событий, мы можем из представления одновременности получить представление последовательности.

Мы показали, как некоторые представления можно получить с помощью других представлений. Это даёт нам возможность предположить, что несмотря на то, что на уровне ощущений механизмы восприятия отдельных темпоральных отношений могут быть специфичны, на уровне представлений восприятие темпоральных отношений может зависеть друг от друга. Этим можно объяснить

компенсаторную деятельность сознания, когда какой-то из рассмотренных специфичных механизмов оказывается нарушенным, но итоговое восприятие всё равно присутствует. Однако существуют и те случаи, когда восприятие не может быть скомпенсировано. Их мы и рассмотрим в следующем разделе.

3.5 Нарушения темпорального восприятия

Мы рассмотрели связь представлений темпоральных отношений между собой. В данном разделе мы рассмотрим значение темпоральных отношений для темпоральной структуры сознания на примере многочисленных исследований, посвящённых нарушению восприятия времени.

Выше мы уже упоминали личный опыт как то, что влияет на формирование особенностей темпоральных отношений. Однако он может не только несколько изменить оттенки восприятия времени, но и привести к нарушению самой темпоральной структуры восприятия. Е. Г. Алексеенкова приводит множество эмпирических фактов сенсорной и когнитивной депривации, связанных с нарушением восприятия времени³⁰¹. Она пишет про многочисленные факты изменения состояния сознания лётчиков в условиях длительных полетов. Одиночество и монотонность среды действуют угнетающе, особенно в сочетании с однообразной местностью, к примеру, при полётах над Антарктидой. Угнетающие воздействия были замечены не только у лётчиков, но и у полярных исследователей, живущих в однообразной среде. Алексеенкова приводит данные, что с увеличением срока пребывания в экспедиционных условиях у полярников нарастает общая слабость, замкнутость, депрессия. У более чем 40% обследуемых жителей города Норильска, живущих в условиях полярной ночи, наблюдается повышенная тревожность. Подобные ощущения также распространены среди космонавтов и моряков-подводников, живущих в условиях равномерного шума и однообразности окружения.

301 Алексеенкова Е. Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие. СПб: Питер, 2009. 96 с.

Также Алексеенкова описывает эксперимент, проведённый сотрудниками Д. Хебба в университете Мак-Гилла в 1957 году, когда группе студентов колледжа платили деньги за то, чтобы они «ничего не делали». Удобная кровать, полупрозрачная повязка, позволяющая видеть рассеянный свет, лёгкий шум через наушники, а также перчатки уже через несколько часов приводили к затруднению целенаправленной мозговой деятельности, потере внимания, повышали внушаемость и раздражительность. Способность решать простые умственные задачи снижалась, причём подобный эффект сохранялся еще до суток после завершения изоляции. Большинство студентов не смогло выдержать такие условия больше 72 часов, у оставшихся стали развиваться бредовые идеи и яркие галлюцинации. Подобные эффекты достигались и в камерах сенсорной депривации через 2–3 часа.

Все эти исследования позволяют нам сделать вывод, что как естественные, так и искусственные ограничения поступления стимулов для нервной системы приводят к тому, что построение когнитивных моделей взаимодействия с внешним миром становится более трудным, а в случае, если сенсорная депривация происходит до формирования устойчивых концепций темпоральной структуры, и вовсе невозможной³⁰².

Действительно, одним из постоянных спутников сенсорной депривации является изменение восприятия времени. В частности, большие временные интервалы в несколько недель или месяцев люди недооценивают, при восприятии малых временных интервалов наблюдается как переоценка, так недооценка реального времени. Суточный ритм нарушается, человек может прийти к 28-часовому или 48-часовому ритму, физиологические процессы рассогласовываются, период сна перестаёт сопровождаться уменьшением частоты сердечных сокращений, т. е. происходит нарушение не только восприятия последовательности событий, но и базовых физиологических ощущений ритма и длительности. Но есть и способы этого избежать.

302 Там же. С. 18.

В. И. Лебедев и А. А. Леонов³⁰³ подчёркивают, что даже подготовленный человек с развитым чувством времени в условиях космоса, то есть при невесомости, длительной изоляции, ограниченной подвижности, эмоциональном и волевом напряжении, – сталкивается с проблемой адекватного отражения как пространственных, так и временных отношений. При этом от адекватности такого отражения зачастую зависит эффективность работы космонавта, а иногда и собственная жизнь. Анализируя особенности восприятия времени, указанные авторы приходят к выводу, что в первую очередь эти восприятия зависят от социально-исторической и личной практики человека. Для доказательства этого утверждения авторы приводят как утверждения М. Лоббана о том, что первобытный человек жил в настоящем, поскольку и его трудовой процесс происходил преимущественно в настоящем, так и представления Д. Г. Элькина, что историческое развитие восприятия времени – это развитие в первую очередь трудовой деятельности. Что касается личного опыта, то Лебедев и Леонов упоминают эксперименты, свидетельствующие, что после некоторого количества тренировок космонавты начинают оценивать временные промежутки верно, приспосабливаясь к нестандартным ситуациям, таким как невесомость.

Есть и другие методики, направленные на сохранение адекватности представлений о времени и сохранение полноценной психической деятельности в особых условиях. Лебедев, в частности, предлагает использовать экран с имитацией смены дня и ночи для сохранения временной привязки организма³⁰⁴ или музыку для разрядки нервной системы человека в условиях его усталости и ограниченности внешних впечатлений³⁰⁵. Если первый эффект даёт некоторую «опору» во времени, то второй можно объяснить тем, что музыкальный опыт захватывает всю темпоральную структуру, затрагивает все аспекты восприятия и представления времени.

303 Леонов А. А., Лебедев В. И. Восприятие пространства и времени в космосе [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1968. 116 с. URL: <http://www.astronaut.ru/bookcase/books/leonov01/leonov01.htm> (дата обращения: 13.05.2021).

304 Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: Юнити-Дана, 2002. 407 с.

305 Там же.

Но помимо вынужденной сенсорной и психической депривации в условиях космоса или иных трудовых профессий определённый интерес представляют существующие механизмы влияния на сознание, использующие особенности темпорального восприятия. К примеру, дезориентация во времени и пространстве является одним из способов контроля сознания, который способен привести к нарушению ориентации, включая ориентацию в собственной личности³⁰⁶. Причинами нарушения темпорального восприятия могут служить не только социальная или сенсорная депривации, но и психические нарушения и болезни. Так, представитель нейрофеноменологии Ш. Галлахер обращает внимание как на нарушения восприятия длительности времени при депрессии, так и на нарушение восприятия модусов времени (прошлого, будущего, настоящего) при посттравматических расстройствах³⁰⁷.

Подведём итоги. Ранее мы демонстрировали, что любой опыт, получаемый нами, неизменно сопровождается темпоральной составляющей, основанной на темпоральной структуре нашего сознания. Однако, как мы видим из приведённых примеров, верно и обратно: темпоральная составляющая нашего опыта влияет на саму структуру нашего сознания. Восприятие (как ощущение, так и представление) темпоральных отношений является фундаментальным и функционально необходимым для существования темпоральной структуры сознания, внутри которой нам и доступен любой темпоральный опыт. Таким образом, мы показали, что темпоральная структура сознания не является случайной и все её исследуемые компоненты (кажущееся настоящее, текущее настоящее, событие как элементарный темпоральный опыт и темпоральные отношения как способ организации темпорального опыта) составляют единое целое.

306 Винник Д. В. Сознание в физической реальности. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 211 с.
307 Gallagher S. Time, Emotion, and Depression // Emotion Review. 2012. № 4 (2). P. 127–132.

В данной главе мы исследовали основные темпоральные отношения и их взаимосвязь как друг с другом, так и с нашим сознанием. Среди основных темпоральных отношений мы выделили ритм, длительность, одновременность и последовательность.

Мы показали, что на уровне ощущений для восприятия ритма, длительности, одновременности и последовательности существуют специальные нейрофизиологические и психологические механизмы, которые являются преимущественно специфическими и которые формируют данное нам восприятие темпорального опыта, включая всевозможные темпоральные иллюзии. Также было сделано предположение, что на уровне представлений восприятие длительности, одновременности и последовательности могут зависеть друг от друга. Этому могут способствовать логические связи темпоральных отношений, а также языковая темпоральная структура, которая, в частности, включает в себя концепцию грамматических времён. Наконец мы показали важность восприятия темпоральных отношений для самого существования темпоральной структуры сознания. Восприятие темпоральных отношений, включающее как ощущение, так и представление темпоральных отношений, является фундаментальным для темпоральной структуры сознания, внутри которой нам и доступен любой темпоральный опыт.

Заключение

Попытки познать то, как мы воспринимаем время, никогда не были сугубо философскими или исключительно естественно-научными. Всегда (или почти всегда) было понимание, что время имеет двойственную природу: и как часть мира вокруг нас, и как неизменная особенность нашего сознания. Естественно, каждый учёный рассматривал восприятие времени в рамках представлений своей эпохи и использовал популярные подходы, что отражается на разрозненности экспериментов и отсутствии некоего единого, цельного представления. При этом понимание нашего восприятия времени менялось вместе с нашим пониманием времени. Сейчас мы находимся в переходном периоде, в котором признаны одновременно как общая теория относительности, так и квантовая теория, в каждой из которых существует своё понятие времени и своё представление о его свойствах. Есть надежда, что Теория Всего, над которой сейчас работают физики, позволит сформировать единое научное представление о времени, но вряд ли подобный научный прорыв будет совершён в ближайшем будущем.

С другой стороны, сейчас наблюдается тенденция к междисциплинарным исследованиям. Всё чаще представители разных наук объединяются для создания единой теории, применимой к разным сферам знания. Поскольку восприятие и сознание времени было и остается в первую очередь предметом философии, можно предположить, что именно философия как мета наука сможет объединить разрозненные исследования под эгидой единого научно-философского представления о темпоральной структуре сознания, что позволит в дальнейшем проводить научные изыскания более успешно. Основная цель настоящего исследования, заключающаяся в разработке модели темпоральной структуры сознания, отвечающей современным эмпирическим и теоретическим данным различных конкретно-научных дисциплин и обладающей достаточной степенью

теоретической полноты, определила задачи исследования, последовательно решённые в ходе диссертационного исследования.

В первой главе данного исследования в рамках решения его первой задачи, которая сводилась к необходимости показать, что любой темпоральный опыт воспринимается и осознаётся именно в рамках темпоральной структуры сознания, были рассмотрены и проанализированы основные концепции восприятия и сознания времени. Были выделены основные проблемы, понятия и методы изучения означенной проблемы. Выявлена неявная предпосылка для рассматриваемых философских исследований о существовании некоторой темпоральной структуры сознания для возможности восприятия и осознания времени. Основной результат этой главы – это выявление того факта, что именно осознаваемое настоящее и является темпоральной основой нашего сознания, внутри которого мы переживаем, воспринимаем и сознаём любой опыт.

Для решения второй задачи, заключающейся в анализе наиболее популярных моделей сознания, а также анализе критических замечаний в их адрес, во второй главе были подробно рассмотрены кинематографическая, экстенсиональная и ретенциональная модель, а также некоторые их вариации. Была проанализирована критика Дж. Д. Мэббота в адрес понятия «кажущееся настоящее». Проведена классификация замечаний, которая явно демонстрирует, что критика, направленная на исследуемые модели, направлена не только на сами модели, сколько на лежащее в их основе понятие «кажущегося настоящего» для описания работы сознания. Вместе с тем показано, что для описания частных особенностей восприятия подходит как само понятие «кажущееся настоящее», так и приведённые модели.

Это привело нас к решению третьей задачи – предложению собственной темпоральной модели сознания, которая, в свою очередь, основана на таких концепциях, как концепция «текущего настоящего» Д. И. Дубровского и концепция «настоящего высокоуровневого сознания» Дж. Эдельмана. Продемонстрировано, что совместное использование предлагаемой темпоральной

модели и существующих моделей не только возможно, но и приводит к разрешению противоречий, связанных с одновременным восприятием темпорального опыта как дискретного и непрерывного. Таким образом, мы подошли к решению четвёртой задачи – выделению событий как основных структурных элементов воспринимаемого и осознаваемого опыта. Показано, что события представляют собой фрагменты темпорального опыта, выделенные на основании некоторого предметного или смыслового единства. В каждом событии можно выделить концептуальную часть, основанную на смысловом единстве, и перцептивную часть, основанную на схожести получаемых органами чувств стимулов. Функционально именно разделение темпорального опыта на отдельные события позволяет нам взаимодействовать с полученным опытом на уровне сознания.

Наконец третья глава была посвящена последней задаче – выявлению основных темпоральных отношений. Были выявлены ритм, длительность, одновременность и последовательность как наиболее фундаментальные темпоральные отношения для нашей темпоральной структуры сознания. Для каждого из указанных темпоральных отношений существуют преимущественно специфичные механизмы восприятия. Однако весьма вероятно, что на уровне представлений восприятия отдельных темпоральных отношений могут влиять друг на друга. Показано также, что восприятие темпоральных отношений является необходимым для существования темпоральной структуры сознания.

Подводя итоги, можно сделать вывод: все обозначенные во введении данного исследования задачи были решены, что позволило нам достичь поставленную цель, предложив собственную модель темпоральной структуры сознания. Однако было бы ошибочно утверждать, что исследование темпоральной структуры сознания на этом может быть завершено. Так, в этой работе показаны только основные элементы и отношения темпоральной структуры сознания. Не рассмотрены подробно и такие элементы нашего сознания, как память или воображение. Недостаточно нейрофизиологических данных, чтобы подробно

установить связь между кажущимся настоящим и текущим настоящим. Взаимозависимость восприятия темпоральных отношений лишь показана возможной, но это предстоит ещё доказать или опровергнуть. Наконец, несмотря на установленное значение темпоральной структуры сознания для нашего сознания, остаётся открытым вопрос о природе сознания и о связи темпоральной структуры сознания с природой сознания.

Все эти вопросы являются достойным вызовом для дальнейших исследований. И если мы продвинемся на этом пути, то мы станем чуть ближе к решению как «лёгких», так и «трудной» проблем сознания.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Исповедь / Бл. Августин. – СПб : Наука, 2013. – 376 с.
2. Аксёнов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространства. Историко-научное исследование / Г. П. Аксёнов. – М. : ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2006. – 392 с.
3. Алексеенкова Е. Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие / Е. Г. Алексеенкова. – СПб. : Питер, 2009. – 96 с.
4. Алдошина И. И. Основы психоакустики, часть 1 / И. И. Алдошина // Звукорежиссер. – 1999. – № 6. – 151 с.
5. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Многоуровневое темпоральное строение реальности / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева // Вопросы философии. – 2007. – № 12. – С. 81–96.
6. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. I. / Аристотель ; ред. В. Ф. Асмус. – М. : «Мысль», 1976. – 436 с.
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. III. / Аристотель ; ред. И. В. Рожанский. – М. : «Мысль», 1981. – 613 с.
9. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Аристотель ; пер. на рус. Е. В. Алымовой. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2004. – 183 с.
10. Арушанян Э. Б., Попов А. В. Современные представления о роли супрахиазматических ядер гипоталамуса в организации суточного периодизма физиологических функций / Э. Б. Арушанян, А. В. Попов // Успехи физиологических наук. – 2011. – Т. 42. – № 4. – С. 39–58.
11. Аскольдов С. А. Время и его преодоление / С. А. Аскольдов // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 80–97.
12. Аскольдов С. А. Время и его религиозный смысл / С. А. Аскольдов // Вопросы философии и психологии. – 1913. – Кн. 117 (II). – С. 137–173.
13. Бейкер Л. Р. Два вида единства: осознанное ощущение и его субъект / Л. Р. Бейкер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2015. – Т. 18. – С. 15–27.
14. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон ; пер. с фр. – Мин. : Харвест, 1999. – 1408 с.

15. Бергсон А. Собрание сочинений. Т. I. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память / А. Бергсон ; пер. с фр. – М. : Московский клуб, 1992. 336 с.
16. Бергсон А. Длительность и одновременность / А. Бергсон ; пер. с фр. – СПб. : Academia, 1923. 154 с.
17. Березина Т. Н. Ускорение и замедление внутреннего времени в измененных состояниях сознания / Т. Н. Березина // Психология и психотехника. – 2012. – № 9 (48). – С. 57–70.
18. Беспалов Б. И., Леонов С. В., Кнох Э. С. Характеристики чувства времени у учащихся музыкальных училищ / Б. И. Беспалов, С. В. Леонов, Э. С. Кнох // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 32. – С. 1–16.
19. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
20. Винник Д. В. Сознание в физической реальности / Д. В. Винник. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. – 211 с.
21. Волков Б. С., Волкова Н. В., Дошкольная психология: Психическое развитие от рождения до школы: учебное пособие для вузов / Б. С. Волков, Н. В. Волкова. – М. : Академический Проект, 2020. – 287 с.
22. Гайденко П. П. Эрнст Мах в контексте философии конца XIX – начала XX века / П. П. Гайденко // Метафизика. – 2016. – № 3 (21). – С. 13–27.
23. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. Г. Шпета. – СПб. : Наука, 1992. – XLVII. – 444 с.
24. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности / Е. И. Головаха. А. А. Кроник. – Киев : Наукова думка, 1984. – 209 с.
25. Гринфилд С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката / С. Гринфилд. – СПб. : Питер, 2018. – 240 с.
26. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени / А. Грюнбаум ; пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – М. : Прогресс, 1969. – 591 с.
27. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : РИГ «ЛОГОС», 1994. – 162 с.
28. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. III. Логические исследования. Т. II. / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 576 с.
29. Гюйо М., Происхождение идеи времени / М. Гюйо ; пер. Н. Южина. – СПб. : Тип. т-ва «Народная Польза», 1899. – 372 с.

30. Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз ; пер. с фр. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
31. Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. ; общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. – М. : Республика, 2000. – 315 с.
32. Джеймс У. Психология / У. Джеймс ; под ред. Л. А. Петровской. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.
33. Дубровский Д. И. Нейрофилософия и проблема сознания / Д. И. Дубровский // Философские науки. 2015. № 11. С. 9–22.
34. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики / Д. И. Дубровский. – М. : Наука, 1971. – 387 с.
35. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д. И. Дубровский. – М. : Канон+, 2002. – 368 с.
36. Зимина С. В. Клинико-характерологические аспекты восприятия времени человеком [Электронный ресурс] / С. В. Зимина. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/zimina_kliniko.html (дата обращения: 25.06.2020).
37. Ивин А. А. Истина в потоке времени: философский и логический анализ: монография / А. А. Ивин. – М., Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 363 с.
38. Ивин А. А. Модальные теории Я. Лукасевича: монография / А. А. Ивин. – М. : Институт философии РАН, 2001. – 176 с.
39. Казарян В. П. Социальная наполненность настоящего – ключ к пониманию природы времени / В. П. Казарян // Российский гуманитарный журнал. 2012. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napolnenost-nastoyaschego-klyuch-k-ponimaniyu-prirody-vremeni> (дата обращения: 31.03.2021).
40. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
41. Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа / Т. Х. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 4 (121). – С. 158–171.
42. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : УРСС, 2007. – 272 с.

43. Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции / В. И. Лебедев. – М. : Юнити-Дана, 2002. – 291 с [Электронный ресурс]. URL : <https://coollib.com/b/424883-vladimir-ivanovich-lebedev-psihologiya-i-psihopatologiya-odinochestva-i-gruppovoy-izolyatsii/read> (дата обращения: 10.10.2019)
44. Леонов А. А., Лебедев В. И. Восприятие пространства и времени в космосе / А. А. Леонов, В. И. Лебедев. – М. : Наука, 1968. – 116 с [Электронный ресурс]. URL: <http://www.astronaut.ru/bookcase/books/leonov01/leonov01.htm> (дата обращения: 13.05.2021).
45. Леушкина А. М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста / А. М. Леушкина. – М. : Просвещение, 1974. – 368 с.
46. Лой А. Н. Социально-политическое содержание категорий «время» и «пространство» / А. Н. Лой. – Киев : Наукова думка, 1978. – 135 с.
47. Лоренц Г. А. Электромагнитные явления в системе, движущейся с любой скоростью, меньшей, чем скорость света / Г. А. Лоренц // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А.Эйнштейн, Г.А. Лоренц, Г. Минковский. – Ленинград: ОНТИ, 1935. – С. 16–50.
48. МакТагgart Дж. Э. Нереальность времени / Дж. Э. МакТагgart ; пер. А. А. Веретенникова // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 211–228.
49. Мах Э. Познание и заблуждение / Э. Мах. – М.: Изд-во С. Скирмунта, 1909. – 471 с.
50. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. – СПб. : Ювента, Наука, 1999. – 605 с.
51. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии: монография / В. И. Молчанов. – М. : Высш. шк., 1998. – 144 с.
52. Новиков Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона / Ю. Новиков // Метафизика. – 2013. – № 5 (7). – С. 21–28.
53. Ньютона И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютона ; пер. и прим. А. Н. Крылова. – М. : Наука, 1989. – 688 с.
54. Печенкова Е. В. Переключения внимания при восприятии одновременности событий / Е. В. Печенкова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyucheniya-vnimaniya-pri-vospriyatiii-odnovremennosti-sobytiyu> (дата обращения: 02.03.2021)
55. Полевщикова М. М., Роженцов В. В., Шабрукова Н. П., Матвеев Р. Ю. Метрологическое обоснование совершенствования способов оценки уровня

развития выносливости / М. М. Полевщикова, В. В. Роженцов, Н. П. Шабрукова, Р. Ю. Матвеев // Вестник ЮурГУ. – 2009. – № 39. – С. 137–141.

56. Рассел Б. Об опыте времени / Б. Рассел // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 29–44.

57. Рейхенбах Г. Направление времени / Г. Рейхенбах ; пер. с англ. ; изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.

58. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Издательство «Питер», 2002. – 720 с.

59. Руни Э. История физики. От натурфилософии к загадкам темной материи / Э. Руни. –Litres, 2019. – 207 с.

60. Смирнова Н. М. Антропоцентризм / Н. М. Смирнова // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7223> (дата обращения: 13.02.2021).

61. Солоненко М. А. Проблема восприятия времени: эволюционно-эпистемологический анализ : дис. ... кандидата философских наук / М. А. Солоненко. – М., 2013. – 146 с.

62. Сторожук А. Ю. Человеческое, слишком человеческое: препятствия на пути к «теории всего» / А. Ю. Сторожук // Философия науки. – 2017. – № 2 (3). – С. 60–65.

63. Спектор Д. М. Время и трансцендентальный субъект. Кант и Гегель / Д. М. Спектор // Философская мысль. 2017. № 10. С. 18–33.

64. Сысоева О. В.. Психофизиологические механизмы восприятия времени человеком : дис. ... канд. психол. наук / О. В. Сысоева. – М., 2004. – 129 с.

65. Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.

66. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу ; пер. с англ. ; общ. ред. М. Э. Омельяновского. Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.

67. Фаликман М. Парадоксы зрительного внимания. Эффекты перцептивных задач / М. Фаликман. – Litres, 2020. – 370 с.

68. Финдли Дж. Н. Время: рассмотрение некоторых головоломок / Дж. Н. Финдли // Логос. –2004. – № 5 (44). – С. 59–72.

69. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский ; репринт 1914 года. – М. : Правда, 1990. – 490 с.

70. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : «Фолио», 2003. – 503 с.

71. Хахлевг К. Хукер К. А. Глава I. Исторический и теоретический контекст / К. Хахлевг, К. А. Хукер ; сокр. пер. А. А. Печенкина // Современная философия науки. – М. : Наука, 1994. – 254 с.
72. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь / И. А. Хасанов. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 328 с.
73. Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр / С. Хокинг. пер. с англ. – СПб. : Амфора, 2001. – 268 с [Электронный ресурс]. URL : <http://psylib.org.ua/books/hokin01/txt09.htm> (Дата обращения: 26.05.2020).
74. Хэммонд К. Искажённое время. Особенности нашего восприятия времени / К. Хэммонд. – М. : Livebook, 2013. – 368 с.
75. Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс ; пер. с англ. ; изд. 2-е. – М. : УРСС: Книжный дом «Либроком», 2015. – 512 с.
76. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.
77. Шин В.С. Развитие и тренировка восприятия времени в спортивной деятельности (На материалах бокса) : дис. ... канд. психол. наук/ В. С. Шин. – СПб., 1999. – 136 с.
78. Эдельман Дж. Сознание: помнимое настоящее. / Дж. Эдельман // Эволюционная эпистемология. Антология. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 419–438.
79. Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел / А. Эйнштейн // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г. А. Лоренц, Г. Минковский. – Л. : ОНТИ, 1935. – 388 с.
80. Эйнштейн А. Основы общей теории относительности / А. Эйнштейн // Принцип относительности. А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Г. А. Лоренц, Г. Минковский. – Л. : ОНТИ, 1935. – 388 с.
81. Элькин Д. Г. Восприятие времени / Д. Г. Элькин. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 312 с.
82. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды : [детская и педагогическая психология] / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – 560 с.
83. Яницкий М. С., Серый А. В, Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Проконич // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20). – С. 175–180.
84. Bayne T. The Unity of Consciousness / T. Bayne. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 341 p.

85. Barbour J. *The End of Time: The Next Revolution in Physics* / J. Barbour. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 384 p.
86. Block N. Consciousness, accessibility, and the mesh between psychology and neuroscience / N. Block // *Behavioral and Brain Sciences*. 2007. – Vol. 30. – P. 481–548.
87. Broad C. D., *Scientific thought: A philosophical analysis of some of its fundamental concepts* / C. D. Broad. – London: Routledge, 2014. – 560 p.
88. Brogaard B. Gatzia D. *Time and Time perception* / B. Brogaard, D. Gatzia // *Topoi*. 2015. – № 34 (1). – P. 257–263.
89. Clay E. R. *The Alternative: a Study in Psychology* / E. R. Clay. – London: Macmillan, 1882. – 167 p.
90. Craig A. D. *Emotional moments across time: A possible neural basis for time perception in the anterior insula* / A. D. Craig // *Philosophical Transaction of the Royal Society*, B. – 2009. – № 364 (1525). – P. 1933–1942.
91. Dainton B. *Stream of Consciousness: Unity and Continuity in Conscious Experience* / B. Dainton. – London: Routledge, 2000. – 272 p.
92. Dainton B. *Temporal Consciousness* / B. Dainton // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL : <<https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/>> (date access: 20.11.2019).
93. Dennett D. C. *Consciousness explained* / D. C. Dennet. – Boston : Little, Brown and Company, 1991. – 511 p.
94. Dorato M. *Presentism and the Experience of Time* / M. Dorato // *Topoi*. – 2015. – Vol. 34 (1). – P. 265–275.
95. Eichenbaum H. *Time cells in the hippocampus: a new dimension for mapping memories* / H. Eichenbaum // *Nature reviews. Neuroscience*. 2014. – Vol. 15 (11). – P. 732–744.
96. Everett D. *Don't Sleep: There are Snakes. Life and Language in the Amazon Jungle* / D. Everett. – NY : Pantheon Books. – 2008. – 320 p.
97. Foster J. *The Immaterial Self: A Defence of the Cartesian Dualist Conception of Mind* / J. Foster. – NY : Routledge. – 1991. – 308 p.
98. Gallagher Sh. *Sync-Ing in the Stream of Experience Time-Consciousness in Broad, Husserl, and Dainton* / Sh. Gallagher // *Psyche*. – 2003. – № 9 (10) [Electronic resource]. URL : <<http://journalpsyche.org/files/0xaabb.pdf>> (date access: 20.11.2019).
99. Gallagher Sh. *Time, Emotion, and Depression* / Sh. Gallagher // *Emotion Review*. – 2012. – № 4 (2). – P. 127–132.

100. Heron J. et al. Duration channels mediate human time perception / J. Heron, C. Aaen-Stockdale, J. Hotchkiss, N. W. Roach, P. V. McGraw, D. Whitaker // Proceedings of the Royal Society of Biological Sciences. – 2011. – № 279 (1729). – P. 690–698.
101. Hsieh L.-T. et al. Hippocampal Activity Patterns Carry Information about Objects in Temporal Context / L.-T. Hsieh, M. J. Gruber, L. J. Jenkins, Ch. Ranganath // Neuron. – 2014. – № 81 (5). – P. 1165–1178.
102. Kelly S. D. The Puzzle of Temporal Experience / S. D. Kelly // Cognition and the Brain: The Philosophy and Neuroscience Movement. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 1–26.
103. Kitamura T. et al. Island Cells Control Temporal Association Memory / T. Kitamura, M. Pignatelli, J. Suh, K. Kohara, A. Yoshiki, K. Abe, S. Tonegawa // Science. – 2014. – Vol 343 (6173) – P. 896–901.
104. Kitamura T., Macdonald C. J., Tonegawa S. Entorhinal-hippocampal neuronal circuits bridge temporally discontiguous events / T. Kitamura, C. J. Macdonald, S. Tonegawa // Learn Mem. – 2015. – № 22 (9). – P. 438-443.
105. Klincewicz M. Time, Unity, and Conscious Experience : dissertation / M. Klincewicz. – CUNY Graduate Center, 2013. – 231 p.
106. Le Poidevin R. The Images of Time. An Essay on Temporal Representation / R. le Poidevin. – NY : Oxford University Press Inc, 2007. – 193 p.
107. Le Poidevin R. The Experience and Perception of Time / R. Le Poidevin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL: <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/time-experience/>> (date access: 20.11.2019).
108. Le Taille R de. Relativite Poincare a precede Einstein / R. de la Taille // Science et Vie. – 1995. – No. 931. – P. 114–119.
109. Lee G. Temporal Experience and the Temporal Structure of Experience / G. Lee // Philosophers' Imprint. – 2014. – Vol 14 (3). – P. 1–21.
110. Libet B. Subjective referral of the timing for a conscious sensory experience / B. Libet, E. W. Wright, B. Feinstein, D. K. Pearl // Brain. – 1979. – № 102. – P. 191–222.
111. Locke, J. The Works of John Locke Esq; Three Volumes / J. Locke. – London : John Churchill and Sam. Manship, 1714. – 592 p.
112. Mabbot J. D. Our Direct Experience of Time / J. D. Mabbot // Mind. – 1951. – Vol. 60. – № 238. – P. 153–167.

113. MacDonald C. J. et al. Hippocampal “Time Cells” Bridge the Gap in Memory for Discontiguous Events. / C. J. MacDonald, K. Q. Lepage, U. T. Eden, H. Eichenbaum. // *Neuron*. – 2011. – №71. – P. 737–749.
114. McTaggart J. M. E. The Unreality of Time // J. M. E. McTaggart // *Mind*. – 1908. – № 17. – P. 457–474.
115. Mellor D. H. Real Time / D. H. Mellor. – Cambridge & New York : Cambridge University Press, 1981. – 203 p.
116. Mellor, D. H. Transcendental tense / D. H. Mellor and J. R. Lucas. *Proceedings of the Aristotelian Society // Supplementary Volumes*. – 1998. – Vol. 72. – P. 29–43+45–56.
117. Muideen A. O. Problem of Time and the Dilemma of Presentism / A.O. Muideen // *Canadian Social Science*. – 2017. – Vol 13 (7). – P. 53–57.
118. Oaklender L. N. A defense of the new tenseless theory of time / L. N. Oaklender // *The Philosophical Quarterly*. – 1991. – Vol. 41 (162). – P. 26–38.
119. Power Sh. E. Perceiving Multiple Locations in Time: A Phenomenological Defense of Tenseless Theory / Sh. E. Power // *Topoi*. – 2015. – Vol. 34 (1). – P. 249–255.
120. 118. Pöppel E. Mindworks: Time and Conscious Experience / E. Pöppel. – NY : Harcourt Brace Jovanovich, 1988. – 211 p.
121. Pöppel E. Time Perception / E. Pöppel // *Handbook of Sensory Physiology*. – Vol. VIII: Perception. – Berlin : Springer-Verlag, 1978. – P. 713–729.
122. Pöppel E. A hierarchical model of temporal perception / E. Pöppel // *Trends in Cognitive Sciences*. – 1997. – Vol. 1 (2). – P. 56–61.
123. Pöppel, E. Temporal mechanisms in perception / E. Pöppel // *International Review of Neurobiology*. – 1994. – Vol. 37. – P. 185–202.
124. Reid T. The Essay of Intellectual Power of the Man / T. Reid // *The works of Thomas Reid, DD*. – Edinburgh : MacLachlan and Stewart, 1952. – P. 215–508.
125. Ruhnau E., Pöppel E. Adirectional Temporal Zones in Quantum Physics and Brain Physiology / E. Ruhnau, E. Pöppel // *International Journal of Theoretical Physics*. – 1991. – № 30 (8). – P. 1083–1090 (1091).
126. Savin H. B. On the successive perception of simultaneous stimuli / H. B. Savin // *Perception & Psychophysics* 2. – 1967. – P. 479–482.
127. Schiffman H. R. *Sensation and Perception* / H. R. Schiffman. – NY : John Wiley & Sons, 2011. – 608 p.
128. Sprigge T. L. S. American Truth and British Reality / T. L. S. Sprigge. – Chicago : Open Court, 1993. – 630 p.

129. Torrengo G., Ciuni R. Introduction: Time and Time Experience / G. Torrengo, R. Ciuni // *Topoi*. – 2015. – № 34 (1). – P. 133–136.
130. Tulving E. Précis of elements of episodic memory / E. Tulving // *The Behavioral and Brain Sciences*. – 1984. – Vol. 7. – P. 223–268.
131. Varela F. J. The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness / J. F. Varela // Petitot J., Varela F. J., Pacoud B.& Roy J.-M. (eds.), *Naturalizing Phenomenology*. –Stanford : Stanford University Press, 1999. – P. 266–314.
132. Vicario C. M. et al. Time processing in children with Tourette's syndrome / C. M. Vicario. D. Martino, F. Spata, G. Defazio, R. Giacchè, V. Martino, G. Rappo, A. M. Pepi, P. R. Silvestri, F. Cardona // *Brain and Cognition*. – 2010. – № 73 (1). – P. 28–34.
133. Wilson K. A. Time-Consciousness and the Present: dissertation / K. A. Wilson // University of Oslo, 2008. – 59 p.